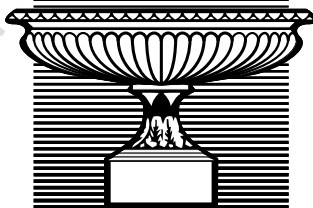

АЛТАЙ

1/2020

К 150-летию художника Григория Гуркина (1870-1937)

Григорий Иванович Гуркин (Чорос-Гуркэ)

Озеро горных духов. 1910

Холст, масло, 95х127

Собственность ГХМАК

Издается с 1947 г.

А Л Т А И

МАРТ

1/2020

*литературно-художественный
публицистический
культурно-просветительский
журнал*

16+

ЖУРНАЛ «АЛТАЙ»
№ 1, 2020

Редакционный совет:

Безрукова Е. Е. (председатель совета)
Вигандт Л. А. (главный редактор)
Габдраупова Ф. А. (Барнаул)
Жданов И. Ф. (Барнаул; п. Симеиз, Крым)
Кирилин А. В. (Барнаул)
Клишина Е. М. (Барнаул)
Колокольников С. В. (Барнаул)
Котеленец В. С. (редактор отдела, Барнаул)
Кудимова М. В. (Москва)
Курбатов В. Я. (Псков)
Малыгина А. С. (Барнаул)
Николенко Н. Г. (Барнаул)
Пономарёв П. В. (выпускающий редактор)
Скрипин Е. В. (Барнаул)
Чернышков Д. В. (Бийск)

Учредитель журнала:

Краевое государственное
бюджетное учреждение
«Алтайская краевая
универсальная научная
библиотека
имени В. Я. Шишкова»

Адрес редакции и издателя:

656038, Алтайский край,
г. Барнаул,
ул. Молодежная, д. 5,
тел.: (3852) 506-628,
e-mail: altai-journal@mail.ru

Верстка:

Четырина Н. П.

Корректор:

Берглизова Т. П.

Оформление обложки:

Александр Кальмуцкий

Издание зарегистрировано в управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Алтайскому краю и Республике Алтай.

Свидетельство о регистрации: ПИ № ТУ22–00569 от 22 сентября 2015 года.

Тираж 1600 экземпляров. Дата выхода в свет: 25.03.2020. Распространяется бесплатно.

Адрес типографии: ООО «Издательский дом «Алтапресс». 656043, г. Барнаул, ул. Короленко, 107, тел. 658197, print@altapress.ru.

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций.

Их мнение может не совпадать с точкой зрения редакции.

При цитировании материалов без согласования с редакцией ссылка на журнал обязательна.

СОДЕРЖАНИЕ

Поэзия

Инна Кабыш. В моей бестрепетной отчизне 24

Алексей Пурин. «Морозный Рыбинск не разбудит...». «Вспомним, Бозию, скифские тени...». Piazzetta. «Я заплачу!» — мне сказано было, когда...». «Я памятник воздвиг — едва ли ощутимый...». «Если вновь родиться — на Востоке...». Пароход. Пастернак смотрит на кремацию Маяковского. Себастьян. Вена. У новой ратуши. Романсеро. Вяземский. С арабского. Вариант. «Так начинают»..... 53

Валерий Котеленец. Поэты. «Когда мы спим, деревья бродят...». «Ночь за окном завывает натужно...». «Я помню ту страшную выюгу...». «Пространство октября заполнено листвой...». «Неприкаянная старость...». «Поэт не должен быть счастливым...». «всё кончится когда-нибудь увя...». «Когда работаешь метлой...». «Научи их разуму, учитель...». Песнь о великой вселенской брани. «...и взыщет за всё, что содеять смогли...». «Зима уже кончается...». «когда глаза мои сухи...». «Мечтай, мечтай — оно не вредно...». «И ничего не будет — счастья, величия, славы...». «Время покажет...». «Я долго тебя искал...». «терпеть терпеть терпеть...». «На тысячу эонов...» 66

Ольга Корзова. «По утрам тяжелеют обычные вещи...». «Я чувствую синичьи коготки...». «Они — моя родня...». «Мне захотелось выйти в тишину...». «Сама себе кажусь большим кустом...». «По снегам осторожно ступая...». Родные имена. «Обижаюсь, услышав...». «А у мамы кукол не было...». Лампы. Молитва. «Моё синичье царство не достанется...». Чей сад? «Как вязок зимний быт...» 93

Артем Деревянкин. Десятая зима. «Птицы музыку клюют с рук...». «Как семь потов, сходила с дурака...». Утро. Фанатка. Памяти Кирилла Толмацкого. «Наколот, как цыплёнок-бройлер...». Ножки 138

Людмила Аникеева. «Когда мы умирали...». «Не смеха ради, не забавы для...». «А я «всё пела? Это дело»...». «И нет замков таких. Таких петель...». «Пусть...». «Даже приличная барышня...» 144

Проза

Евгений Скрипин. Повесть о русском человеке. Вечный цейтнот. Рассказы.....5

Станислав Колокольников. Привет любителям дальнего приема. <i>Рассказ</i>	40
Никита Немцев. Поствсё. <i>Рассказ</i>	75
Анна Ремез. Библиотечный день. <i>Рассказ</i>	85
Людмила Шишенина. Не поле перейти. <i>Рассказ</i>	129

Лучшие биографии

Наталья Лясковская. Лесков. Глава 1. В Горохове родился, да не пригодился. <i>Окончание. Начало № 4, 2019</i>	103
--	-----

Дебют

Павел Рябов. Жажда странствий. <i>Рассказ</i>	119
--	-----

Очерк. Краеведение

Артур Кунгуров. На реке на Ляпихе	148
Сергей Тепляков. Рукопись Константина Симонова в Барнауле?	153

Критика, литературоведение

Александр Куляпин. Чем хуже для Кафки, тем лучше для Шукшина: заметки о книге П. С. Глушакова «Шукшин и другие»	163
Татьяна Богумил. Поэты о Барнауле: образ города	170

Книжный двор

Михаил Гундарин. Гибель всерьез. Телега смерти. Мачо (не) плачут. Венедикт расфасованный. Мусорная история. Боевой говорун. Таблетки от счастья. <i>Рецензии</i>	187
---	-----

Кинозал

Станислав Минаков. О восстании декабристов замолвите слово. На выход кинофильма «Союз спасения»	201
--	-----

Евгений Скрипин

Родился в Дезказгане, Казахстан.
С 1982 года живет в Барнауле.
Окончил АлтГУ. Работал в городских
и краевых газетах. Публиковался
в журналах Барнаула и Москвы.
Автор книги эссе о литературе
«Барнаульские поэты без иллюзий»
(2014).

ПОВЕСТЬ О РУССКОМ ЧЕЛОВЕКЕ

В последнее время я часто думаю о «Повести о русском человеке». То есть я думаю, что нет сейчас ничего важнее такой книги, и удивляюсь, почему ее до сих пор нет. Неужели это неинтересно? И даже не о русском человеке вообще, с этим как раз более-менее понятно, но о русском свободном человеке.

Я даже начал копить какой-то материал по этому поводу, собирать в папочку надерганные в интернете факты. История, религия, политология, гиганты мысли о русском вопросе... И все больше понимаю, что в этом мало проку. Копать, если хочешь до чего-то докопаться, надо начинать в себе. Но достаточно ли сил и сердца у тебя для этого?

Думаю, я ее все-таки напишу, повесть. Или — не напишу, не успею. Как не успели многие из подступавшихся к ней великих людей, не мне чета. А вот почему-то не написали — не успели, не захотели или не справились. Не потому же, что их нет, свободных русских людей? Это было бы обидно и неправильно.

За лето Шурик неожиданно вырос. Был маленький, стоял все время где-то в середине строя, и вот на линейке оказалось, что его место — в голове колонны, рядом с длинным Захаровым. Шурик еще не успел подстричься, но есть нарочно пришел на линейку нестриженным, волосы у него за лето выгорели, и Шурик, представлявший себе кем-то вроде актера Видова из «Всадника без головы», был, конечно, смешон — худой, как одуванчик, с соломой волос и длинными руками и ногами.

То есть он был еще ребенок, и вот это ощущение себя ребенком, несмотря на длинный рост, Шурику хорошо запомнилось. Потому что многие ребята, одноклассники, за лето не выросли, но возмужали.

Шурик стоял во главе колонны и привыкал к новым ощущениям. Оказалось, это не так просто — стоять во главе. Хотелось скрыться с глаз учителей и затеряться на привычном месте, в середине.

Теперь Шурик находился дальше чем обычно от Аленки Гоковой, но, даже не оглядываясь, чувствовал ее присутствие. И ему делалось приятно и тревожно, как всегда, когда рядом была Аленка.

Слева от них стоял 9-й «Б». Шурик помахал знакомым. Помахал отдельно хулигану Славке Голикову. Тот кивнул. Во главе «бэтиков» стоял, лицом к ребятам, парень в форменной одежде, с алыми, как грудь у снегиря, погонами. Это был Вовка Третьяков, суворовец. Странная, интересная история. Суворовцами были дети, чьи отцы погибли на войне. А отец Вовки Третьякова был не только жив, он был главой района! Высокий, Вовка улыбался и зачесывал расческой назад волосы.

Речи ораторов закончились. Парень из выпускного класса посадил на плечи первоклассницу, и они прошли в большие двери школы. Хлынули к крыльцу колонны школьники. В традиционном, установленном сто лет назад порядке: младшие классы, средние и старшие. Под предводительством классных руководителей они втекали в двери старой двухэтажной школы.

Менялось все, но дверь все годы оставалась прежней. Ее только красили каждый год свежей голубой или зеленой краской и обшивали снизу стальными листами. Той же была и деревянная дверная ручка — ее цилиндр до блеска отполировали и истерли, утончили ладони десятков тысяч школьников.

Прошел 9-й «А», уползал в дверь 9-й «Б». Шурик с Захаром повели колонну «вэтиков». С крыльца им улыбался белыми железными зубами несменяемый директор школы химик Дудников. Дудников улыбался только раз в году — 1 сентября.

Неожиданно колонна встала. Хвост «бэтиков» не втягивался в дверь. Толпа девятиклассников обтекла Шурика с Захаровым и запрудила крыльцо, оттеснив их классную Альбину Тимофеевну. Сзади наперли. Шурик, едва удержавшись на ногах, ввалился в тамбур.

Тамбур, глухая проходная комната с высоким потолком, был забит школьниками, втиснутыми в стены помещения. Они образовали круг, а посередине круга бились Третьяков и Славка Голиков. Они били друг друга по лицу, головы дергались, и странно, что ни тот ни другой не пытались защититься, а методично, как по договоренности, обменивались страшными ударами. Славка был бледный, а у Третьякова на щеках играл румянец. У обоих по лицу бежала кровь. У Третьякова лопнула губа, а Славка вытирал разбитый нос.

Шурик с восхищением и ужасом смотрел на Третьякова. Третьяков был спортивный парень. Но что он мог предъявить Славке Голикову! Хулиган Славка крутил солнышко на турнике и имел треугольную фигуру закаленного бойца.

А — мог. Они били друг друга, время шло — оно будто остановилось в тамбуре, — и треугольный Славка явно недоумевал, почему сын главы района не свалился до сих пор ему под ноги. И, кажется, не собирается бежать.

Наконец в тамбур втиснулась Альбина Тимофеевна и бросилась, повисла на плечах у Славки Голикова. Включился звук: до этого никто не произнес ни слова. Только тупые мерные удары, от которых у парней дергались головы. Классная завизжала, как девчонка, оттесняя Голикова, и следом в тамбур влетел с перекосенным лицом директор Дудников. Вовку со Славкой повели к учительской. А «Б» и «В» пошли на лестницу.

Долго не приходила классная. Потом пришла и поманила к двери Настю Воробьеву.

Славка и Настя дружили с шестого класса. А с восьмого Настя стала бегать за сыном главы района Третьяковым.

Воробьева была смуглая худая маленькая женщина. Если ее вызывали к доске и она не знала урока, Воробьева молча поднималась и стояла, опустив глаза.

— Что, Воробьева? Не готовы? — спрашивал учитель.

Настя молчала.

— Воробьева! Что с вами? Больны?

Настя кивала головой.

— Чем вы больны?

Воробьева вскидывала темные глубокие глаза:

— Я вам потом отдельно объясню.

— Да не надо мне ничего объяснять! — пожимал плечами учитель, мужчина или женщина. — Садитесь...

Вернулась Альбина. Школьников распустили по домам. Шурик ушел и сел на лавку в сквере. Драка не выходила у него из головы. Третьяков дрался, будто он не знал, что Голиков известный хулиган. Что шансы белокожего Володьки перед грозным треугольником равны нулю.

И, оказалось, он был прав! Чем бы ни кончилась та драка, Третьяков в ней уже победил, когда ударил в ответ, и у Славки дернулась, как будто отлетела, голова.

Шурик подумал, что Володька Третьяков, вообще-то, всегда, в любых обстоятельствах, со всеми был самим собой.

Дорожка из асфальта через сквер с сиренями вела на школьный стадион. Далее по тропинке можно было подойти к забору и через высокое крыльцо выйти на улицу Садовую. На этой улице жила Аленька Гокова.

Шурик сидел в сквере и ждал. Но на дорожку вышел Славка Голиков. Прошел, не замечая лавку с Шуриком.

— Славян! — сказал Шурик.

У Славки была своя жизнь, в которой школа, кажется, играла совсем незначительную роль.

— Что Дудников? — сказал Шурик.

Славка махнул рукой. Правильный, острый треугольник, основанием развернутый вверх, к голове. Заправленная в брюки белая рубаша пузырилась на спине. Шурик подумал: смог бы он схватиться с Голиковым?

Два года назад Шурик был влюблен в Маринку. Однажды они

в пионерском лагере остались вдвоем, мыли окна в спальном корпусе. Шурик стеснялся и никак не проявлял свою любовь. И туда вдруг пришел девятиклассник Дёма и начал хватать его Маринку. Шурик не помня себя бросился на Дёму.

То есть, если любишь, то не думаешь. Но Славка с Вовкой, кажется, дрались не из-за Насти. Из-за чего-то еще били они друг друга в лицо так, что кровь летела во все стороны.

Странно, подумал Шурик, но Славка и Вовка, антиподы, были поразительно похожи. То же, что выделяло Вовку из других, было у Славки. Как будто вывернутое наизнанку, но — оно.

Шурик сидел и думал о том, что он не забудет драку в тамбуре, звуки ударов, брызжущую кровь. А еще больше не забудет восхищения от этой драки и вопросов, что пришли Шурику в голову. Вопрос, собственно, был один.

Почему, если два свободных человека встретятся, то обязательно подерутся? Шурик не ставил вопрос вот так прямо, но он его чувствовал. Он восхищался Вовкой и Славяном, но сам не хотел быть ни Славяном, ни — тем более — Володькой. Уеду, неожиданно подумал Шурик. Кончу школу и уеду навсегда отсюда.

Очередной класс с шумом вывалился из дверей на улицу. Потом шум стих — будто волна ударила, легла на берег и ушла в песок.

Черта с два вам, подумал Шурик. Черта с два.

ВЕЧНЫЙ ЦЕЙТНОТ

I.

Это было незадолго до Большого Взрыва. Пришел с работы мой сын, двадцатилетний балбес — еще более бессмысленный балбес, чем я в его годы. Я в его годы все-таки был уже женат, сам зарабатывал себе на жизнь, имел комнату в общежитии и какую-никакую, но цель в жизни.

Сын не имел никаких целей, сутками сидел за компьютером, то есть с девчонками замечен не был, а на работу мне удалось его

выгнать только пару месяцев назад, и то лишь потому, что в доме кончилось продовольствие. На службе сыну полагался продуктовый суточный пакет.

Сын пришел чем-то расстроенный, я заметил это и спросил, в чем дело. Нехотя сын рассказал. В их департаменте учили надевать противогазы. А расстроило сына то, что лектор рассказал о нацеленных на наш город американских ракетах.

— Ну, правильно, — сказал я сыну. — Только не на город, а на Крюково. Но это один хрен. Там стоят наши ракетчики. Видел по дороге к даче указатель — Крюково? Семь километров в лес. Если пальнут, то мало не покажется.

— Э-э! — сказал я сыну, увидев, что он расстроился еще больше. — Никто по нам не пальнет, не бойся. Наоборот, гордиться надо, что это у нас стоят, а не где-то. Ядерный щит Родины, сынок!

Это я так сказал, для профилактики. Но какая, в самом деле, была разница, где кто стоит! Шарик настолько мал, что не имело ровным счетом никакого значения, семь километров до части РВСН или семьсот.

— Не скажи, — сказал Марк. Мы сидели за бутылкой выгнанного им напитка. Кандидат биологических наук Марк Гдальевич гнал самогон из облепихи и даже, кажется, умудрялся обходиться без сахара. Маркус был голова, а облепихи росло море у него в саду. Мы были с Марком соседи не только по лестничной площадке, но и садоводства наши были рядом.

Это по протекции соседки, жены кандидата, нам удалось устроить своего балбеса на работу. После знаменитой Второй, или Осенней, волны кризиса только в виртуальном пространстве еще что-то происходило, что-то еще надо было обрабатывать и передавать данные наверх. Работали, разумеется, только государственные учреждения, но именно в таком служила жена кандидата. Нам крупно повезло с соседями.

— Все имеет значение, — сказал Марк. — Даже небольшая горка. Одно дело, если шархнет, а ты стоишь в степи, другое — если успел лечь за горку.

— Брось ты! — сказал я. — Какие горки! Один пепел на сотни километров.

— Смотря какая бомба. Но в принципе в пяти км от эпицентра уже можешь выжить. Если спрячешься за горку. А еще лучше — в норку...

— И не пепел, а, скорее, расплавленное стекло, — добавил Марк. После того как мы выпили облепиховой и закусили капустой. Морской: это уже из моих запасов. — Там еще большое значение имеет сила ветра. При взрыве мегатонной бомбы в трех километрах от эпицентра сила ветра будет пятьсот километров в час, а в шести километрах — вдвое меньше.

Уже тогда мне показались странными вот эти глубокие познания Марка. Мы с ним оба были неглупые люди, но я таких подробностей не знал. Ну и что, что он кандидат? Он же — биологических наук, а бомбы и ветер были не его специальностью.

Хотя люди уже очумевали от безделья и были напичканы разным информационным мусором. Что касается меня, то я старался даже телевизор смотреть редко. Мое душевное состояние того времени можно описать так. Если раньше, в молодые годы, я смотрел в окно, как вот сейчас с Марком, видел там голубое небо с облаками и понимал, что эта Земля и это небо вечны, а я, увы, конечен, то теперь мои ощущения странным образом переменялись. То есть теперь я чувствовал, что этот мир, наоборот, конечен, и что конец не удален от нас на миллионы или даже миллиарды лет, а где-то рядом. Совсем близко. Сам я при этом, как ни странно, вечен.

Сын ушел к компьютеру, а мы с Марком продолжили разговор. Наши участки были рядом, и я часто подвозил Марка к воротам его садоводства, но мы были совсем разные дачники. Половину своего участка я закатал в асфальт, а другую половину засеял газоном. Это и была цель моей жизни — загородный дом. Вернее, так: сначала семья, потом автомобиль, потом квартира в городе. И, наконец, хороший загородный дом.

Можно сказать, что к сорока годам мои мечты исполнились. Теперь мне было пятьдесят. Кандидат звал меня Петровичем. Я звал его Марцелла, Маркус. Марк был всего на двенадцать лет моложе, но все равно как бы уже другое поколение. И я уже лет двадцать понимал, что жизнь фактически профукана.

В кухню снова заглянул — или лучше сказать, ворвался — сын. Обычно он всегда спокоен, флегма. Одно время это страшно возмущало меня. Вероятно, он был в мать. Я, как вы уже, наверное, поняли, хотел видеть другого сына: кого-то вроде идеально-го меня, каким я собирался быть. Теперь я понимал, что глупо ждать от сына того, чего не сумел или не захотел я сам. Они такие же, как мы.

— Папа! — сказал он, и я испугался. Он давно называл меня «отец», и, повторяю, он был флегма. Должно было произойти что-то необычайное, чтобы он обрадовался или огорчился. Меня и так уже удивил его вид, с которым он пришел домой из департамента.

— В Туле восстание, — сказал ребенок. Голос у него сорвался.

— Тьфу ты, — сказал я. — Напугал. Я уж подумал, в самом деле что-нибудь случилось...

Однако я заметил, как побледнел и потянулся за моими сигаретами Марк. Обычно Марцелла не курил.

— Там все серьезно, — сказал сын. — Убиты сорок тысяч человек. Город бомбят, с земли сбивают самолеты.

— Началось! — сказал Марк и странно ухмыльнулся. Как будто он обрадовался, что в Туле убиты сорок тысяч человек и там идет война.

— Включай ящик, — приказал я сыну, все еще не веря, что в стране может случиться что-нибудь особенное.

В кухне был маленький телевизор. Мы его нервно включили, таращась в еще пустой экран, как будто что-нибудь зависело от этого ящичка в сером пластмассовом корпусе. Наконец замелькало. В новостной программе НТВ показывали транспортное происшествие на Кольцевой. На остальных каналах тоже ничего про Тулу не было.

В этот же вечер перестал работать интернет. События развивались стремительно. Так быстро, что трудно было что-нибудь понять. У нас волнения начались на другой день. Люди вышли на улицы. Толпу на площади у памятника Ленину заводили молодые леваки и коммунисты. Вернее, коммунистки: несколько известных всему городу пожилых теток, прославившихся своим

бесстрашием и бестолковостью. Они бы долго кричали о тарифах, грозя небу сухонькими кулачками, если бы не группа молодых людей, человек в сто, молчком направившихся с арматуринами прямо к зданию Правительства.

Я был в толпе, хотя разумней было оставаться дома. Грозная сила вытащила меня, как за шкурку, в эпицентр событий. Полиция разбежалась сразу, побросав щиты и палки, только появились те решительные молодые люди. Начался погром. Запомнилось, с каким ожесточением и радостью громили Дом правительства его работницы — такие же, как бабы с улицы, простые тетки. До убийств дело не дошло. У нас вообще народ спокойный, не Тула. Ночью горели магазины, мэрия, особняки и почему-то Дворец спорта.

Боевые действия велись в Москве и в миллионниках. Там власть оказалась подготовленной к событиям. Но тоже все закончилось печально для нее и быстро.

Вечером выступил по телевидению с обращением к народу Чрезвычайный Президент. Поздравил народ с победой над силами зла. Сказал, что члены сбежавшего продажного правительства и олигархи арестованы в странах прибытия немедленно по выходу из самолетов. Это понравилось нам с кандидатом. Мы за это выпили облепиховой.

Теперь работы не было ни у кого. Мы ели совершенно уже невозможные продукты, какую-то травку, корни, собранные в парке. Выменивали сухари на рынке за обручальные кольца. Надо было ехать на дачу за зеленью — если ее не съели окрестные жители или ракетчики. Но ехать было не на чем, бензина не было. А общественный транспорт после победы над силами зла уже не ходил. Он не ходил и раньше, но как-то еще можно было добраться до Крюково. Теперь он не ходил совсем.

Зато появились деньги. Невероятно: деньги сбрасывали с вертолетов! Над городом кружили военные вертолеты и разбрасывали пачки денег. Это были настоящие российские рубли, от которых мы отвыкли и теперь рассматривали их, улыбаясь, как дети. Только они ничего не стоили. На них ничего нельзя было купить. У жены кандидата накануне вброса денег с вертолетов оставалась

сотня (триста граммов муки или стакан сахара), на самый черный день. И вот он наступил!

В мире происходили странные события. Из транзистора Марцеллы мы узнали, что на Курилах высадился полк японской самообороны. Что наши кавказские республики уже не наши. Мы даже не поняли, чьи они. Снова заволновались Тула и Рязань. Там опять шли бои.

Мы видели, как с каждым выступлением по телевизору меняется в лице наш Чрезвычайный Президент. Однажды он сказал, что бывший президент России и члены ее продажного правительства выпущены правительством Соединенных Штатов на свободу.

— Братья и сестры! — сказал Чрезвычайный, опуская глаза, уводя их в сторону от камеры. — Нас, кажется, предали...

Можно подумать, что с начала беспорядков прошло много времени. Да нет! Вечером третьего дня после Победы над силами зла к нам постучался Марк.

— Петрович! Я нашел бензин!

В руке у Марка была двадцатилитровая канистра.

— Хватит?

До Крюково по федеральной трассе — сорок верст. Хватило бы и десяти.

Утром мы ехали по трассе, выбравшись из города без приключений. Попалось несколько остовов сгоревших машин. Пост ГАИ за мостом был разорен. Слева от трассы на высокой насыпи стояла электричка с выбитыми стеклами. Ветер мотал в окнах вагонов занавески.

Было свежо, ночью над городом прошла гроза. Я включил радио. В Москве объявлено о высылке посла Японии. Нота протеста вручена послам Китая и Соединенных Штатов.

— Мать-перемать! — прокомментировал Марк с заднего сиденья. Рядом со мной сидела жена Марка Хава. Я смотрел прямо и старался не косить глаза на круглые коленки жены Марка.

Охраны в будке у ворот моего садоводства не было. Было заметно, что Мамай по хижинам уже прошел. Несколько домиков сгорели.

Людей не было видно. Я как раз ожидал, что людей будет много. Но людей не было. В ограде моего участка стало ясно почему. Грядки были разорены. Дверь в дом болталась на одной петле. Хава заплакала. «Хорошо, что не взял жену», — подумал я.

— Поехали ко мне, — сказал Марк. Он был странно возбужден.

— А смысл? — сказал я. Все было понятно.

— Есть смысл. Поехали!

Я знал, что в садоводстве Марка нет охраны. Уже несколько лет у них дежурили дружинники. Это были, как правило, военные пенсионеры. Тот, кто не мог дежурить, платил. Марк предпочитал платить.

С горки был виден триколор, мотающийся на ветру на крыше в глубине домов.

— Ага! — довольно сказал Марк. — Значит, Серега Панченко.

Из домика никто не выходил. Я посигналил. В окне шевельнулась занавеска. Марк вылез из машины и, дурачась, поднял руки вверх:

— Сдаюсь, майор!

На крыльцо вышел мужик с автоматом. Пригляделся.

— А! Здорово, академик!

Панченко выглядел испуганным. Они поговорили с Марком. Да, шалят. Война! Недавно пришлось вступить в перестрелку с местными абреками.

— Не знаю, как там у тебя. Давно не патрулируем.

Марк жил на 22-й линии, недалеко от Панченко. Мы обогнали двух бомжей, бредущих по обочине. В нескольких огородах мы заметили людей с мешками, они поворачивались спинами. Видимо, было еще что украсть.

Дверь в доме Маркуса висела на обеих петлях, но была открыта. Марк рассмеялся:

— Это ерунда! Вперед!

Мы прошли в дом. В жилище поработали разбойники. Если здесь было что-то ценное, оно было унесено. Но что могло быть ценного в жилище дачника? Особенно после Второй волны. Забрали, как сказала Хава, часы и одежду, одеяла, чайник. Исчез маленький самогонный аппарат Марка.

Марк ловко поддевал выдергой доски пола. Под досками образовался люк. После того, как Марк проделал с ним какие-то манипуляции, люк отошел, бесшумно, в сторону.

— Прошу! — сказал довольный Марк.

Я заглянул в люк. Вниз вели блестящие железные ступени — по такой лесенке пловцы спускаются в бассейн или выходят из воды.

Марк закрыл дверь, и мы полезли в люк: Марк, я и за мной Хава. Щелкнул выключатель. Мы находились в довольно большой квадратной комнате. В центре была чугунная подпорка. По краям бункера стояли агрегаты пока непонятного мне назначения, двухъярусные нары, полки. Мне вспомнился старый, еще нецветной художественный фильм «Армия Трясогузки», где оборванцы, беспризорники, попали на склад с продовольствием.

Полки в бункере Маркуса ломились от продуктов: тушенка и стуженка, рыбные консервы. Макароны, крупы. В темноту уходили бутылки с водой.

— Как тебе удалось это сохранить? — спросил я. Трудно было не поддаться искушению, не начать поедать еду немедленно.

— Это НЗ, — сказал Марк. — НЗ не едят. Только когда придет Пушной зверек.

Марк посчитал нужным провести экскурсию.

— Электроручной вентилятор, — показал он на круг с громадным рычагом. — Кончилось электричество — пожалуйста к ручке... Вентиляционные камеры, это из ГО-шных убежищ.

— Украл?

— Зачем? Они с девяностых стоят разоренные. Вынесли за бутылку облепиховой... Обрати внимание: велогенератор с автомобильными аккумуляторами. С утра покрутил, для профилактики — запас электричества на сутки.

— На случай ядерной войны?

— А что тут смешного? — Марк посмотрел на Хаву, положил ей руку на плечо. Хава кивнула. — Абсолютно автономное убежище, рассчитанное на два года. Год, во всяком случае, продержимся.

Марк подключил системы жизнеобеспечения. Пускай, пока мы тут, продует, сказал Марк. Приглядевшись к обстановке,

я заметил, что бункер Марцеллы стилизован под советское учреждение. Висела политическая Карта Мира с красной территорией СССР на правом полушарии. На тумбочке стояла радиоларижского завода — кажется, такие назывались «Ригонда». Холодильной камерой был холодильник «Зил»... Я поискал глазами. И нашел: на стене над зеленым сукном двухтумбового стола висел портрет Ильича Первого.

— Собери суточный пакет, — сказал Марк Хаве. — Два пакета.

Мы с Марком вышли на крыльцо. Тучи окончательно рассеялись, выглянуло солнце. Сразу за 22-й линией начинался реликтовый бор. Сказочное место.

— Ты это всерьез? Насчет войны? — спросил я Марка.

— Если ружье висит на стене, оно обязательно выстрелит, — помолчав, сказал Марк. — Оно висит уже семьдесят лет. Висит хреново, на одном гвозде. А сейчас и вовсе закачалось. Ты разве не видишь?

Я видел. Но я знал и другое.

— Это самоубийство, Марк, — сказал я. — Кому это надо? Сколько ты вложил в эту берлогу?

— Четыре года строил — сказал Марк. — Когда стало ясно, что Пушной зверек придет.

— Лучше бы ты тушенки побольше купил, — сказал я.

И в это время в воздухе раздался звук. Как будто гроза вернулась, и, низкий, прошелся вдалеке, после разряда молний, гром. Обложив горизонт и распугав ворон. Из пустого голубого неба выскочил, как всегда неожиданно они выскакивают, самолет.

— Какой-то странный самолет, — сказал я.

Самолет, похожий на болванку, с короткими крыльями, стремительно удалялся в сторону Крюково. Затем появился второй самолет, третий... И скоро за бором ахнул взрыв. Красное облако огня вздыбилось на полнеба. Сотряслась земля.

— Это крылатые ракеты, — сказал Марк. — В укрытие!

В дверях стояла Хава с суточными пакетами и с деревянным Петухом в руках. За ней зияла дыра люка.

— В укрытие! — скомандовал Марк. — Оба!

— Это что, ядерные? — сказал я.

— Были бы ядерные, нас бы уже не было, — сказал Марк. — Ну, бегом!

Мы с Хавой проскользнули внутрь. Марк задвигал за нами люк.

— Я на минуту, до Сереги, — сказал Марк, когда я повернулся и успел увидеть в щели голову и руки Маркуса. Крышка захлопнулась. И в то же время лопнула Земля. Так показалось. Кубарем я полетел вниз с лестницы. Через меня прошло громадное тепло. Пронзило и ушло куда-то дальше, в пол. А затем Земля раскололась еще раз. Все погрузилось в жар и мрак.

Иногда я думаю, зачем Марк показал мне бункер. Он ни слова не говорил мне об убежище под дачным домиком до того дня, когда пришел, как говорил Марк, Пушной зверек. То есть Писец. ПП — Полный Писец. Мы, правда, сильно сблизились с Марком после Второй Волны. И, с другой стороны, как бы еще Марцелла с Хавой добрались до садоводства?

Понемногу я разобрался в хозяйстве Марка. Кое-что знала Хава, кое до чего допер я сам. Например, я догадался, что за штука висит в углу бункера, сразу за вентиляционной камерой. Покопавшись, я включил табло. Это был уличный дозиметр.

У нас с Хавой хватило ума не пытаться сразу выбраться наверх. Да мы бы и не сумели этого сделать. Марк обустроил лаз так, чтобы чайник не мог сдуру повернуть запоры люка и пустить внутрь смерть. Как будто он рассчитывал нарочно на меня.

Он только немного не рассчитал с часом П. Думал, у него еще есть время, рано еще уходить в убежище с концом, на год или на два.

Что все-таки случилось в тот злосчастный день? Из тех обрывков, что были услышаны нами по радио, мы поняли примерно следующее. НАТО атаковала наши ядерные силы, в том числе Крюковскую часть РВСН, крылатыми ракетами. Ядерный арсенал России уничтожили. Только не весь. Секретный, в космосе, у нас висел козырный туз. Над территорией Соединенных Штатов рванул спутник с водородной бомбой. Полностью закрыв Америку.

Мы не знали, что случилось с остальными. Последней выходила на связь с миром франкоязычная радиостанция из Конго. Переводить было не обязательно: Полный Писец и в Африке Полный Писец.

Только первые дни я казнил себя, что не взял в последнюю поездку сына и жену. Кто знал, что все так сложится? Сын, кстати, все равно бы не поехал. Он никогда не ездил с нами в садоводство, потому что в загородном доме не работал интернет. И сам я давно не любил свой загородный дом.

Когда я думаю о сыне, я печалюсь о другом. Я почему-то вспоминаю, как сердился на него за то, что сын не любит лыжных выходов. Случалось, что в субботу или в воскресенье мы с женой, как все добропорядочные люди, начинали собираться в лес. Типа мороз и солнце! Но сын упирался. Ни в какую! И мы, в общем, сердились, но вздыхали с облегчением. Ни я, ни она не любили лыж. Мы оставались дома, убивая время кто как мог. Черт его знает, почему я это вспоминаю.

Я вообще не помню время с тридцати до сорока пяти. Хотя я продолжал выполнять личный план. Последние пять лет я помню хорошо, и то лишь потому, что после сорока пяти я твердо знал, что все это не то. И это понимание конца, которое накатывало, стоило мне посмотреть в окно.

В бункере окон нет. Разбираясь в хозяйстве Марка, я понял, что Марцелла собирался вытянуть наружу трубу перископа, но не довел эту работу до конца. Теперь это было невозможно. Да и что бы мы увидели снаружи!

Я большую часть времени кручу педали велогенератора или копаюсь с запчастями к агрегатам. Или пишу свои заметки за столом, затянутым в зеленое сукно. Хава читает, вырезает деревянные скульптурки или шьет. Мы редко говорим. Или, бывает, говорим взахлеб.

Вероятно, вот в таких же — или покомфортней — бункерах сидят еще где-то по миру группы уцелевших идиотов. А, может быть, мы с Хавой остались вдвоем на планете. Возможно, мы должны стать новыми Адамом и Евой человечества. Если не сдохнем в вырытой своими же руками годовой могиле. Вернее, руками моего соседа Марка. Который знал, что Пушной зверь придет.

II.

Да, это было в год Большого Взрыва, когда из морей и океанов вдруг выросли стрелы молний, скоро опоясавших земной шар причудливой сеткой — как ударами плетью. Оказалось, что подводный мир кишел железными акулами, и вот наступил момент, когда они почти одновременно выплюнули ядерными жалами на сушу смерть.

Плети ударили и с суши. Долгожданный Конец Света наступил. Это почувствовал в эти минуты каждый на Земле. Люди вдруг поняли, что шутки кончились.

— О Господи! — кричали они, поднимая к небу руки. — О Великодушный!

Жаль, что они не видели в этот момент себя со стороны. Они то страстались в бурые большие пятна, то, как заряженные одинаково частицы, отлетали друг от друга. Будто бильярдные шары. Странно, но люди никогда не думают, что, объективно, ходят по Земле вниз головой.

— Спаси и сохрани! — молили они в своих разметаемых ядерным ветром, как картонные коробки, городах. Тьма заволакивала Землю — на короткое мгновение появились звезды и погасли. Для внешней стороны, если смотреть от звезд, погасла, превратилась в черную дыру, Земля.

Там еще теплилась какая-то — в подводных лодках, в бункерах, на дальних островах, в пещерах — жизнь. Еще шла самая короткая в истории мира война. Глохли и стушевывались генералы и садились молча, понимая, что никто не слышит их команды.

Сотни пилотов, успевших поднять машины в небо, в эти мгновения, ослепшие, сошли с ума. Их корабли вспарывали стратосферу, пролетали по ночи ракетой и валились обратно на Землю. Законы физики еще работали.

— О Господи, — шептали те, кто уцелел. — О Всемогущий!

Не к кому больше было обратиться. У всемогущих королей и президентов и у серых кардиналов вдруг не оказалось слуг. Народы увидели, что их вожди бессильны. Теперь надежды не было ни у кого. Никому в голову не приходило винить в Конце Света власть, как обычно ее обвиняли во всем, что не нравилось народу.

Люди вставали на колени и молились Богу.

А потом обрушивали на Бога проклятья — видя, как сползает мясо с костей их еще живых детей:

— Как Ты мог, Бог? Видишь ли, что Ты наделал, Господи?! Да есть ли Ты, если позволил допустить такое?!

Да есть Я, есть. А что Я мог?

Люди любят представлять Меня Кем-то вроде гроссмейстера, переставляющего на доске фигуры.

Ну хорошо, пусть шахматы...

В любой игре есть правила. Есть время на игру. Есть цель.

Жаль, говорю, люди не видят никогда себя со стороны. Хотя это несложно. Как несложно понять, что в любой игре есть — минимум — два игрока. Один делает ход — время пошло.

Вот если вместо шахмат начать на доске играть в Чапаева, то что получится? Обычно, впрочем, со Мной начинают играть в дурака.

Или если у человека нет желания выигрывать или хотя бы свести партию вничью?

Я скажу больше: пусть второй игрок садится на Мое место, сыграет за Меня. Будто с самим собой. Это довольно часто происходит в шахматах.

Кто победит?

О, эти мольбы миллиардов! Ежедневно, еженощно. Но если человек хочет стать овощем, это не значит, что Я стану помогать ему в этом. Овощей у Меня и так полно.

Хозяин ли Я вам, Бог-Вседержитель? Разумеется. Не более, впрочем, чем вы хозяева своему мозгу и воображению. Или бо-родавке. Или печени.

Часто довольно, гм, увеличенной печени...

Последним серьезным игроком был один европеец, смолоду занимавшийся наукой, но большую часть жизни посвятивший сверке чисел из Священных книг. Вот с ним Мне было интересно. Партия осталась незаконченной.

С тех пор игроки сильно измельчали и перевелись, изжулились. То есть однажды их не стало вовсе.

Люди привыкли говорить, что чувство юмора — это единственное, что их отличает от природы. Обыкновенная гордыня.

Если приглядеться, то заметно, как улыбаются на солнце тыква. Особенно после дождя. Лежит и лыбится.

Но — пусть. Только перемудрили что-то люди с чувством юмора. Прохотали, проплясали Землю.

Наступил цейтнот.

Дождь из мертвых птиц обрушился на Италию, и покраснело море в Израиле, и там, где был север, стал юг. Вам бы не тратить время, выясняя, есть Я или нет, а попытаться найти ответ на вопрос, откуда взялся Бог.

Обычно Меня представляют как нечто Великое, космических масштабов, и поэтому далекое. Можно и так. Но чтобы понять Бога, надо идти в другую сторону. Я бесконечно мал.

Видели вы снегирей в морозный день? В зимний морозный день, клюющих просо из кормушки? А водопады? А рассветы и закаты на реке?

А просто зимняя дорога? Или летняя дорога. Даже не въяве, а показанная вдруг по телевизору — мелькнувшие в экране елки, сосны, колея... Что-то действительно, настоящее. А если кто-то просто хорошо поет? Разве не вздрогнет душа, не захочет человек немедленно встать и пойти, и сделать что-то важное и вечное — то есть в любви и в радости, по своим силам и сверх сил?

Есть ли еще вопросы, зачем это все было затеяно?

III.

Я спал один на громадной кровати. Постель не была расстелена. Значит, вчера я уснул, не дождавшись начала футбола Россия — Андорра, и жена выключила телевизор и ушла спать на диван в гостиную.

Одному лучше думалось. «Вселенная, — подумал я, — аналог человеческого мозга. Или наоборот».

Когда-то, в юности, я представлял нашу Землю с ее странствами, с заводами и пароходами, полицией, политиками, атомными бомбами всего лишь косточкой в коленной чашечке какого-то Гиганта, огибающего... Что? Вопросы бесконечности в то время занимали меня более всего.

Казалось, что от нахождения ответов на эти вопросы зависит и все остальное. Смысл жизни.

И лишь сегодня, необычно рано, затемно, проснувшись, я вдруг ясно-ясно понял, что — не косточка. Не в чашечке.

Я закрывал глаза и видел точки в темноте. Эти мерцающие точки были звезды на небесном своде. Если внимательно к себе прислушаться, то было слышно, вплоть до легкого шуршания, едва заметного, как эти звезды разбегаются, и это есть процесс мышления, рождения мысли. И очень внятно понималось, что он бесконечен. Их же мириады, нервных клеток, как пишут в учебниках.

Вот тут, на этом уровне догадки, я остановился. Но те, кто знают больше, могут пойти дальше. Возможно, строение Вселенной станет нам яснее, если обратить внимание на мозг. На то, например, что он состоит из пары полушарий.

То есть я понял, что Земля — не косточка в коленной чашечке Колосса, а именно нейрон, клеточка Его мозга. Которая живет, поскольку еще не успела умереть. Они же отмирают миллиардами, пишут в тех же учебниках. Но ведь и время у Гиганта, разумеется, свое. То, что для Него секунда, для нас — вечность.

Это никак не отвечало на вопросы, не вносило ясности в смысл жизни, но создавало некую иллюзию причастности к ходу Истории, иллюзию соавторства с Колоссом. Богом.

Если сам Он — не косточка в чьей-нибудь коленной чашечке...

Я усмехнулся. И пошел, сварил себе чашечку кофе. стаканчик. Нервные клетки восстанавливаются, господа. Это неправда, что они не восстанавливаются. Обязательно!

Инна Кабыш

Родилась в Москве в семье служащих. В 1986 окончила факультет русского языка и литературы Московского заочного педагогического института. Работала в школе. Первая публикация — в альманахе «Поэзия» (1985). Стихи печатались в журналах «Новый мир», «Знамя», «Дружба народов» и других. Член СП СССР (1989). В 1996 году за книгу «Личные трудности» удостоена Пушкинской премии фонда Альфреда Тёпфера (Гамбург), в 2005 году — премии Дельвига, в 2014-м — премии «Московский счет», в 2016-м — Ахматовской премии. Автор восьми книг стихов.

В МОЕЙ БЕСТРЕПЕТНОЙ ОТЧИЗНЕ...

***

Я люблю тебя так, словно я умерла,
то есть будто смотрю на тебя с того света,
где нам каждая жилочка будет мила,
где любовь так полна, что не надо ответа.

Мне не нужно уже от тебя ничего...
Все земные сужденья о счастье лживы,
ибо счастье — оно не от мира сего.
И тем более странно, что мы ещё живы...

Ахматова в Фонтанном Доме

Дворца и коммуналки помесь —
Фонтанный Дом
(и нет печальнее, чем повесть
о доме том!):
так вот откуда этот царский —
до гроба! —
вид.
Здесь быт кромешный,
пролетарский,
но что ей быт?
И что ей время за стеною
её дворца:
не страшно в нём с ТАКОЙ странюю
быть до конца.
И не к мужчинам возвращаться —
там счастья нет.
Одно лишь есть на свете счастье —
в окошке свет.
Придёт Параша Жемчугова,
родная тень,
и будет день, и будет слово,
и снова день.
И улыбаться перестанешь,
и мука — сын,
и много всяческих пристанищ,
а дом — один.
И даже из того предела
лишь дома жаль.
И повторяет контур тела
на кресле шаль.

***

У, Москва, калита татарская:
и послушлива, да хитра,
сучий хвост, борода боярская,
сваха, пьяненькая с утра.
Полуцарская — полуханская,
полугород — полусело,
разношерстная моя, хамская:
зла, как зверь, да красна зело.

Мать родная, подруга ситная,
долгорукая, что твой князь,
как пиявица ненасытная:
хрясь! — и Новгород сломлен — хрясь! —
всё её — от Курил до Вильнюса —
эк, разъела себе бока! —
то-то Питер пред ней подвинулся:
да уж, мать моя, широка!

Верит каждому бесу на слово —
и не верит чужим слезам:
Магдалина, Катюша Маслова,
вся открытая небесам.
И Земле. Потому — столичная,
то есть общая, как котёл.
Моя бедная, моя личная,
мой роддом, мой дурдом, мой стол.

...Богоданная, как зарница,
рукотворная, как звезда,
дорогая моя столица,
золотая моя орда.

Сыну

Я помню: август, девяносто первый,
и слово неожиданное «путч»,
и помню путь (плохое слово «нервный»,
неточное),
я помню этот путь —
в Москву на переделкинской «Газели» —
и свой — пока невидимый — живот.
Я помню, как в молчании глазели
в окно все те, кто ехал.
Весь народ.
И как навстречу танки шли по Минке,
и это всё была моя страна —
все катафалки, все её поминки,
и вечный бунт, и вечная война.
И помню, что подумала тогда я,
хотя прошли не годы, а года, —
беременная, злая, молодая, —
и что тебе сказала я тогда:
у нерожденных — никакого шанса
в том месте, что зовётся вечный бой,
а стало быть, чего уж там — решайся,
рождайся, сын,
прорвёмся,
я с тобой...

***

Сначала жаль только Татьяну,
потому что её не любят,
и Ленского,
потому что его убивают.
А потом жаль Онегина,
потому что куда страшней,
когда не любят и убивают не тебя, а ты.
А потом — Ольгу,
потому что самое страшное —
убивать, не замечая, что убиваешь.
А потом — опять Татьяну,
потому что она любит того, кого убивает.
А потом — опять Онегина,
потому что он всё-таки жив.
А потом жаль всё: «наше всё», —
потому что его убили.
А потом жаль всех нас,
потому что мы лишние,
потому что в России все живые лишние.

***

Кто варит варенье в июле,
тот жить собирается с мужем,
уж тот не намерен, конечно,
с любовником тайно бежать.
Иначе зачем тратить сахар,
и так ведь с любовником сладко,
к тому же в доме его тесно
и негде варенье держать.

Кто варит варенье в июле,
тот жить собирается долго,
во всяком уж случае зиму
намерен пере-зимовать.

Иначе зачем ему это,
и ведь не из чувства же долга
он гробит короткое лето
на то, чтобы пенки снимать.

Кто варит варенье в июле
в чаду на расплавленной кухне,
уж тот не уедет на Запад
и в Штаты не купит билет,
тот будет по мёртвым сугробам
ползти на смородинный запах...
Кто варит варенье в России,
тот знает, что выхода нет.

***

...А кота звали попросту Понтий,
но, конечно, совсем неспроста:
я в то лето жила не у Понта,
а за пазухой у Христа.
Я не знала ни счастья, ни горя —
знала только одни лишь труды,
и хоть рядом и не было моря,
было соли полно и воды.
С неба падала манка и гречка,
сам собою слагался сюжет,
день за днём протекал словно речка,
у которой названия нет.
Приезжали то Коля, то Саша,
привозили то хлеб, то вина,
и была моя жизнь словно чаша:
хоть упейся — всё будет полна.
Что и делала я: упивалась,
так что лыка связать не могла,
а оно вдруг взяло и связалось —
даже крепче морского узла...

***

Зимой, когда страшно просто взглянуть в окно —
не то что куда-то ехать, хороший мой,
когда по утрам за окном до того темно...
короче, нашей отечественной зимой,

когда я со всеми вместе иду к метро
и в сумке бездонной моей вся война, весь мир,
все слёзы мира, всё зло его, всё добро —
и йогурт, а иногда кефир,

когда я штурмом, как крепость, беру вагон,
где глупо держаться и трудно порой дышать,
где я засыпаю стоя и вижу сон,
где ты не ушёл и где живы отец и мать,

где все до того близки мне — со всех сторон,
что чья-то ушанка мне лезет упорно в рот, —
я вдруг понимаю, что я — это, в общем, он,
прости за пафос, имея в виду народ.

И если меня не грохнули в тридцать пять,
и если я не повесилась в сорок семь,
то, значит, надо как-нибудь доживать
не то, чтоб назло или на радость всем.

А просто — проехали — всё — не вернёшь билет —
и с каждым годом светлее моя печаль,
и смысла теперь умирать никакого нет,
поскольку старых, их никому не жаль.

Юрию Ряшенцеву

Если поезд ушёл, надо как-нибудь жить на вокзале:
в туалете, в буфете, под фикусом пыльным, у касс,
ибо нам небеса это место и век навязали,
как вовек полагалось верхам: не спросивши у нас.

Надо ставить заплатки на платья и ставить палатки,
разводить не руками, а кур, хризантемы, костры,
и Писанье читать, и держать свою душу в порядке,
и уехать хотеть за троих, то есть как три сестры.

И кругами ходить, как в тюрьме,
по сквозному перрону, —
и понять, и проклясть, и смириться, и всё расхотеть,
и без зависти белой смотреть на дурёху ворону,
что могла б и в Верону на собственных двух улететь.

И на этом участке планеты дожить до рассвета,
и найти себе место под крышей и солнцем в виду
раскуроченных урн, и дожить до весны и до лета,
и слова рифмовать, и не тронуться в этом аду.

И стоять на своём, и пустить в это месиво корни,
и врати, а потом зацвести и налиться плодом,
ибо поезд ушёл в небеса и свистки его горни,
но остался вокзал, на котором написано: «Дом».

***

Учёбой ли, в тимуровцы игрой
охвачена, — была я всюду первой.
Отличницей. Общественницей. Стервой.
Меня не научили быть второй.

Остановить бы тройку на скаку,
спросить: «Куда, родимая, несёшься?..»
Что первенством от смерти не спасёшься,
я знаю. Чем спасёшься — не секу.

Переборов ребяческую прыть,
живу неспешно, то есть драматично,
предпочитая не демократично,
а царственно решать, куда мне плыть.

...И мне уже не страшно быть второй.
И пятой. И десятой. И последней.
Да может, тот бессмертней, кто бесследней,
и тот первей, кто замыкает строй.

***

Рай — это так недалеко...
там пьют парное молоко,
там суп с тушёнкою едят
и с Дантом за полночь сидят.
Там столько солнца и дождей,
чтоб вечно алы были маки:
рай — это там, где нет людей,
а только дети и собаки.

***

А женщине чего бояться?
Она не царь и не народ.
Ей Пасхи ждать и красить яйца
и не загадывать вперёд.

Где страх уста мужчине свяжет,
где соблазнит мужчину бес,
там женщина придёт и скажет
Тиберию: «Христос воскрес!»

***

В моей бестрепетной отчизне,
как труп, разъятой на куски,
стихи спасли меня от жизни,
от русской водки и тоски.

Как беженку из ближней дали,
меня пустивши на постой,
стихи мне отчим домом стали,
колодцем,
крышею,
звездой...

Как кесарево — тем, кто в силе,
как Богово — наоборот,
стихи, не заменив России,
мне дали этот свет — и тот.

Первое чудо

Браки совершаются на дачах
в раннем детстве.
Дача была удивительная:
бревенчатая,
с резными ставнями,
двумя крылечками
и до того большая,
что, когда однажды вечером
мы все сидели на одной половине
и пили чай из самовара,
тоже большого и блестящего, —
на другую половину забрели цыгане
и унесли всё наше столовое серебро,
а мы и не услышали.
А сад был такой большой,
что переходил в лес,
мы собирали грибы, не выходя за калитку.
Мы жили на даче с мая по октябрь: вечность.
Мне было пять лет.
Кончался октябрь.
Шёл мелкий дождь.
В саду было сумрачно.
Я стояла на крыльце и грызла яблоко:
янтарно-наливное и холодное до ломоты в зубах.
Яблоками был завален весь дом.
Дом насквозь пропах Буниным.
Тем его томом —
большим, с жёлтыми страницами, —
где были «Антоновские яблоки».
Но в конце того октября,
на краю вечности,
я ещё не умела назвать этот запах по имени.
Ему было тридцать пять:
земную жизнь пройдя до половины,
он очутился в сумрачном саду,

то есть вошёл в дальнюю калитку
и по тропинке направлялся к дому.
За ним шли ещё двое.
Но я увидела его одного.
Он был большой и сказочно красивый:
синие глаза, русая борода, пшеничные кудри —
королевич.
Я влюбилась сразу — вся:
вместе с яблоком, которое грызла.
Он пришёл копать колодец.
Я чувствовала, что это ненадолго,
что это не навечно,
да иначе и быть не могло:
стояли последние октябрьские дни —
вечность кончалась.
Но я не желала с этим мириться.
Они копали весь день,
а я всю ночь —
забрасывала.
Пятилетняя Пенелопа,
я сводила на нет труд трёх мужиков.
Трёх женихов.
Нет, настоящий жених был один.
Те, что шли за ним, были так, подобья.
И напрасно я боялась:
он никуда не ушёл —
так и остался в том октябре.
И я осталась.
Так мы там и стоим:
королевич и Пенелопа с яблоком в руке.
А дедушка и бабушка,
и рабочие с лопатами,
и цыгане с серебром —
все сидят в саду за большим столом,
кричат: «Горько!» — и пьют:
пьют вино —
прямо из колодца.

Вере Орловой

А на веранде ос, поди,
Там, где халва-ирис.
Так ли уж важно, Господи,
Тихон или Борис.
Сердце трепещет-мается
пташкой в Божьей руке.
Кто это обнимается
на золотом крыльце?
Там за горами синими —
море большой любви.
Ох, не родись красивою,
а родилась —
живи.
Осень с кострами дымными,
золота пруд пруди,
горы арбузно-дынные —
всё ещё впереди.
Будет дорога санная,
будет благая весть.
Жизнь, мой хороший, самая
длинная в мире вещь.

***

Уходишь — так уходи.
И не жалея меня.
Дел ещё — пруд пруди:
остановить коня...
Душу ты мне не рви,
да ещё в такую жару!
Я не умру от любви.
я вообще не умру.

***

У меня, как у всех, нынче есть свой email,
Нынче есть, как у каждой собаки, мобила.
Но кто письма писал, тот теперь онемел,
И ушёл, кто звонил и кого я любила.

И уходит день за день земля из-под ног,
мои дети уходят — свои и чужие.
Только вскрикнешь по-бабьи:

«Куда ты, сынок?..»

А они всё идут — всё такие большие.

Даже буквы срываются нынче с листа

И летят, словно клин, а потом —

словно точка...

Я стою на ветру, я совсем сирота,
одиночка ли мать, капитанская ль дочка,

хоть горшком назови, хоть совком —

не боюсь:

я как мёртвый, который не ведает сраму.

...А ночами мне снится Советский Союз,

тот,

где мама моя моет вечную раму.

***

Была любовь у нас как море,
а после — началась война,
и слишком много было горя,
и слишком я была одна.
И жизнь короткою казалась,
и старость снилась мне во сне:
к себе сильнее стала жалость,
чем к тем что гибли на войне.
И было ждать невыносимо
(хоть с детства знала «Жди меня»),
казалось, жизнь проходит мимо,
и мало ночи, мало дня...
Не потому что я плохая
(ну извини — не дождалась!),
а потому что жизнь такая —
любовь и кровь,
война и грязь.
...Ты из такой вернулся дали,
ты видел смерть,
ты видел ад.
И как звенят твои медали.
Уходишь —
а они звенят.

***

Уметь довольствоваться малым,
счастливым быть в себе самом,
не шляться по блестящим залам,
высоким не блистать умом,
служить бы делу, а не лицам,
служить Творцу, а не лицу,
хорькам, лисицам и куницам
не дать приблизиться к лицу,
и приходиться ко всем с приветом,

и расставаться не скорбя,
не быть для всех ты можешь Фетом,
но Фетом быть внутри себя.
Поэтом может быть не всякий —
всего один,
почти никто:
мой первый друг,
мой друг Акакий,
отдай шинель,
бери пальто.

***

Учусь у них — у дуба, у берёзы,
а этим летом и ещё у лип.
И так бы кстати оказались слёзы:
с утра до ночи течь они могли б!
Стоит —
по-украински —
месяц липень,
с начала лета нет сухого дня.
Вот и опять такой сегодня ливень —
он всю работу сделал за меня.
Цветёт пион, краснеет земляника,
и у меня есть над словами власть.
И душераздирающего крика
не будет.
Всё.
Душа разорвалась.

Станислав Колокольников

Родился в 1974 году в городе Новоалтайске Алтайского края. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Работал курьером, строителем, арт-директором клуба, журналистом. Член Союза писателей России. Живет на Алтае.

ПРИВЕТ ЛЮБИТЕЛЯМ ДАЛЬНЕГО ПРИЕМА

Я открыл глаза и увидел Серёгу. Он поднимался с расстеленных на полу тряпок. Глаза его мерцали диким похмельным блеском. Он знал, что делал.

— Дружно встаем и тихо уходим, — заговорщицки шепнул я, давая понять, что с ним заодно.

Серёга ничего не сказал, бесшумно и уверенно исчезая в сторону кухни. С легким шорохом я метнулся за ним. Серёга открыл холодильник, я — морозильник.

— Базин все сюда спрятал, чтоб сразу не нашли и без него не начали, — чуть громче проговорил я.

Серёга только кивнул, выуживая заледеневшие литровые бутылки «Оболони». Он взял две, и я две.

— Как мы их пить-то будем? — тревожно спросил Серёга.

— Отогреем на солнце.

Мы выглянули в окно. Яркое солнце слепило глаза.

— Куда пойдём? — подобрёвшим голосом спросил Серёга.

— В лес на лужайку.

Прямо за окнами чуть покачивались набухшие почками деревья в огромном парке.

— Гитару сразу заберу, — сообщил Серёга, осторожно вытягивая свой инструмент из комнаты, где похрапывал Базин. — Может, домой потом поеду.

Мы обулись, спустились во двор и быстрыми шагами вошли в Лосиноостровский парк. Как и в прочих его частях, здесь повсюду были обжитые полянки с костровищами и мусорными кучами. Мы обходили стороной самые грязные, похожие на обрывки пейзажа апокалипсиса, в поисках места попримечнее. За кустами что-то блеснуло. Отгибая ветки, я пробрался вперед и попал на небольшую опрятную полянку. В центре ее стоял приемник с поднятой антенной.

— Вэф двести два, — прочитал я и нажал кнопку включения.

— Он вдруг понял, что сейчас они разойдутся и он останется в сумеречном лесу, где за каждым кустом может таиться пришелец или что-нибудь еще похуже, — сообщил из приемника чей-то печальный голос.

— Ой, — вздрогнул я и выключил.

— Вот я всегда говорил, поосторожнее с кнопкой включения, не надо спешить, — сказал Серёга. — Ну, мы-то пока не собираемся расходиться. А ничего местечко, еще чистенькое.

— Да и пришельцев вроде за кустами нет. Остаемся. Эх, чудесно, я бы здесь...

— Хорош болтать, Славик, клади бутылки сюда на солнцепек. А вот эта у меня в руках подтаяла, с нее и начнем.

Едва Серёга взялся за крышку, как вместе с шипением из-под нее послышался треск в кустах, кто-то упорно пробирался через заросли. На краю поляны появился среднего роста толстячок с дровиной на плече. Он почти прошел мимо, но остановился и пригляделся к нам. И вдруг решительно двинулся в нашу сторону.

— Музыканты, — глядя на гитару, утвердительно сказал толстяк, как только оказался возле нас.

Серёга молча кивнул, так и не смочив горло.

— Я так себе музыкант, но иногда бывает пишу тексты к песням, — поддержал беседу я.

— А мы в десяти шагах отсюда сидим втроем с друзьями, у нас все есть, выпить закусить, музыки не хватает.

— Да мы только...

— Тогда давайте мы к вам, — проговорил толстячок, бросил дровину и исчез за кустами.

— Н-да, вот и пришельцы объявились, — сказал я, нажимая кнопку включения приемника. — Чего от них ждать...

— Подходите ближе, не торопиться... Почему вы есть в лесу в такое время? — спросил «VEF-202» и, пошипев, закончил: — Продолжение рассказа Кира Булычёва «Звездолет в лесу» слушайте завтра в это же время.

— Вот это да! — восхищенно воскликнул я. — С нами приемник разговаривает.

Серёга в это время вытряс из бутылки в себя все, что успело оттаять.

— Да как с нами не поговорить. Не только приемники, в этом лесу с нами скоро деревья и птицы начнут разговаривать, а выйдем отсюда в город, там на улицах дома и столбы поболтают с нами, — выдохнув утреннее напряжение и закуривая, неспешно говорил Серёга. — Будем ждать этих троих из леса или ну их?

Решить, что делать, мы не успели.

— А вот и мы! — уже откуда-то из-за деревьев кричал толстяк.

— Да ладно, посидим, как-то интересно все происходит, значительно даже. Зачем спешить, к тому же завтра продолжение про звездолет в лесу, послушаем, — сказал я.

— И пиво у них наверняка незамороженное, — согласился Серёга.

Трое мужиков лет на пять постарше нас появились из леса красиво и непринужденно, как забуревшие негасимые звезды шоу-бизнеса. Шли легко и неспешно.

— По ходу местные блатные, — предположил Серёга, пока они приближались. — А тот черненький у них самый авторитетный.

— Это же Лёвка, сын Севы Чёрного, — шептал потом толстячок, кося глазами на брюнета, — батя его вор в законе, сейчас

на отсидке, но оттуда через друзей так и держит весь Метрогородок.

— Мы люди простые, все, что у нас есть, музыка, вода и свет, — говорил я, глядя в честные глаза наших новых знакомых.

— Это хорошо, что мы тут собрались, — говорил Лёва, — такие встречи нужно ценить, угощать друг друга и петь песни. Никто не знает, сколько еще нам Бог даст таких встреч.

Они явно на чем-то торчали. То по очереди, то вместе отбежали каждые полчаса в сторону и возвращались, задорно поблескивая стеклянными зрачками. Впрочем, нас это мало касалось, нас угощали, кормили и просили спеть, что сами пожелаем.

— Н-да, — сказал толстячок, дослушав Серёгину песню про белых индейцев у костра, — а я ведь тоже когда-то выступал.

— Как? На сцене?

— Да, профессионально. Как пародист. У меня отличный голос, я могу пародировать многих известных певцов. Хотите песню о родине любви?

— Какую именно?

— Муслим Магомаев, песня «Земля — родина любви», исполняет Олег Звягинцев, — сообщил толстячок.

И тут лес наполнился голосом Магомаева. Это было сильное ощущение присутствия музыкального гения. Как будто он сам находился с нами на солнечной полянке:

— Земля — родина любви! Звонит надежд твоих листва! Земля, солнечно живи! Живи, пока любовь жива!

— Вот это круто, — сказал Серёга, когда песня отзвучала. — Вот это ты молодец! А чего теперь не выступаешь?

— Не потянул шоу-бизнес, — смущенно проговорил Олег.

Вдалеке кто-то прокричал: «Урааа!»

— Слушай, старина, — обратился я к толстячку. — Да ты талант, и репертуар у тебя что надо. А мы как раз возвращаемся с вечеринки нашего журнала о шестидесятых, отмечаем его день рождения с первого мая. Вот тебя там и не хватало, Олежка! С твоим исполнением Магомаева был бы ты у нас на празднике первый человек.

Олег расчувствовался от нашей похвалы и стал торопливо рассказывать самые яркие моменты своей биографии. Повидал

он немало, и все у него было: дом, любимая работа, красавица жена и дети. Но, как это часто происходит, не удержался мужик и спился от счастья. И теперь проводил свободное время с друзьями детства, они тоже подросли, но остались оболтусами, еще и заторчавшими. Хорошо, что не агрессивными.

— Я в юности очень Джетро Талл любил, — рассказывал Олег, — прям заслушивался и на флейте именно поэтому научился играть.

— Ты еще и на флейте играешь! Подожди-ка, — вспоминал я, бормоча себе под нос, — мы ведь плакаты дарили, точно помню, остался один.

Вчера на рассвете перед возвращением домой мы наводили порядок на праздничной поляне, и я нашел кем-то оставленный наш фирменный прорезиненный постер и как раз с Яном Андерсоном, играющим на флейте. Гости с первомайских вечеринок еле ноги уносили, оставляя по всему парку призы и подарки.

Я достал чуть потертый с впечатанными прошлогодними листьями по краям незабываемый постер.

— Вот владей, ему сносу нет. Это тебе от журнала «60-e!» за прекрасное исполнение песни Муслима Магомаева, — я торжественно вручил постер Олегу. Тот даже немного остолбенел, не веря в происходящее.

Невероятно теплый, по-летнему, день пролетал весело и быстро. Наши знакомые, изрядно захмелев, стали путать нас с кем-то и заговариваться. Даже Олег вел себя странно и временами играл на воображаемой флейте.

— Мы теряем с ними контакт, пора валить, — сказал Серёга.

— Согласен, — кивнул я.

Было еще светло и тепло, солнце только двинулось на закат. И в очередной раз, когда вся троица отлучилась, мы прихватили инструмент, приемник, оттаявшие бутылки с «Оболонью» и ушли по-английски, не попрощавшись.

Серёга недолго шел впереди.

— Где это мы? — вдруг спросил он и остановился.

И тут я тоже осознал, что в пространстве вокруг что-то изменилось. Причем очень существенно и в лучшую сторону.

— Листья проклюнулись! — понял я. — Мы первого утром вошли в весенний лес, а выходим третьего вечером из летнего.

— Вот так значит, хорошо, — остановился Серёга и принюхался. — А пахнет-то как! Чудесно!

— Серёга! Славка! Вы где? — услышали мы звавшего нас Олега.

— И не видно ничего в таком зазеленевшем лесу, — расслабленно проговорил я. — Ни людей, ни кренгов.

— Кто такие кренги?

— Да вспомнил я этот рассказ «Звездолет в лесу». Читал его в юности, там биороботы кренги за кем-то по лесу гоняются.

— Тихо... А это кто идет? Не наша ли тройца блатных удолбанных кренгов? Да тихо ты, стой, тс-с.

Из листвы появилась лошадь, неспешно перешла тропинку и исчезла в зеленых ветках.

— Раз, и не видно ничего, — повторил я.

— Тамара, — сказал Серёга.

— Кто?

— Лошадь.

— Почему не Марина?

— Здесь конная ферма недалеко. Хорошая ферма, там друг Чёрного Лукича работает. Мы поздней осенью перед его концертом в «Вереске» поехали туда в гости, костер жгли, на лошадях катались. Я там эту Тамару видел и запомнил.

— Ну сегодня прямо день встреч и воспоминаний. Интересно, чего это Тамара одна по лесу бродит.

— Славка! Серёга! — голос удалялся.

— Гуляет, как и мы, — сказал Серёга.

И мы спокойно пошли дальше.

К выходу из парка на другой стороне, ближе к метро на улице Подбельского, мы подошли уже в сумерках.

— Ребят, огонька не найдется? — окликнул нас осипший голос.

В тени деревьев скучал молодой парень и с надеждой смотрел на нас. Мы ему дали спичек, он нам — закурить.

— Вы музыканты? — спросил парень.

— Да, мы музыканты, — сказал Серёга. — А вы тут чего сегодня все по музыке соскучились?

— Ты вроде тоже не дурак попеть, голос, видно, недавно сорвал, — запросто сказал я, парень внушал доверие.

— Ага, квартирник был тут рядом, Радегаст пел, Вальдемар Леон, ну я под конец спел свое и чужое. Меня Влад зовут. Подругу вот проводил в Метрогородок. Иду обратно, курить захотелось дико. Слушайте, а вы Подорожного песни знаете?

— Чего?! — удивился Серёга.

— Кого? — не поверил я слуху.

— Есть такой Подорожный Саня из Сибири.

— Знаем, сами из Сибири.

Парень сразу перестал скучать.

— Да ладно!

— Прохладно. Ты-то откуда знаешь? Сибирь, это ж далеко.

— Ну такой вот я любитель дальнего приема, — засмеялся Влад своим страшным охрипшим смехом.

Вскоре мы забрались во двор, где хорошо знали сибирский рок и проходили квартирники. Подтянулись еще люди, шурша пакетами из супермаркета. Наша встреча затянулась за полночь. Под конец Серёга тоже потерял голос от пения и хрипел с пареньком в одном тембре:

— Мы еще успеваем на метро?

— Без четверти час... Успеваем! Побежали!

Упав на сиденья в последнем вагоне последнего поезда, мы почти сразу же уснули.

Глубокой ночью мы бродили по юго-западу Москвы и слушали приемник. Он ловил в основном дальние волны и больше трепался на отвлеченные темы на незнакомых языках, чем передавал музыку.

— Может, возьмем такси и доедем до меня в Алтуфьево, холодно еще на лавочке ночевать, — предлагал я.

Серёгина квартира была еще дальше, за МКАДом, в Ивантеевке.

— А деньги?

— Доедем отдадим.

— У тебя есть?

— У Дины есть.

— Она тебе даст?

— А куда ей деваться.

Трясаясь от холода, мы остановили машину и поехали на другой конец города. Не без нервотрепки выгрузились, расплатились и подарили Дине радиоприемник «VEF-202». Она им не хотела восхищаться так же, как мы.

— Жена твоя звонила, — хмурилась Дина на Серёгу. — Где ваши телефоны? Почему не отвечаете второй день?

— Мы были на дальнем приеме, получали сообщения исключительно через приемник.

— Дураки вы, а не сообщения получали через приемник.

— Дураки мы, — согласился Серёга и лег спать.

Утром за ним приехала жена. Но еще долго Серёга не хотел расставаться с приемником, до вечера вчетвером мы гуляли по Алтуфьевскому парку, радуясь молодой листве, и слушали завершение рассказа «Звездолет в лесу».

— Мои друзья сошли с ума на почве космических пришельцев. В остальном они вполне нормальные люди, — говорил приемник веселым голосом.

Последующие два года я таскал VEF на все вечеринки журнала «60-е!» и пересказывал начинающим радиолюбителям, как он у нас появился, как ведет светские беседы, добавляя в историю новые и новые увлекательные подробности. Каждый раз при этом включая приемник и убеждаясь, что он подает реплики всегда в тему и очень убедительно.

Давно известно — в жизни все течет и изменяется, а многое исчезает и часто бесследно. На третий год нашей нежной дружбы утекли и исчезли приемник и Дина. Жаль, что не в одном направлении. Дина в горы к новому дружку, а VEF просто опять где-то в лесу остался. Без них я сразу почувствовал себя одиноко и тоже уехал в далекий сибирский городок, где у меня имелся садовый участок и две взрослые сосны. С ними всегда было уютно, они никуда не исчезали и тянулись вверх. Если накатывала грусть, я вскарабкивался по сосне ближе к макушке, ложился на ветви, как матрос на готтрюм-рее, и смотрел в небеса, получая оттуда позитивные сигналы.

— Да, — обращался я к сосне, так как больше поговорить было не с кем, — видимо, так и есть... Счастливы те, кто плывут на своих днях, как на кораблях.

Приближалось Первое мая, и я решил отметить праздник. Нарядить сосны воздушными шарами, позвать друзей и слушать музыку.

— Надо найти двести второй ВЭФ, и праздник будет незабываемым, — озвучил я идею, пришедшую в голову.

Поиски начались через одного знакомого, он ходил по барахолкам, по старьевщикам и скупщикам, выискивая советскую радиотехнику. И не просто складывал коллекцию в красном углу на полочки, а переустроил под экспонаты всю свою трехкомнатную квартиру.

— Это модели пятидесятых, вот известная «Балтика-52». Здесь стеллажи шестидесятых, ну этого добра ты в вашем музее шестидесятых насмотрелся, — рассказывал Юра, прогуливая меня по комнатам своего личного музея.

Он весь светился от восторга и ждал восхищений.

— Чудесно! Великолепно! Это сколько ж работы проделано, — восхищался я как мог. — Зачем тебе их столько, старина?

— Ты не представляешь, сколько я мусора перебрал. Но это все история, наша история. Ведь это предметы нашего детства. Они часть нас самих. Понимаешь?

— Как не понять, понимаю. О! Вот он! ВЭФ! — обрадовался я, увидев знакомые очертания.

— Это двести первый, а вот двести второй. Таких у меня по одному, и оба работают... Могу, конечно, тебе дать попользоваться на Первое мая, но с возвратом.

— Не, старик, я свой хочу иметь.

— Поедем в воскресенье на барахолку, думаю, найдем и тебе.

Воскресенья я еле дождался, до первого мая оставалось три дня. Выходной выдался пасмурным.

— Вот такая модель у меня есть, — показывал Юра на квадратную пластмассовую штучковину, похожую на большую мыльницу. — А вот этот «Север» надо будет взять, такого в моей коллекции нет.

Мы двигались вдоль импровизированного торгового ряда. Люди, такие же поношенные, как их товар, предлагали не так давно забытые вещи, обломки прошлого века. Попадались забавнейшие экземпляры, но довольно редко.

— Гляди! Кажется, мой ВЭФ! — обрадовался я.

Мы подошли ближе.

— Немного не такой, это юбилейное издание? Сколько стоит, Николай?

— Полтора рубля, состояние идеальное, — хмуро ответил дядя в бушлате, попыхивая дешевой сигаретой.

— Дорого, — признался я, отходя в сторону. — А ты что, их всех знаешь по имени?

— Да я тут каждые выходные, с некоторыми в их гаражах встречаюсь, где они свое добро хранят. О, вот это нужно взять!

Вскоре Юра нагрузился неработающей ветошью: потресканный виниловый проигрыватель «Ария-102», вертушка «Кавказ», пара магнитофонов «Вега» и мелочь типа «Альпиниста-417».

— Ну, я пошел домой, оттащу добычу. А ты посмотри еще вон там у теток.

Я подошел к старушке, стоявшей на углу. И сразу увидел свой VEF, вернее похожий, это был VEF Spidola-232. Мне он понравился.

— Сколько?

— Пятьсот.

— Беру. А э... Он работает?

— Пока муж был жив, работал. А после я его и не трогала.

— И сколько он у вас так простоял без дела? — поинтересовался я, разглядывая дарственную надпись: «Папе от Сергея. 13.07.1985 г.»

— Год почти.

— Привет! — услышал я за спиной.

Я обернулся и увидел Таню.

— Ты чего здесь делаешь? — спросила она.

— Да вроде все уже сделал, — сказал я, — вот нашел, что искал.

— А что это?

— Близкий родственник одного знакомого ВЭФа. Долгая история, по дороге расскажу. Ты сама как здесь? Принесла старые утюги? Ищешь ретро-скалку или пластинку Жанны Агузаровой?

— Нет, вышла из дома, села в трамвай. Еду, смотрю — ты. А ты в гости обещал зайти в выходные. Я подумала, может, ты ко мне.

— Давай сначала в лес, по дороге купим батарейки, — я расплатился за приемник. — А потом к тебе. Если не работает, обратно принесу.

Это я сказал уже бабушке.

— Приноси, сынок, — кивнула та.

Я посмотрел на небо. Понемногу прояснялось.

— В лесу хорошо сейчас, пошли, — согласилась Таня, с улыбкой разглядывая меня и мою покупку.

По дороге между магазином и лесом я рассказал историю моего первого приемника VEF, особо упирая на его умение поддерживать беседу неожиданной репликой.

— Ну ты сказочник, Славик, — Таня недоверчиво качала головой.

— Это есть, да, я сказочник. На днях отдал рассказ в журнал. Там прочитали и заявили, что рассказ, в принципе, хорош, но только в тех местах, где герой накатывает по рюмашке, нужно заменить алкоголь на сок или чай. Я легко на это согласился, давно ведь не печатали, и заменил, как просили. Получилась сказка. Взрослый такой веселый мужик хаотично перемещается и, ощущая непрерывную жажду, постоянно пьет сок, чай, кофе, морс и лимонад. Самое интересное, дуреет он с них так, что порой лыка не вяжет. А иногда несет такую балду, что хочется пойти и отлить себе его сока. Н-да, психоделично так получилось...

— И напечатают?

— Сказали, напечатают.

В лесу мы встали на самом солнечном пригорке, и я торжественно выдвинул антенну. VEF некоторое время пошипел. За молчал. Я стал усиленно переключать диапазоны и крутить ручку настройки.

— Привет любителям дальнего приема! — вдруг проговорил, как пропел, неприятнейший мужской голос.

— Здравствуйте, друзья, — прозвучал следом такой же проникновенный женский голос. — Мы ведем свою передачу из Бухареста.

— Ух ты! — вскрикнула Таня.

— Вот так вот, — спокойно проговорил я, удивленный не меньше.

— Наш сигнал ловят в Пензе, Варшаве, Архангельске, Новосибирске и Воронеже.

— И Барнауле, — сказала Таня.

— В Барнауле, Санкт-Петербурге, Саратове и Москве, — отзывалась женщина.

И вместе с женщиной она стала называть имена и адреса любителей дальнего приема, которые, поймав сигнал, сразу написали об этом на электронную почту программы. Передача длилась минут пятнадцать, пока было чего перечислять: кто, в какое время и на каком этаже принял сигнал. Потом они еще немного пошутили, что пароль у них «Мария Стюарт», а отзыв «Граф Монте-Кристо».

— Спасибо всем отзывавшимся, особенно Тамаре и ее другу Дэнису из Красноярска, они только что дали знать о себе, написав немало добрых слов, — напоследок сказала женщина.

Когда приемник замолк, Таня спросила:

— Это все?

— Все.

— И чего дальше?

Я задумался и молчал.

— Интересно, кто такая Тамара?

— Человек, не лошадь же, — отозвался я. — А вот чего дальше, трудно сказать. Ты знаешь, Тань, может, по большому счету в мире ничего не меняется. Меняется только его настроение, его оттенки, и мир разными способами рассказывает нам об этом, как лучшим друзьям, весело, непринужденно и интересно. Настраивает нас на прием чего-то большего, что есть всегда. Возможно, поэтому в том месте, где один Андерсен напишет сказку о механическом соловье, там через сто лет другой Андерсен изобретает механическую пчелу.

— Это ты к чему?

— Да так... Про Андерсена это я вчера в новостях услышал, запомнил. Думал, пригодится, в рассказ вставить или в песню.

Я покрутил ручки приемника. Лишь далекие голоса и музыка вперемешку с треском и свистом надрывали эфир.

— На сегодня, наверное, пока все. Пойдем сока попьем, — предложил я.

— Какого сока?

— Нормального сока, чтоб до нутра пробрало. Такие истории, как с ВЭФами, у меня в жизни не часто случаются. Чувствую, сегодня я реально перешел на дальний прием.

— А раньше ты на каком был?

— На среднем и близком, получается... Хотя нет, я всегда был на дальнем приеме, и сегодня мир весело рассказал мне об этом.

— Очень весело, — согласилась Таня. — Куда пойдём?

— К тебе, как договаривались. Если можно...

— Можно.

Мы зашли в магазин, взяли сока, закуски и сидели до позднего вечера, время от времени включая приемник и покручивая ручки, а потом залезли в постель, просто чтоб согреться. Больше ничего нового мы в тот день не увидели и не узнали.

Утром по дороге на работу я зашел в редакцию журнала. Мне навстречу выбежала заведующая отделом культуры и восторженно сообщила:

— Слава, прочитала ваш рассказ на верстке! Спасибо вам! Ваш герой, конечно, немного странно себя ведет, но в тексте есть такие прекрасные слова. Вот, я даже выписала их: «Всякий путь лежит сюда, в сжигающую чистоту. Ибо тот, кто ее коснулся, неминуемо к ней и вернется». Это вы очень здорово написали! Сжигающая чистота! Спасибо!

— Вам спасибо!

— Откуда такие слова берутся?

— А за это спасибо дальнему приему, — подмигнул ей я.

Она мне еще раз «спасибо», я ей в ответ «спасибо-спасибо».

И мы разошлись довольные друг другом. Она — не знаю куда, а я — за соком.

Алексей Пурин

Поэт, эссеист, переводчик, издатель стихотворного наследия Н. Л. Уперса. С 1989 г. заведует отделом поэзии, а с 2002 г. также и отделом критики петербургского журнала «Звезда». Автор двух десятков стихотворных сборников (включая переиздания) и трех книг эссеистики.

Переводит голландских (в соавторстве с И. М. Михайловой) и немецких поэтов, вышли в свет семь книг переводов. Лауреат премий «Северная Пальмира» (1996, 2002), «Честь и свобода» (1999), журналов «Новый мир» (2014) и «Нева» (2014). Живет в С.-Петербурге.

***

Морозный Рыбинск не разбудит
Евтерпу в кварцевом гробу —
и только даром горло студит
Архангельск, дующий в трубу.

У чукчей нет Анакреона,
зырянам хватит и Айги.
Но кто метрического звона
придаст стенаниям пурги?

Кто наш, хмельной от шири водной
и хищный от смешенья рас,
российский мрак порфирородный
вольёт в магический алмаз?

Напрасно ль северные реки
прекрасней всех паросских роз?..
Но вот путём из грязи в греки
скользит полозьями обоз.

Он «Рифмотворныя Псалтири»
тоской нагружен и треской.
И раздвигает тьму всё шире
заря — багряною рукой.

***

Вспомним, Бозио, скифские тени
венецейско-тосканских обид:
луч сенинкой играет в тристене,
дремлет вилла, соломинка спит,
злая жизнь за заветным порогом
превращается в мраморный сон —
и собачьим упряжкам, пирогам
доверяет дочурок Аон.
Но давно источился и сломан
европейского века хребет,
и никчёмен бессолнечный гномон —
утонувший в снегах Мусагет.
В мраке гиперборейского рая
остроласковый лавр на виски
нам возложит и та, догорая,
только Бозио — муза Тоски.

Piazzetta

Не кошелёк, расшитый бисером,
набитый тяжкими дукатами, —
плывёт Сан Марко первым глассером
к лагуне дугами покатыми,
из тьмы сверкающими сводами —
Язона золотой овчиною,
жемчужиной, рождённой водами, —
их пасмурной первопричиною...
Венеция, незабываемая,
храняемая в зенице, сныщаяся...
Не знаю, причастимся ль раю мы,
но фотография слепящая
в лоханке площади полощется
и постепенно проявляется —
как плащаница; голубь плещется —
и тоже раю изумляется.

***

«Я заплачу!» — мне сказано было, когда
мы прощались (навек?).
Как вода, утекали во мрак поезда
(помнишь, что там изрёк этот грек —
Гераклит или Мельхиседек: навсегда!),
и на мокрой реснице мерцала звезда
(то ли капля дождя, то ли снег).

Что́ на свете вокзального дыма горчей
и жалчее клейма неудач,
и бессмысленней наших прощальных речей!..
Лишь зарёванных рельсов слепящий ручей,
как твои поцелуи, горяч ;
лишь бесплотная тень воспалённых ночей,
задыхаясь, мне шепчет: «Заплачь».

***

Я памятник воздвиг — едва ли ощутимый
для вкуса большинства и спеси единиц.
Живые сыновья, увидев этот мнимый
кумир, не прослезят взыскующих зениц.

И внуки никогда, а правнуки — подавно,
в урочищах страстей не вспомнят обо мне —
не ведая о том, сколь сладостно и славно
переплавлялась боль на стиховом огне.

Слух обо мне пройдет, как дождь проходит летний,
как с тополей летит их безнадежный пух, —
отсылкой в словаре, недостоверной сплетней.
И незачем ему неволить чей-то слух.

Умру. И всё умрет. И гребень черепаший
Меркурию вернёт плешивый Аполлон.
И некому, поверь, с душой возиться нашей
и памятью о нас: нам имя — легион.

Капитолийский жрец, и род славян постылый,
и утлый рифмоплёт — всё игрища тщеты.
Но, муза, оцени — с какой паучьей силой
противилось перо величью пустоты.

***

Если вновь родиться — на Востоке,
у Аллаха зоркого в горсти.
Ночи там так жарки и жестоки,
что весёлых глаз не отвести.
И молиться лучше, скинув кеды:
не алтарь, не капище — но дом,
где тебя взрастили для победы
и для рая страстного потом.
Я любил бы улочек Багдада
путаное, пряное руно —
или стал бы юнгой у Синдбада,
записавшись в первое кино.
В снах моих меня манила б Мекка,
и зрачок чернила бы во мне.
Я узрел бы звезды Улугбека
и хромого хана на коне.
И тебя, тебя бы вновь увидел
где-нибудь в Ширазе золотом —
смуглой кожи самый нежный выдел
пролистал соскучившимся ртом...
Ядом вязь арабская сочится
и священной жизни правый бой —
стяг зелёный, реющий, как птица.
Верная погибель, но — с тобой!

Пароход

Огромный пароход уже наполнил дымом
угрюмый порт;
к каким-то Лиссабонам, Лимам
вот-вот он, отдудев, уйдет.

Уж в мятых канотье взбираются по трапу
и в шляпках те,
кто, показав язык картузному сатрапу,
чуть что – растают в пустоте.

Мне многие из них знакомы понаслышке —
всё высший свет;
и машет с крутизны приговоривший к вышке
себя завравшийся поэт.

Давай поторопись, всего одна минута —
и в путь, и в путь!
На этом корабле отыщется каюта
для нас уж как-нибудь.

И мимо островов Канарских и Азорских,
Бермуд, Багам
поедем, поплывём — не ради див заморских —
на пир, к богам.

Ни дар блистательный, ни честные старанья,
увы, плывущих не спасут —
нас небожители, как хищные пираньи,
сожрут, сожрут.

Пастернак смотрит на кремацию Маяковского

Что сталевар, сквозь слюдяное
окошко, с искоркой в глазу,
глядеть на всплески злого зноя
(как в летний день — на стрекозу),
слезу всамделишно роняя
от жара, бьющего в зрачки,
что ждёт бессмертье, твердо зная,
за адом огненной реки.

Ведь молибдена и вольфрама
добавит Сталин в эту сталь.
Жить нужно яростно и прямо,
и слепо вглядываясь вдаль.
Еще сыграют марш солдаты.
И в белом венчике из роз —
в непоправимый час расплаты —
причалит к берегу Христос.

Себастьян

Точно так же выгнутый навстречу
дрожи стрел, как луки — ей вослед,
шепчет: «Отче, муке не перечу:
Ты сильней страдаешь, Параклет».

С каждым мигом ближе злая стая.
(Не спасает логика, Зенон!)
Из души земной произрастая,
дух в зенит небесный устремлён.

Не стрела покоится, летая,
(как нелепо думал элеат) —
это просто Дева Пресвятая
обернула мученика в плат.

Он прозрачен, но при этом прочен.
А мгновенье длится сквозь века.
И святой стоит, сосредоточен, —
нам, минутным, видимый пока.

Вена. У Новой ратуши

Музыка бывает только в Вене.
Только в Вене царственной она
неподвластна порче и подмене.
Только в Вене музыка — Жена,

Дева, облачённая в свечение,
в колыханье жаркое смычков.
Здесь ясней её предназначенье:
«Рай таков! — твердить нам. — Рай таков!»

...Или это море золотое
в белом и лазоревом цвету?..
Не решусь как будущий Никто я
перейти заветную черту.

Задержусь у ратуши с бокалом
мозельвейна. На большом панно —
оперные арии... Вокалом
этим всё, что знал, посрамлено!..

Безразлично мне, что дело к ночи,
что вокруг всё глуше и темней,
что до тьмы дорога всё короче...
Ночь поёт! И дело только в Ней...

Только в Вене бурной словно в вену
введена холодная игла,
чтоб душа Прекрасную Елену
из персти земной узреть смогла.

Романсеро

Безумная Барселона
с фонтанами на груди,
где строят дома наклонно,
и где растёт Гауди;

Валенсия — вроде вальса
над втопанной в твердь рекой
(о канувшем не печалься —
махни ему вслед рукой!);

гранатовая Гранада
в дурмане арабских зал,
куда круглоту квадрата
вписал император Карл;

откосов и дуг усилие,
собой изумивших мир, —
сервильнейшая Севилья,
клавирный Гвадалквивир;

стоарочная Кордова —
как соты во весь экран,
где храму мечеть основа
и в Библию вбит Коран;

в бреду иль на грани бреда,
как если б и вправду Грек
его начертал, — Толедо
в кольце торопливых рек; —

и нас приведёт дорога
в стучащий о мрамор плит,
в цветущий своим барокко,
в кишачий людьми Мадрид.

Вяземский

Объездил всю Европу, проедая
несметные богатства; исписал
стихами пуд бумаги. Дар Валдая —
и тот звенеть на станциях устал.

Съел тонну трюфлей, тысячью бутылок
шабли запив, а чреву — ничего.
Не избежал язвительных ухмылок:
де, граф лепил Безухова с него.

Прокипятил в игре полмиллиона,
сам признавался, в молодости. Но
одумался. Не верил непреклонно
поповским сказкам; знал, что там — темно.

Темно и страшно — как в голодных сёлах,
ему струивших солнечный оброк;
и сим воздастся... Мыслей невесёлых
в бюветах Пфальца утопить не смог.

...В каких теперь катается вселенных?
Бог весть! Родился, пожил и исчез...
Но сочинил десяток драгоценных,
хоть беспросветных, в старости «писес».

С арабского

А.

Говорят, живёт ещё — в Каире,
пестуя свой страх...
Плеч и лядвий слаще в целом мире
не было. Аллах

милосерден, но мольбы бессильны
прежний рай вернуть.
Только сон земной да червь могильный
знают верный путь.

Невозможно самому Пророку
(Славимый, прости!)
до ему положенного сроку
возродиться во плоти.

Остаётся — как бы в назиданье
будущим векам —
возвести прекраснейшее зданье,
дивный храм

(даже лучше — в букве, а не в камне;
так верней),
дабы содрогнулись: как горька мне
жизнь в разлуке с ней —

с сумасшедшей молодостью нашей,
с красотой —
некогда журчавшей полной чашей,
а теперь пустой.

Вариант

Памяти Нико Гомелаури

Те, что умерли, нет, не сказали
ничего, а верней — не нашлись...
...только ночью на дымном вокзале —
как бы даль, уходящая в высь, —

относительность блика и мрака,
запах гари в пространстве стальном,
полувсхлип напоследок... Однако
всё понятно теперь в остальном.

«Так начинают»

Ей рано нравились романы...
Пушкин. «Евгений Онегин». Гл. 2

Раскрывается книга,
озаряется ночь —
мы с тобою, амиго,
очутиться не прочь
в «Наутилусе» Немо
посредине Бермуд...
О, фонема-морфема,
чтения сладостный труд!

Вроде Лариной Тани
(ах, какой звукоряд
в этой строчке!), в аркане
я запутаться рад —
в паутине сюжета...
Полыханье страстей —
что мерцанье просвета
в анфиладах затей.

С нами честное слово,
с нами верный роман —
для живого улова
нам открыт океан —
растворяются строки,
воплощаются сны —
мы вступаем, как боги,
в дебри дивной страны.

На загадочной карте
притаившийся крест.
Мы в пылу, мы в азарте,
направленье — зюйд-вест!
По компáсу, секстану
точно выверен путь...
Книгу пишут по плану,
Жизнь живут как-нибудь.

Не скажу им «прощайте»
на краю бытия —
фолиантам сладчайшим —
«до свиданья, друзья!»
Или Даль не расслышал
эту гулкую даль —
обещание свыше:
смерть — всего лишь деталь?

Валерий Котеленец

Родился в 1954 году в городе Асино Томской области. В начале 1960 годов переехал с семьей на Алтай. Публиковался в журналах «Урал», «День и ночь», «Плавучий мост», «Алтай» и др. Автор восьми книг поэзии и прозы. Лауреат муниципальной премии города Барнаула за роман «Ангел-хранитель» (2002), премии журнала «Урал» за роман «Лилия долин» (2012) и др. Руководил литературной студией. Член Союза писателей России. Живет в Барнауле.

Поэты

Мы видели свет и плутали во мгле,
судьбу облакая в слова.
Мы были своими на этой земле,
как ветер, как дождь, как трава.
Мы много умели и мало могли,
со смертью играли подчас.
И лучшие женщины этой земли
любили безжалостно нас.

***

Когда мы спим, деревья бродят
по неприкаянной земле.
Их корни места не находят.
И души их скорбят во мгле.

Скорбят о прошлом и грядущем,
о том, что снегом замело,
тоскуют по эдемским кущам,
не знавшим про добро и зло...

А утром выглянешь в тревоге
в окно, подёрнутое тьмой...
«Да вон же — ива у дороги...
Вернулась, блудная, домой!...»

***

Ночь за окном завывает натужно,
ищет кого-то во мгле...
Нам с тобой ничего не нужно
на нелюдимои земле.

Пусть наше время не в нашей власти,
но до последнего дня
нам ничего не нужно для счастья,
кроме тебя и меня.

***

Я помню ту страшную вьюгу,
лет двести, наверно, назад.
Как, всю сотрясая округу,
февральский бесчинствовал ад.
Как выло, хрипело, свистело,
сбивало безжалостно с ног...
Но, даже под страхом расстрела,
я с места сойти бы не смог.
И, вмёрзши в сугроб по колено,
я гиб, как солдат на войне...
Ведь ты в этой точке вселенной
свиданье назначила мне.

***

Пространство октября заполнено листвой
под самую завязку.
Так низко облака ползут над головой.
Так время медленно и вязко.

Не парься, что зима уже за тем углом.
Туда ещё живым добраться надо.
Всё вопиет о том, что жизнь — сплошной облом.
А ты талдычишь тупо, что награда.

Забудься и забудь. На лавке посиди.
На небо погляди без грусти и укора.
Туда тебе ещё не надобно идти.
Туда ещё не скоро.

Но как ты ни крути, а жизнь опять права.
Она тебе задаст ещё задачи.
И время неразменно, как листва.
И нету сдачи.

***

Неприкаянная старость.
Злая благодать...
Жизнь прошла. А мы остались —
помнить и страдать.

Жизнь прошла. И нам не надо
возмущаться тут.
Смерть — хорошая награда,
да не тем дают.

Жизнь прошла. И что тут скажешь?
Вот и все дела.
Жизнь прошла. А чем докажешь,
что она была?

***

Поэт не должен быть счастливым.
Он не для этого рождён.
Его удел — больным и сирым
брести куда-то под дождём.

И чтоб его вела кривая
и очень скользкая стезя,
и вьюга пела, завывая...
Ему без этого нельзя.

Поэт не должен быть богатым,
успешным, бравым и лихим.
Голодным и слегка поддатым
обязан он писать стихи.

И чтоб его терзали беды.
И чтоб снедали страх и стыд...
А поражение от победы
румяный критик отличит.

***

всё кончится когда-нибудь увы
нет вечного на бренном этом свете
всё кончится и я и ты и вы
и эти облака и звёзды эти
всё кончится в один ужасный час
без всякого суда и приговора
всё кончится не спрашивая нас
внезапно вдруг и может очень скоро
и жуткий гул раздастся в вышине
и разлетится вдребезги фрамуга
а мы с тобой лежим спина к спине
и дуемся зачем-то друг на друга

***

Когда работаешь метлой
или совковую лопатой,
не думаешь о жизни злой
и о судьбе своей горбатой
и не клянёшь мирскую ложь,
и человечество не хаешь,
а просто-напросто скребёшь,
а просто-напросто махаешь.
Особенно, когда снега
завалят город по колено.
Гребёшь, не помня ни фига
о суете и доле брэнной,
о кредиторах и долгах,
о распоясавшейся власти...
До слёз в сияющих глазах,
до просветления,
до счастья...

***

Научи их разуму, учитель, —
сырых, обездоленных, слепых.
Истины высокую обитель
отвори доверчиво для них.
Тесные отверзни им глазницы.
Приведи их к вере и любви.
А когда настанет час проститься,
как детей своих, благослови.

И они пойдут по белу свету
жать тобой посеянную рожь,
выдавать за чистую монету
о тебе заведомую ложь,
сочинять сомнительные книжки
про тебя, как вздумается им,
все свои ничтожные делишки
осеня именем твоим.

Песнь о великой вселенской брани

...И вот мы встали к плечу плечом —
Балда, Емеля, Иван-дурак...
Но нам не выдюжить нипочём —
со всех сторон обступает враг.

Иван-царевич уже давно
собрал манатки — и след простыл.
От супостата в глазах темно.
И Змей Горыныч заходит в тыл...

Ох, не хватает у нас мощей!
Ох, все мы, братцы, поляжем тут!
А на подмогу врагам Кощей
с Поганым Идолищем идут.

Сверкает саблями вражья рать,
грохочут ядра, свистит свинец...
И так не хочется помирать.
А в этой сказке плохой конец.

Но минет время, и в некий час
бойцы другие отмстят за нас.
И встретят врага бок о бок
Жучка, внучка и Колобок.

***

...и взыщет за всё, что содеять смогли,
за каждую пядь убиенной земли,
за каждый глоток осквернённой воды,
за жадность, доведшую нас до беды,
за лютые страсти, за злые грехи...
и за равнодушные наши стихи...

***

Зима уже кончается.
А мы ещё живём.
Чего же нам печалиться
о будущем своём?
Чего же нам тревожиться?
Живём — и все дела!
И розовая кожица
на сердце выросла.
Вот наскребём на курице,
И можно песни петь.
И в завтрашнее хмурово
без ужаса глядеть.

***

когда глаза мои сухи
и не бежит мороз по коже
я не могу писать стихи
и прозу тоже
как будто все они во мне
до дна последнего иссякли
и я ступаю по земле
как смертный всякий

***

Мечтай, мечтай — оно не вредно,
желай, желай — пока живой,
покуда солнца шарик бледный
ещё парит над головой.

А счастье — не по нашей части,
не по ранжиру — благодать.
Проснулся утром — вот и счастье.
Чего ж ещё тебе желать?

***

И ничего не будет — счастья, величия, славы...
Всё смывает бесследно Леты слепая вода.
Всё пожирает время — зверь стотысячеглавый,
жалкие кости бывшего выплёвывая иногда.

Как ни крути, в итоге этой бодяги длинной,
этой нелепой хрени, сляпанной вкривь и вкось,
тот, кто слепил всё это, скомкает в длани глину,
грустно вздохнёт и скажет: «Снова не удалось!»

***

Время покажет,
кто виноват.
Время покажет —
в рай или в ад.
Время покажет —
свет или мрак.
Время покажет.
Да ещё как!

***

Я долго тебя искал,
сквозь снега идя и дожди,
среди нелюдимых скал,
оскаленных бездн среди,
кричал безответно в ночь,
пытаясь тебя найти,
не в силах тебе помочь,
не в силах тебя спасти...

Вернулся назад ни с чем
в тревожного утра тишь.
А ты на моём плече,
во сне улыбаясь, спишь.

***

терпеть терпеть терпеть
тащить тащить тащить

а мне хотелось петь
а мне хотелось жить
а я рождён любить
а я рождён летать

катить катить катить
толкать толкать толкать

***

На тысячу эпох
всего один поэт.
И для него законов
на этом свете нет.

Ему под небом тесно,
как ангелу — в тюрьме.
Он видит свет небесный
в крошечной этой тьме.

Он смерть целует в губы.
Он жизнь целует в лоб.
Ему такие любви,
что краше только в гроб.

Он пишет что захочет.
Он мир скатал в яйцо.
Он вечности хохочет
в прыщавое лицо.

Никита Немцев

Родился в 1997 году в Красноярске. Переехал в Москву в 2014 году — учиться. Окончил ИЖЛТ, ныне пребывает в магистратуре РГГУ (классическая русская литература). Лауреат премии «Лицей» в номинации «Проза». Живет в Москве.

ПОСТВСЁ

— **П**онимаешь, Вань, ты все еще в постмодерне, а я уже в метамодерне. Ты не умеешь смотреть в будущее.

Он ее понял и переехал в Токио (как можно смотреть в будущее на постсоветском пространстве?). Просыпался каждый божий вечер, брал свою постгитару (Ваня слушал постпанк, построк и постхардкор, но сам был аполитичным постджаз-музыкантом) — и шел стритовать.

С переездом на Восток Ваня, разумеется, остался без друзей (японского не знал, а английский его был скверен) — нет, был, конечно, постдруг Витек — тоже русский, тоже гайдзин: читал постструктуралистов, баловался постгуманизмом, вел разговоры вроде «Мы живем в спектакле симулякров, епта» и «Да все это игра в бисер, ну», на что Ваня отвечал: «Дряхло мыслишь» и «Но свиной же среди нас нет» — и ухмылочно прикладывался к своему постдошираку (даже под угрозой расстрела он не рассказал бы, что такое метамодерн, но всей душой верил, что он уже там).

Рыжий с черным причесон (косил под японцев), майка с кругом на спине (из местного сэконда), красные протертые шорты, надменный лоб, аскетические скулы, самодовольная ухмылка, советская семиструнка в японском чехле — побрякивая заработанными тремя тысячами пострублей в кармане, Ваня шел в сторону Сибуи, там его ожидала постлюбовь.

Вокруг воняло Америкой и футуризмом. Велосипеды дзинькали, автомобили урчали, пешеходы с рыбьими лицами глядели пристально и косо, перекрестки стояли — Ваня этому не верил: ему все казалось, что он в какой-то коробке из-под обуви, освещаемый со всех сторон софитами. Борясь с постмодернисткой тоской, Ваня курил свою постсигарету.

Душная толпа, бесконечная прямь вылизанной улицы, потухшие деловые небоскребы (неживые), офисные мужики и офисные бабы отпросились у постбарина домой: бабы, зная, что им изменяют, — есть, спать, сидеть с детьми, смотреть телик; мужики, зная, что бабы все знают, — в отели для парочек или в бары, где можно за плату угостить настоящую женщину пивом. Реклама неоновыми гроздьями свисает там и сям, суля постпродажи.

По пути Ваня зашел в постмагазин за молоком. Кассирша проблеяла свое фальшивое «аригатокозаймооооооооос», а Ваня достал из кармана карточку и потряс ей перед носом. Терминал плевался. Кассирша искренне недоумевала, в чем дело — водила карточкой и так и сяк, и даже вставляла. Ваня знал — денег недостаточно, и уже полез в карман за мелочью. Но кассирша ее не замечала и еще минуту возилась с картой. Она была в шоке.

— Чертовы япы, даже представить не могут, чтобы на карточке не хватало денег! — Ваня плевался постгречкой с молоком и сатанел. — Променяли бусидо на кэш.

— Это как посмотреть. Вот если б я тебе стабильную работу предложила — ты бы отказался?

Лера (его постлюбовь) сидела и пленяла своей восточной красотой (армянка): большие выпученные глазки, тонко проведенные черты, черно-кудрявые волосы, прозрачные, надкусанные губы. Голос у нее был детски-хрипл и как-то рассыпался.

— Конечно, отказался бы! — вскричал Ваня в ярости. — А то что — карабкаешься вверх по ступенькам — карьера, е-мое —

догрызаешься до вершины — а ты уже дед-пердед и на хрен тебе это не нужно. Тут только в лес самоубийц и ехать. Ни одного искреннего японца не видел! Духовности тут нет — вот что.

— Ну ладно тебе — духовность. Одному комфорт, другому идеалы — это нормально. — Она покрутила кудряшку, томно глядя в потолок.

— Но есть же святые вещи!

— Мне одно свято, тебе другое. Это все как посмотреть.

Ваня тщательно пережевывал постгречку и смотрел в зеленые глаза Леры — в них застыли луга, тундра, тайга, космос, Первобытный бульон... Ваня пережевывал постгречку и думал, как это можно с такими красивыми глазами сидеть в таком глухом пост-модерне?

— Вообще, я думал, вот приеду я... а в Японии ни одного человека нет. Потому что прозрели все — и ушли на хрен из мира. Думал, тут Восток, Бодхисаттвы — а та же мазня мышиная... — Ваня с жадным хлюпом допил молоко из миски.

— Они ж синтоисты в основном. Да и с чего им тебе, русаку, открываться? — Лера перехватила миску и пошла с ней к раковине. — Хочешь чай?

— Да, конечно! — сказал Ваня очень уверенно.

Дальше они лежали на диване, смотрели аниме и пили русский чай. Раз минут в десять Лера кротко (но как-то с издевкой) спрашивала: «Хочешь чай?», а Ваня бойко отвечал: «Да, конечно!» Они посмотрели десять серий «Стального алхимика» и выпили двадцать кружек чая. Ровно в одиннадцать вечера Ваня встал, в полторы минуты собрался и пошел домой.

Они обнялись в коридоре, Ваня взял постгитару и переступил порог. Лера смотрела на него из двери.

— Я тебя не люблю, — сказала она.

— Я тебя тоже, — сказал Ваня и улыбнулся. Лифт подospel.

Ваня опять переходил Сибуйский перекресток. Это была огромная — с маленькую хоккейную коробку — зебра: стоять у бордюра приходилось по пять минут, но как только машины застывали и загорался зеленый, толпа схлестывалась: если прищуриться, то в многолюдии казалось, что здесь можно торговать байдой из электричек, играть на гитаре, знакомиться с людьми,

тусоваться, ставить палатку, по крайней мере, эти три минуты. Ваня весело шел по раскинувшейся зебре — в сторону вокзала и памятника Хачико — тут в плечо ему врезался японец с рыбьим лицом и треугольной улыбочкой. Ваня раскрыл глаза шире: конечно, это все неправда.

Он шел пешком по пост-Выхино, пост-Бибирево, пост-Черемушкам — Ваня любил гулять в постдень. Тихие улицы вели себя совсем по-другому, шаловливо изгибались, заводя то в тупик, то на железнодорожную переправу; то к постправославной церкувшке (похожей на церкви из американских фильмов), а то и на рисовое поле. Традиционные домики с выгибающейся черепицей и сигнализацией, иероглифы, шепчущие свое что-то непонятное, замысловатая вязь проводов и канавок, цветы, дикий стрекот цикад, редкие-редкие прохожие — умиротворенные и апатичные.

Показался канал (пост-Питер): фонари, весело визжа, разделись догола и пошли плескаться (все еще жарко). Ване было красиво, но упорно казалось, что все здесь игрушечное, все здесь ненастоящее. Он встал на мосту и достал постсигарету. Хотелось пить — он сделал несколько шагов до ближайшего автомата с газировками и чаем, чтобы купить какую-то хрень из личи, стал шарить по карманам... Кошелек не было. Ну и черт-то с ним! Вернулся на канал, снял постгитару с плеча, навалился на перила и закурил.

Токио... Постдрузья, постлюбовь, постработа, постжизнь... Казалось, что нет никакой Леры, нет никакого Вани, нет постсигареты с хитрой системой сжигания табака, нет никакого вечера — есть только эти купающиеся фонари и непроходящая тоска.

— Прошу простить, — раздалось по-русски. — Вот ваш кошелек. Я случайно украл. Это у меня бывает.

— Спасибо. — Ваня пожал плечами и сунул кошелек в карман. — А вы... вы откуда знаете, что я русский?

— У вас лицо нехитрое, искренность у него. Как бы вы маску дома забыли. А японец не забыл бы.

Справа от него, приятельски навалившись на перила, стоял японец в костюме, с распушенным галстуком и треугольной улыбкой. Ваня предложил свою постсигарету, но тот смутился

и отказался (он почему-то похлопал себя по шее — сначала слева, потом справа).

— Откуда вы знаете русский? — спросил Ваня.

— Моя старшая мать любила Достоевский.

Ваня сочувственно покачал головой.

— А вы, то есть, в маске сейчас? — усмехнулся он.

— Да, — ужасно серьезно ответил японец.

— А ничего маска.

— Да, хорошая сделана, неплохая. — Он улыбнулся треугольно. — Хотите, чтобы я снял?

Ваня снова пожал плечами:

— Ну. Можно.

Японец взялся большими пальцами где-то с краев челюсти и отлепил от себя кусок прозрачной кожи — склизкой, как водоросли: под маской оказался тот же японец с той же треугольной улыбкой, только поживее, помоложе и с более задорно-продажным голосом.

— Это мне на работа маска, — пояснил он, сворачивая свое другое лицо в трубочку и потряс им. — А эта — на улицы. — Он положил ее в карман.

Ваня стоял, забыв о том, чтобы курить, и дико подняв правую бровь (мысль у него билась: «И почему я не погиб в модерне?»). Он с ужасом и легкой тошнотой понимал, что сейчас перед ним стоит — постчеловек.

— И... сколько у вас таких? — спросил он скорее из приличия (а сам бросил взгляд на чехол, прикидывая, как бы отсюда, если что, свалить).

— Девятнадцать — как дней цветет сакура. Вы рыб не едите? — как-то снова серьезно поинтересовался японец.

— Да нет, не особо.

Тот вздохнул, достал литровую бутылку из вспученного кармана пиджака и основательно припил, запрокинув голову, не касаясь горлышка губами. Утерев рот, он спросил:

— Не пьете sake?

Хмыкнув, Ваня кивнул (мало ли что может стрястись в метамодерне?) — и они пошли по набережной. Сели на скамейке у какой-то не то урны, не то святилища: пили sake (винно-водочный

вкус Ваня так и не смог полюбить), обменивались пустыми фразами, пьянели, играли по очереди на гитаре, болтали о том о сем и о ничем.

Есимуда (так звали японца), театрално дурачась и ужимничая, снимал маски одну за другой: у него были маски для дома, для спорта, для работы, для любви, для прогулок с собакой, для похода в кино, для задумчивости, для лени, для хитрости, для отчаяния, для смерти (эта почти не отличалась от «для любви»), для сна, для завтрака...

Пока Есимуда складывал маски, похожие на листочки нори, в карманы, Ваня хохотал и наигрывал какой-то забойный мотив. Вдруг он спросил (они уже совсем подружились):

— А на толчке ты тоже в маске сидишь?

— Нет, — сказал Есимуда, помрачнев. — От напряжения порваться может.

— Так ты без маски только на толчке бываешь?

Есимуда задумался, что-то считая в уме, и сказал:

— Да. — Его узкие глаза как будто что-то затаили.

— А можешь показать? — попросил Ваня.

— Ты наверно уверен?

— Ага. — Ваня опять приложился к sake.

Есимуда поддел сразу несколько масок и содрал их — оказалась огромная рыба голова с жабрами, жирными и что-то хватающими губами, выпученными глазами, и несметными усищами на месте бровей.

Ваня громко проглотил слюну и стал молиться постБогу.

— Вы рыб не едите точно? — спросил Есимуда как-то взволнованно.

— Т-т-точно.

— А то это может быть опасно с людьми. Многие наши едят брат брата — это большая проблема этики... Я все могу объяснить! — Есимуда почесал выпиравший за ухом плавник и закинул ногу на ногу, обхватив руками колено. — Все это вышло сейчас после Хирошимы. Японский народ — целиком весь — понял, что мир настолько больно и отстой (я правильно говорю? отстой?), что он тут просто не надо существовать. Утро-вставание был такой силен, что японский народ — целиком весь —

мог прямо сейчас уйти в ниепан, то есть нирвану. Но один аббат из Кинакуку-дзи сказал: «Дайте терпение! Для других людей только странно будет, если целой страны без людей станет на середине войны. Тогда они не смогут сами страдать, чтобы тоже уйти. Надо доиграем кусок спектакля!» А японский народ начали вести разговор с нами — Рыбами. Японцы предлагали землю, язык, культуру и просили делать вид, что мы — это они. Многие Рыбы согласились, хотя бы потому, что они были немые, а попробовать поговорить и с культурой — очень интересно... Для того чтобы уйти самураем, благородным японцам пришлось экономику вырастить, чтобы сделать операции миллионов рыб по пришиванию ног и каждому сделать маски. Это был долгая история и закончился всего двадцать лет назад. Но сегодня теперь уже все японцы Рыбы.

Ваня сидел и ничего не понимал, ему казалось, что он умирает: перед воображением мелькали постдрузья и постблизкие, потом мелькали настоящие друзья и близкие, затем появлялись персонажи мультфильмов, философы, писатели, музыканты, многорукие женщины пускались в фрактальный пляс — и вот уже Будда и Христос раскрывали ему свои объятия...

То, что выслушал Ваня, было такой бессовестной дичью, что он вынужден был вернуться назад и спросить:

— А твоя бабушка? Откуда она знает Достоевского?

— Семь лет она посидела в китовой тюрьме в Приморье.

Вода по непитерскому каналу тихонько ползла, отражая фонтари.

— И как вам нравится играть японцев? — спросил Ваня.

— Оказалось грустно.

Ваня нервно нашарил несигарету и закурил.

— Вы не курите? — спросил он Есимуду.

— Жабры вредно, — ответил тот.

Они промолчали сколько-то прилично. Дым шумно выдыхался и зависал в воздухе.

— И что — никакого мира совсем-совсем нет?

— Отсутствует. — Есимуда развел плечами. — Но нашему Рыбному народу и хорошо. Мы-то только играем в людей. А у вас все по-серьезному.

Закашлявшись, Ваня завязал несигарету бантиком и бросил. Он встал.

— Вы не расстраивайтесь, — сказал Есимуда, прилаживая маску для сочувствия.

— Спасибо за саке, — ответил Ваня.

Он пошел — на прямых, налитых металлом ногах. Есимуда догнал его и вручил забытую гитару: Ваня поблагодарил с улыбкой, пожал руку, дождался, как тот уйдет, достал негитару из чехла и в пять ударов расхреначил ее о перила. Ошметок с усиком струны обиженно полз по каналу.

Солнце всходило куда-то в несуществующие дали — первый раз в Японии Ваня видел рассвет. Небо притворялось рыжим и розовым, нежным и ребячливым — с каким-то жизнеутверждающим кокетством, но Ваня уже знал, что это обман. Он шел по неутру, по неулицам, мимо нелюдей, мимо немагазинов; какой-то несуществующий мудака насвистывал на флейте мелодию, а Ваня прятал в несуществующие карманы свои кулаки.

Дошел до Лериного дома, поднялся на лифте, вошел (хоть это и постлюбовь, но все же были у него ключи). Не слишком-то запариваясь ходьбой на цыпочках, Ваня вошел в комнату, где Лера спала: на разложенном диване, бочком, закинув ножку с щиколоткой на одну из пяти подушек, вычерченная красным мазком рассвета. Ваня грубо перевернул ее на спину, подцепил под челюстью — и содрал с нее красивую армянскую маску. Под ней оказалась каракатица.

Ваня больно пнул стену ногой, запрыгал, заматерился, заплакал, упал — да так и остался на полу.

— И что вам в океане-то не жилось!! — крикнул он в потолок со слезами.

Лера проснулась, пощупала лицо, поняла, что осталась без маски, села и укутала в одеяло свою голоту.

— А ты думаешь, в океане перенаселения не бывает! — сказала она, фыркая и смешно дрыгая своими щупальцами. — Это все как посмотреть.

— А я тебе чуть предложение не сделал! — Ваня бессмысленно и медленно стучал кулаками в пол, как умственно отсталый барабанщик.

— Какое предложение? Доширака предложение? Не колоти в пол, соседей разбудишь!

— Да какая, хрен, разница, если ничего нет??

— Ванечка, прекрати. Мы все же еще играем в людей.

Кулаки как-то сами по себе умолкли. Ваня недоуменно уставился на женщину с головой каракатицы. Подобие улыбки встало на ее нелице.

— В смысле — «мы»?

— А ты что думаешь — ты настоящий? Думаешь, твоя искренность не маска?? — Она ехидно растянула плавники у рта. — Думаешь, когда человек не знает, что играет, — он не играет? Ха-ха-ха! Это все как посмотреть...

Ваня молчал. А развеселившаяся Лера встала в своем одеяле, похожая на шаурму с морепродуктами. Она пошла на кухню.

— Чай будешь? — спросила она оттуда.

— Нет, — ответил Ваня.

Молча собрал все силы. Молча встал. Молча ушел.

Бессмысленно волоча ноги, он брел по улицам Токио, думал, почему он не может сразу оказаться дома, если его все равно нет, глядел на стеклотару домов, на расходившееся уже солнышко, на жаркую душашую погоду, смотрел в маски, спешащие на работу. Но смотрел как будто бы сверху, отлично видя физиологию мегаполиса, где сам он был только несмышленной точкой среди тысяч и тысяч более предприимчивых точек...

— Да на тебе лица нет! — сказал Витек, случайно встреченный (как бы подсунутый) на улице. Недруг.

Ваня грубо отмахнулся от его приветов с философией и пошел домой. Не было ничего интересного, кроме усталости и сна. Он вдруг понял: ни модерна, ни постмодерна, ни уж тем более метамодерна никогда и не бывало. Был только кулек дурацких слов.

Прошел по виадуку, поднялся на пятнадцатый этаж, переступил спящих на полу хозяев, дошел до ванной. Хотел умыться, но засмотрелся на свою усталую рожу: черно-рыжий причесон (как у японца), надменный лоб, аскетические скулы, полное отсутствие улыбки. Не зная, что делает, он подцепил свое лицо — у косточек, прямо под челюстью...

Под его лицом не прятался морепродукт, какая-нибудь свинья или птица. Лицо было странное, как у человека, который долго постился: как бы восточное, а как бы и выбеленное: оттянутые сережками уши, узкие японские глазки, точка между бровей, немного сонное и удивительно спокойное выражение — вообще говоря, это было лицо Будды.

— Всего лишь... — пробормотал Ваня устало и смыл маску в унитаза.

Завтра он купил билеты обратно в Москву.

Анна Ремез

Прозаик, переводчик с английского языка, автор девяти книг. Член Союза писателей Санкт-Петербурга. Финалист литературных конкурсов «Дебют», «Книгуру», премии имени Владислава Крапивина. Рассказы публиковались в журналах «Новый мир», «Костер», «Чиж и Еж», «Кукумбер» и др.

БИБЛИОТЕЧНЫЙ ДЕНЬ

Ортопед сказала: — Девочке надо укреплять мышечный корсет. Позвоночник кривой потому, что мышцы его не держат. Нету мышц. В бассейн запишитесь.

Мама ответила извиняющимся тоном:

— Вы знаете, бассейн далеко от дома, одну я ее не отпущу туда ездить, а сама работаю с утра до вечера.

— А на ЛФК ходите?

— Да, ходит, ходит, к вам же в поликлинику и ходит...

Кажется, мама хотела добавить: «Да все без толку». Но промолчала.

— Так, есть тут у меня один человек. Тренер в фитнес-клубе, — сказала ортопед. — Я ему позвоню. Может, что-нибудь получится.

Я от всей души пожелала, чтобы ничегошеньки не получилось. Чтобы ортопед случайно выбросила в мусорное ведро бумажку с нашим телефоном. Или чтобы «один человек» уехал по очень

срочным делам в другой город. Или чтобы в клубе отключили свет... Не будут же люди в темноте заниматься физкультурой?

Но ортопед положила бумажку в сумочку и уже на следующий вечер позвонила маме. Мы пошли в магазин и купили кроссовки. Не малиновые, как я хотела, а обычные, скучные.

И вот мы стояли перед дверью, глядя на плакат с потным квадратным мужчиной. Рельеф его живота напоминал черепаший панцирь, а руки были сплошь в бицепсах и трицератопсах... то есть трицепсах. Под мужчиной было написано: «Фитнес-клуб "Теркулес"».

— Нам сюда? — спросила я, надеясь, что мама ошиблась.

Но она не ошиблась.

Внутри клуба оказалось еще много квадратных мужчин и даже одна женщина, почти не квадратная. А вот тощих двенадцатилетних девочек в очках и скучных кроссовках там, увы, не было!

К нам подошел тот самый «один человек». Ему-то мама, сразу уменьшившись в размерах, объяснила, что насчет этой вот девочки Нади ему звонила Наталья Борисовна и что у Нади нарушение осанки и совершенно нет в спине мышц. Я с ужасом смотрела на квадратного дядьку, не в силах поверить, что мама действительно оставит меня ему на растерзание. А он совсем не удивился. Как будто каждый день к нему приводили тощих двенадцатилетних девочек.

Наше появление не осталось незамеченным. На мгновение перестали стучать друг о друга железки, стих зубовой скрежет. А потом все поехало дальше. Напряглись трицератопсы, покраснели лица, слышались криканья и кряхтенья.

С радостью утопающего я уцепилась взглядом за единственную женщину в зале, которая поднимала ногами какую-то штуку. Явно очень тяжелую, потому что на лицо женщины нельзя было смотреть без сострадания.

— Ну, ладно, Наденька, я пошла, — сказала мама, — будь умницей. Дорогу запомнила?

— Да, — прошептала я. Голос мой провалился в живот.

— Меня зовут Сергей Макарыч, — представился тренер.

— Надя, — прошептала я, хотя уже и так было понятно, что я Надя.

— Ты, Надь, не стесняйся. Главное что? Главное — иметь четкий план тренировок. Когда есть план — это уже полдела!

И мы стали ходить от тренажера к тренажеру. В памяти всплыли пыточные орудия из фильма про средневековье, который я смотрела летом. Вернее, досмотрела я этот фильм как раз до появления в кадре пыточных орудий, а потом мне стало как-то неинтересно, и я ушла к себе в комнату. А надо было поинтересоваться!

— Садись, — вдруг сказал Сергей Макарыч.

Я послушно села на тот самый тренажер, где недавно занималась бедная женщина. Тренер снял несколько дисков, чтобы нагрузка соответствовала моей хлипкости.

— Так, ложись и подними ногами перекладину. Тут работают верхние бедренные мышцы!

«Не обязана я иметь всякие такие мышцы», — подумала я и честно попыталась сделать, как он сказал. Ничего не получилось. Очки сползли на кончик носа. Тренер снова снял два диска, и лишь тогда ноги согласились приподнять железки на две секунды. А когда эти секунды прошли, диски тут же брякнулись обратно с позорным грохотом.

На каждом из пыточных агрегатов Сергею Макарычу пришлось ставить для меня минимальную нагрузку. Я поправляла очки, изо всех сил старалась не корчиться и кое-как выжимала, поднимала, притягивала. По-моему, завсегдатаи «Геркулеса» ухмылялись. Уж те, что были на плакатах, висевших по стенам, ухмылялись совершенно точно. А вот Сергей Макарыч талантливо изображал энтузиазм. А ведь мог бы сразу сказать, что делать мне в его клубе нечего, потому что я совершенно безнадежна в мышечном смысле.

После обхода владений Геркулеса я потащила мыть руки. В теле начинались возмущения. Я скрючилась, чтобы не видеть в зеркале над раковиной лицо — красное, мокрое и несчастное.

Тренер принес лист бумаги, на котором было расписано, что именно и по сколько раз я должна совершить на пыточных агрегатах.

— Вот, держи. В следующий раз начнешь. После занятий обязательно ешь творог. Мышцы у тебя будут расти как на дрожжах, — сказал он и улыбнулся.

Все-таки неплохой человек, хоть и квадратный. Верит в меня. Но домой я пришла в расстроенных чувствах.

— Ну что, как позанималась? — спросила мама, вернувшись с работы.

— Тяжеловато вообще, — ответила я.

— Сначала всегда так, а потом мышцы появятся, и будешь все эти гири поднимать как пушинки.

— Мама, нет там никаких гирь, — сказала я, — там тренажеры.

На следующее утро я стала кряхтеть и крякать, как дядьки в клубе: болели все части тела, кроме головы. Мама сказала: «Это крепатура», намазала меня кремом с веселым названием «Бодяга» и отправила в школу, невзирая на страдания.

Когда я пришла заниматься в следующий раз, Сергея Макарыча не было. Значит, мне предстояло самой разбираться с тяжелыми дисками, регулирующими нагрузку. Женщина-страдалица тоже в этот день отсутствовала. Я тщетно попыталась сдернуть проклятые железяки со стойки. И пока я это делала, весь клуб на меня косился, это уж точно.

— Ладно! — сказала я вслух и подошла к мужчине, который, как заведенный, качал пресс неподалеку. Дождавшись, когда кончится завод, я попросила:

— А вы мне не поможете диски снять, пожалуйста?

Заводной мужчина посмотрел на меня не слишком радостно. Но все-таки сказал: «Сделаем» — и одним мизинцем снял диски со стойки. Ну, это так говорится просто — «одним мизинцем». На самом деле-то, конечно, одной левой.

Кое-как справившись с первым упражнением, я перешла как раз к тому тренажеру, где до этого занимался мой помощник. Надо было сразу попросить его скинуть нагрузку. Позанимался сам — помоги тощим! Пришлось выбирать себе нового ассистента, потому что предыдущий ушел качать другую группу мышц.

— Извините, вы мне не поможете диски снять, пожалуйста? — обратилась я к огромной спине в синей футболке.

На обратной стороне спины оказалось такое лицо, что я тут же пожалела о своей просьбе. Оно тоже было оттуда — из средневековья, с впечатляющей биографией и затейливой географией.

Повсюду на этом лице пролегли дороги шрамов, возвышались бугры шишек, а посередине торчала глыба не единожды сломанного носа.

— Как? — переспросил титан в синей футболке, и я поняла, что просто не могу повторить свою просьбу.

— Ничего, ничего, извините, — пробормотала я и попятилась на свое место.

К счастью, некоторые посетители клуба еще не оквадратились окончательно, и один из них все-таки помог мне укротить очередную камеру пыток.

— Ты как тут оказалась? — спросил он, подстраивая тренажер.

— Это все ортопед, — ответила я.

— Бывает же, — протянул он. — Ладно, не стесняйся, зови, если что. Меня Иваном звать.

— Спасибо. Я Виолетта, — ответила я.

Иван усмехнулся и покачал головой. Наверное, не поверил. Да, Виолетта, несомненно, носила бы малиновые кроссовки. Да и вообще, вряд ли ей потребовались бы мышцы. С таким именем не живут, а царят!

Я сначала не хотела рассказывать о новом занятии Женьке, но потом не выдержала и выложила все. Мы раньше учились вместе, а потом Женьку перевели в «эстетический» класс. Я осталась в неэстетическом. На переменах мы, конечно, здоровались, но у Женьки там сразу появилась своя компания, и я к ним не лезла. Зато мы каждый день старались идти домой вместе, чтобы как раньше было. Только, конечно, как раньше уже не было.

Женька так хохотала, представляя мои брожения среди квадратных мужчин, что я тоже улыбнулась.

— Надька, не грусти, зато с кучей спортсменов познакомились! По каким дням страдаешь?

— В среду и в пятницу.

— Эх, жаль. В среду у меня бисероплетение, а в пятницу — хор. А то бы могла у меня посидеть в это время.

Бисероплетение, хор! Вот чем надлежит заниматься двенадцатилетним барышням. А я вместо этого поднимаю стопудовые диски.

Папе жаловаться было бесполезно. С тех пор как они с мамой разошлись, все, что касалось меня, она решала сама.

— Держись, котёна, — сказал папа, и я услышала на том конце провода вздох, — прямая спина — это ведь действительно важно.

Прямая спина многим людям выдавалась вместе со свидетельством о рождении. А мне вот не повезло.

С мрачными мыслями я брела на очередную «тренировку», когда на глаза мне попались разноцветные буквы: «Библиотека № 2». Чуть ниже было приписано: «Детская».

Я поднялась на крыльцо, еще не зная, что это мое спасение, но чувствуя острую необходимость записаться в эту самую библиотеку. Уже через пятнадцать минут я уселась в читальном зале со стопкой книг. Два часа, отведенные на физическую культуру и дорогу домой, прошли быстро. Гораздо быстрее, чем в «Геркулесе». Там время тащилось, словно придавленное стопудовым диском.

С того знаменательного дня я уходила на тренировку с легким сердцем. Библиотека превратилась в мое тайное убежище. Я решила прочитать все книги из школьной программы за четверть — все-таки надо было извлечь из этой некрасивой ситуации пользу. Мешок с бестолковыми кроссовками и спортивным костюмом я оставляла в гардеробе вместе с угрызениями совести. Нет, разумеется, мне было стыдно. Но только после того, как я выходила из библиотеки. Я шла домой, отгоняя мысли о своей неблагодарности и лживости, а в мешке болтались кроссовки, здорово приплюсненные книгами. Надо сказать, не так уж легко было нести этот мешок. Я постоянно переключивала его из правой руки в левую. А дома тайно выгружала свои сокровища, как вор — награбленное добро.

Я очень радовалась, если мне удавалось занять зеленое кожаное кресло в углу читального зала. К сожалению, туда не разрешали забираться с ногами, но все равно чтение книги в этом кресле превращалось в настоящее удовольствие. Я брала в кресло «Трех мушкетеров» Дюма и «Миллион приключений» Булычёва, «Собор Парижской Богоматери», сказки про муми-троллей, «Человека-амфибию», Жюль Верна и Джека Лондона. Библиотекари,

наверное, очень радовались такой пунктуальной и верной читательнице.

Через некоторое время я заметила, что книжки стало носить легче. Я могла протащить сумку до остановки в правой руке и только потом перемещала ее в левую. Значит, какие-то мышцы у меня все-таки появились!

Закончилась книжная идиллия неожиданно и нелепо. Мама, у которой вдруг случился выходной, решила проводить меня до «Геркулеса» и заодно оплатить следующий месяц тренировок. Я говорила ей, что сама в состоянии донести деньги до клуба, что дорога скользкая, и холодно, и что дома гораздо лучше. Мама, наверное, почуяв неладное, стала собираться еще более решительно. Я шла за ней, еле передвигая ноги, и представляла себе табличку «Закррито» на двери клуба. Только на силу мысли и оставалось надеяться. Или на чудо.

— Мам, а можно я туда больше не буду ходить? — выпалила я, когда мы уже подошли к дверям «Геркулеса», на которых, конечно, не оказалось никакой таблички.

— Почему?

— Ну... Мне там не нравится.

— Надюша, ты же знаешь, это полезно для спины. Ты же не хочешь всю жизнь ходить кривая, как... — она явно хотела сказать «как твой папа», — как вопросительный знак?

— Зато у меня уже две пятерки по литературе! — воскликнула я в отчаянии.

— Зато — за что?

Тут, как назло, дверь «Геркулеса» открылась, и оттуда вышел Сергей Макарыч, чей квадратный образ я уже начала забывать.

— О-па, Надя! Чего так долго не приходила? Болела?

После того как Сергей Макарыч сморозил такую чудовищную глупость, мама со мной не разговаривала два дня. Ну, вернее, два утра и два вечера, потому что днем мы не виделись.

На третий день я сидела в своей комнате и читала смешную книжку писателя со странным именем О. Просто О. Генри. Если бы между «О» и «Генри» стояла запятая, все было бы понятно. Но, собственно, с точкой было даже веселее. Мне никак не удавалось погрузиться в книгу, потому что О. не давал мне

покоя: «Привет, О. Вы не видели О.? О. уже ушел. Расскажите нам про О.».

Тут пришла мама, села на кровать и сказала:

— Выпрями спину.

А потом спросила:

— И сколько ты книг за это время прочитала?

— Двадцать девять, — ответила я.

— Папина дочка, — сказала мама. — Слушай, а если папа сможет тебя водить в бассейн, ты будешь ходить?

— Да, мам, буду. Прости меня, пожалуйста.

— Точно будешь? Или через два месяца я узнаю, что ты все это время рисовала картины при Академии художеств?

— Мам, буду. Бассейн — это же не «Геркулес». Там не надо качать мышцы. Туда ходит одна девочка из нашего класса, Марина, я попрошусь с ней в одну группу.

— Тренер вернул мне деньги и сказал, что не надо было тебя туда пихать, — сказала мама тихо.

— Мама, я пока носила книги, стала реальной силачкой.

— Реальной силачкой, — смеясь, передразнила меня мама.

Мы обнялись и долго сидели, прижавшись друг к другу. Наконец-то вся эта история закончилась. И папа будет со мной три раза в неделю вместо одного. Может быть, получится... вечером... зайдет к нам...

— А что скажем ортопеду? — спросила я.

— Что ты прочитала двадцать девять книг, — улыбнулась мама.

Ольга Корзова

Автор двух стихотворных книг и ряда публикаций в российских литературных журналах «Наш современник», «Знамя», «Север», «День и ночь», «Двина» и др. Родилась в Архангельской области в семье учителей. После окончания Архангельского педагогического института больше четверти века работала в сельской школе. Член Союза писателей России (2008). Живет в деревне Устерьга, где осталось шесть жителей.

***

По утрам тяжелеют обычные вещи,
 Даже чашку из шкафа с трудом достаю.
 И оборванный сон представляется вещим,
 И качается мир, и стоит на краю.

Это жизнь. Это вечное преодоление.
 Я огонь разжигаю в печи, и во мне
 От живого тепла разбегаются тени,
 Поднимается день, будто тесто в квашне,

Набухает, ползёт и становится хлебом
 Под моими руками, привычно обмят.
 И крошу, и ломаю его на потребу,
 А к полуночи охну — он был или не был? —
 Но плывёт над землёю его аромат.

***

Я чувствую синичьи коготки:
Отважно корм берут они с руки
И прочь уносят. Клювиков работу
Я слышу в перевозданной тишине.
Стою, молчу, мне грустно отчего-то.
Увидят ли они меня во сне
Сегодняшнем, и если да, какую?
В ушанке, возле ветхого жилья,
Старухой с протянутой рукою?
А может, только внутреннее «я»
Им ведомо? На землю свет струится,
Преображая налетевший снег.
Погаснет он — и мне пора, и птицам
Спешить к ночлегу, находить ночлег...

***

Они — моя родня,
Им хлеб крошу-ломаю
И новые стихи
          тихонько говорю.
И слушают они
          от октября до мая,
И слушать мне велят
          от мая к октябрю.
А скроются они —
И странное сиротство...
И человеческий мир
          беспамятен и чужд.
А сердце из груди,
Того гляди, сорвётся
И сядет воробьём
На облетевший куст.

***

Мне захотелось выйти в тишину,
Сбежать в неё от внутреннего шума.
И вот стою, и на меня одну
Со всех сторон, по-зимнему угрюмый,
Глядит декабрьский лес:

— Зачем ко мне?

Печален я. Какие разговоры!
Давно пора по снежной целине
Носиться зайцу. Новогодье скоро,
А нечем укрываться от невзгод.
То хлещет дождь, то в ярости калечит,
Ломает сучья и деревья гнёт
Залётный ветер. Облик человеческий
Нам ненавистен. Вы всему виной.
О, если бы земле собраться с силой,
Пойти на вас и одолеть войной!

Вздохнув, он замолчал.

А я взмолилась:

— Великий лес! С тобою я скорблю
О каждой ветке, лепестке, былинке,
О том, что трудно даже воробью
Найти свой мир;

и праздник как поминки.

Но ведаешь ли? Маемся и мы
От суеты, от власти бесполезной,
От горло захлестнувшей горькой тьмы;
И новый век своей пятой железной
Вытаптывает след былых времён,
А вместе с ним — и сердце человеچه...
Прости нас, лес!

И колыхнулся он,
И ветви опустились мне на плечи...

***

Сама себе кажусь большим кустом,
Задумчиво бредущим через поле.
Остановлюсь, вздохну о прожитом.
О том, что стало тихо нынче в школе,
Закрыт большой сельповский магазин.
Хоть флаг ещё торчит над сельсоветом —
Дверь заперта. И сколько лет и зим
В деревне жизнь протеплится? Об этом
Не знает куст. Да и к чему кусту
Тревожиться и будоражить память?
Иду вперёд, цепляя пустоту
Для всех ветров открытыми корнями.

***

По снегам осторожно ступая,
Проминаю дорогу вперёд,
А зима вслед за мной замедляет
И тропинку, и лето, и год,
Словно лепит пространства иные,
Где не будет случайного дня,
И тревожно былинки сухие
Из-под снега глядят на меня.
Их пугает неясная доля —
Переход в угасание, в тьму.
Чтобы зря не тревожилось поле,
Наклонюсь и его обниму.
Буду гладить ладонями травы,
Не расстанемся — корень один.
Не увёл меня век мой лукавый
От любимых российских равнин.
Ты со мной, моя вольная воля!
Угасает закат в облаках.
Дремлет поле, бескрайнее поле,
Как младенец, на женских руках.

Родные имена

Я словно землю трогаю
Солёным языком,
Названия дорог её,
Ложбинок за леском.
Шепчу-верчу заветное,
Пытаясь разгадать.
За листьями, за ветками
Мелькнут — и не видать.
Заросшие, забытые,
Уходят из-под ног —
Ивановская, Житники,
Баракин перелог...
Зовут нас отголосками
В былые времена
Чащово поле, Плоское.
В особицу война
Отметила — Солдатское,
Откуда в бой ушли.
...Кому — могила братская,
А кто — поверх земли...

Дома пустые, древние —
Волово, Наволок...
С моей родной деревнею
исчезнут — будет срок —
Кривое и Веретя,
Горбатница... Как сон,
растает — и не встретимся —
Поэзия имён.

***

Обижаюсь, услышав,
что реки — маленькие,
деревушки — невзрачные,
край — заброшенный.
Для меня каждый цветик —
цветочек аленький,
и о каждой травинке грущу
нескошенной.

И дома называю
хозяев именем,
пусть дымок
не над каждой крышей
тянется.
А весной стою
над морями синими.
Кена, Чурьега, Сондола —
все красавицы.

А когда повезут —
будет день —
дорогами
в наволоцкий край,
на моё пристанище,
мимо серых поженок
с перелогамы...
Нет, не мимо! —
Со мною они останутся
навсегда...

***

А у мамы кукол не было —
Настоящих, — ни одной.
Были очереди хлебные,
Дольше, чем война, длиной.
Кипяток пустой, без сахара, —
Да в потёмках от крыльца.
Жизнь, как поле, перепажана
Похоронкой на отца.
После будет ли желание
Эти годы вспоминать?
...Да зато какое звание —
Выпускница-45.

Лампы

Ночник материнский и лампу отцову
В субботу зажгу я опять.
Их свет, точно отблеск далёкого слова,
Которого не разобрать,
Пока не послышался звук из заречья,
Пока на другом берегу
Хромой перевозчик с котомкой заплечной
Устало стоит на снегу.
Пока он сигарку свою не потушит,
Пока не откроет замка
И ржавой тоской громыхнёт в мою душу
Старинная цепь челнока,
Пока я люблю, вспоминаю и плачу,
Пока ожидаю восход,
Помедли, весло, потому что иначе
Кто лампы в субботу зажжёт?

Моли́тва

Забуди моё имя.
Пускай растворится, как дым.
И голос возьми —
Ни к чему бесполезная песня.
Позволь хоть снежинкой
Кружиться над лугом моим,
Над речкой и полем —
Над всем этим краем безвестным.
Пускай не у моря,
Мне только б смотреть с высоты
На эти дома,
На ушедшие в небыль деревни,
На лес поредевший,
Стоящие насмерть мосты —
Они, как часовни, застыли
В молении древнем.
Позволь мне остаться
На стрелке затерянных рек
Песком или камнем,
Прибрежную белую глиной.
Не дай отступиться,
Когда отступается век
И прадед молчит,
Укоризненно глядя
Мне в спину.

***

Моё синичье царство не достанется
Теперь уже, наверно, никому.
Осталось мне смириться и состариться,
Переходя в неведомую тьму.
Но лёгкий стук за окнами послышится,
И хитрый глаз уставится в лицо.
И я пойду, пока живётся-дышится,
С тарелкой корма к птицам на крыльцо

Чей сад?

А всё-таки и сад,
Наверное, не ваш.
Поставили забор?
И никакой прохожий
Не может заглянуть?
Избавились от краж?
А всё-таки не ваш,
Он — Божий.
В нём яблоки, айва,
Инжир и виноград.
А может быть,
Крыжовник или вишня?
Купили землю вы
И взращивали сад?
Ну, значит, третий вы.
Дай бог, не лишней...
Бумага есть у вас,
И с некоторых пор...
Но полноте,
Оставим споры.
А ваше что тогда?
Да этот вот забор
И мусор — у забора.
Какое право я?
Да не кричи, сосед!
Присядем здесь, в саду,
Передохнём немного.
Я так же, как и ты,
Уже немало лет
В своём саду служу —
Садовником у Бога.

***

Как вязок зимний быт...
В шуге застряла лодка,
И лёгкое весло
Сломать не может лёд.
Затворницей живу,
А зимний день короткий
Меж сонных берегов
Плывёт себе, плывёт...

Я на него гляжу,
Глядеть не успеваю,
Пока бреду с ведром
среди моих синиц,
Пока топчу тропу,
Пока слеза живая
Нет-нет и упадёт
С заснеженных ресниц.

Как сладок зимний быт...
Просторы избытые
Гудят печным теплом,
Разреживая тьму.
И просто, и светло
живу в глуби России,
и радуюсь снегам
и — твоему письму...

Наталья Лясковская

Родилась на Украине, в городе Умани. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького. Поэт, прозаик, переводчик, публицист. Автор книг стихов и прозы для взрослых и детей, в том числе «Сказки о варежках и бабушках» (2014), «Сильный Ангел» (2014), «Матрона Московская» (2016) и др. Член Союза писателей России. Член Совета Международного Союза православных женщин. Живет в Москве.

ЛЕСКОВ

Глава 1

В Горохове родился, да не пригодился

Окончание. Начало № 4, 2019

Разрушительные для психики ребенка флюиды, витающие в страховской усадьбе, создавали тяжелую атмосферу; Николаше Лескову пришлось наблюдать дикие сцены, и не однажды он на своей шкуре испытал жестокий нрав владельца усадьбы: «Дядю боялись все, а я всех более, потому что он и во мне хотел «развить мужество», и один раз, когда мне было три года и случилась ужасная гроза, которой я боялся, он выставил меня одного на балкон и запер дверь, чтобы таким уроком отучить меня от страха во время грозы». Имелась ли в усадьбе Страхова башня, на вершине которой «в пустом, изогнутом окне были натянуты струны, так называемая «Эолова арфа»? Скорее всего, имелась, иначе как бы писатель смог спустя годы столь подробно описать

жуткую «музыку»: «Когда ветер пробежал по струнам этого своеговольного инструмента, струны издавали сколько неожиданные, столько же часто странные звуки, переходившие от тихого густого рокота в беспокойные нестройные стоны и неистовый гул, как будто сквозь них пролетал целый сонм пораженных страхом, гонимых духов. В доме все не любили эту арфу и думали, что она говорит что-то такое здешнему грозному господину и он не смеет ей возражать, но оттого становится еще немилосерднее и жесточе... Было несомненно примечено, что если ночью срывается буря и арфа на башне гудит так, что звуки долетают через пруды и парки в деревню, то барин в ту ночь не спит и наутро встает мрачный и суровый и отдает какое-нибудь жестокое приказание, приводившее в трепет сердца всех его многочисленных рабов. В обычаях дома было, что там никогда и никому никакая вина не прощалась. Это было правило, которое никогда не изменялось, не только для человека, но даже и для зверя или какого-нибудь мелкого животного. Дядя не хотел знать милосердия и не любил его, ибо почитал его за слабость. Неуклонная строгость казалась ему выше всякого снисхождения. Оттого в доме и во всех обширных деревнях, принадлежащих этому богатому помещику, всегда царил безотрадная унылость, которую с людьми разделяли и звери»¹.

Вот какими были *«первые мои детские впечатления, и впечатления ужасные, — признавался Лесков. — Я думаю, что они еще начали развивать во мне ту мучительную нервность, от которой я страдал всю мою жизнь и наделал в ней много неправдываемых глупостей и грубостей»* (выделено мною — Н. Л.). В этих словах — ключ к пониманию многих поступков в дальнейшей жизни Лескова, и к этому его сокровенному признанию мы еще вернемся не раз.

---

¹ В рассказе угрюмый, своенравный и жестокий дядя под конец из «зверя» преобразуется в доброго дядюшку, навряд ли Скруджа в «Рождественских повестях» Диккенса. В реальности ничего подобного не было. Лесков предпочел изменить правде, чтобы дать возможность хотя бы в художественном произведении добру восторжествовать над злом.

У Страховых имелось семеро отпрысков — четыре дочери и трое сыновей. Двое мальчиков были чуть старше Лескова, третий — его ровесник. Для их обучения и воспитания Страховы наняли русского и немецкого учителей и француженку. Родители Лескова такой возможности не имели, но очень хотели, чтобы их сын не вырос неучем, да и сам он сильно тянулся к знаниям. Поэтому с пяти лет Николаша поселился в Горохове, а мать с отцом приезжали его проведать, или он сам время от времени гостил в орловском доме. Это «послужило мне в пользу, — признавал Лесков. — Я был хорошо выдержан, то есть умел себя вести в обществе прилично, не дичился людей и имел пристойные манеры — вежливо отвечал, пристойно кланялся и рано болтал по-французски. Но зато рядом с этими благоприятностями для моего воспитания в душу мою вкрались и некоторые неблагоприятности: я рано почувствовал уколы самолюбия и гордости, в которых у меня выразилось большое сходство с отцом. Я был одарен, несомненно, большими способностями, чем мои двоюродные братья, и что тем доставалось в науках с трудностями, то мне шло нипочем. Немецкий учитель Кольберг имел неосторожность поставить это однажды на вид тетке, и я стал замечать, что мои успехи были ей неприятны. Это во мне зародило подозрение, что я тут не на своем месте, и вскоре пустое обстоятельство это решило так, что меня должны были отсюда взять». Насчет «подозрений» Лесков выразился чересчур деликатно. Бойкость и успехи племянника в науках на самом деле сильно раздражали тетку, она то и дело позволяла себе обидные и унижительные замечания, как сейчас бы сказали — подколки. Сама перманентно унижаемая и бесправная под властью мужа-деспота, не вымещала ли Страхова скопившиеся негативные эмоции на еще более беззащитном племяннике? Бабушка вступиться за внука не решалась. Александра Васильевна (от Акилины-то никуда не денешься!) в дворянском окружении чувствовала себя не ахти как. «В чванливых разветвлениях страховской породы» многие, общаясь с нею, снисходительно улыбались, а то и морщились, когда она запинаясь на слове «бухгалтер», говорила «ехтот», «лыгенда» или «мараль», понимая второе слово как «переделку в народном духе», а последнее — как оскорбление.

«Зато она не позволила никаким модным давлениям поколебать в себе веру в народный смысл и сама не расставалась с этим смыслом, — пылко защищал «бабушку Сашеньку» внук-писатель. — Была хорошая женщина и настоящая русская барыня; превосходно вела дом и умела принять всякого, начиная с императора Александра I и до Ивана Ивановича Андросова. Читать ничего не читала, кроме детских писем, но любила обновление ума в беседах, и для того «требовала людей к разговору». В этом роде собеседниками ее были бурмистр Михаил Лебедев, буфетчик Василий, старший повар Клим или ключница Маланья. Разговоры всегда были не пустые, а к делу и к пользе, — разбирались, отчего на девку Феклушку мараль пущена или зачем мальчик Гришка мачехой недоволен. Вслед за таким разговором шли свои меры, как помочь Феклуше покрыть косу и что сделать, чтобы мальчик Гришка не был мачехой недоволен. Для нее все это было полно живого интереса (...). В Орле, когда бабушка приезжала к нам, дружбой ее пользовались соборный отец Пётр, купец Андросов и Голован, которых для нее и "призывали к разговору"». С простыми людьми Александра Васильевна общалась просто и живо, а в гороховском «дворянском круге» нашла утешительную отдушину — длительные поездки на богомолье, куда брала с собой и внучка Николушку, чтобы «дать ему раздышаться на приволье». Приверженность «бабушки Сашеньки», как называли ее внуки, к посещению «маластырьков» была исконно купеческая. Из Горохова и из Орла частенько отправлялся Николаша вместе с нею в «волшебные путешествия»: «Я был адъютантом старушки с самого раннего возраста. Еще шести лет я с ней отправился в первый раз в Л-скую пустынь на рыжих ее кобылках и с тех пор сопровождал ее каждый раз, пока меня десяти лет отвезли в губернскую гимназию. Поездка по монастырям имела для меня очень много привлекательного...» А. Н. Лесков предположил, что отец под сокращением «Л-ская» имел в виду «Ливенскую пустынь». Пустыни такой тогда не существовало, но под Ливнами располагался Свято-Успено-Сергиевский Ливенский монастырь, основанный выходцами из разоренной Свято-Успенской Киево-Печерской Лавры на склоне реки Сосны, если судить по письменным

источникам, в 1592 году. Монастырь служил не только духовным, но и оборонительным целям: Ливны — южная окраина Русского государства, здесь раньше других узнавали о приближающихся набегах татар. Согласно преданию, первым наместником обители в 1615 году стал игумен Харалампий, «поп белый», под его началом находилось 11 человек братии. Пещерка и источник на склоне горки до сих пор называются Харалампиевскими, а через игумена Харалампия является Божья помощь просящим ее у ливенских угодников. Другое название пещерки — Ливенская. В ней погребены не только мощи игумена Харалампия, по традиции в этой усыпальнице древней обители хоронили всех наместников бывшего монастыря без видимых признаков могил: ни гробов, ни каменных плит — тела усопших сокрыты тайнообразно. В 1764 году Ливенская обитель прекратила свое существование по сокращению штатов монастырей, иноков перевели в Оптину пустынь. Монастырскую землю и крестьян передали графу РаSTOPчину. В 1772 году даже стены монастыря срыли и на их месте стали возводить дома. И даже самую пещеру и монастырское кладбище отдали под обычные постройки! Чтобы люди опомнились, не уничтожали святого места, Господь явил чудесное знамение: рабочие, рывшие фундамент, как свидетельствует летопись, обнаружили неповрежденный гроб с нетленным телом «в золотой шапке», то есть в митре. Это были мощи погребенного здесь архимандрита. Застройщик (кстати, местный протоиерей), хоть и был поражен, рассказывал о произошедшем событии родным и знакомым, но не дал официальную огласку происшедшему, а велел поставить гроб на прежнее место и продолжил жить-поживать в новом доме, обратив усыпальницу в погреб. Через 80 лет дом перешел во владение ливенскому купцу-прасолу Тюпину, который складывал в погребе скупленные кожи. На квартире у Тюпина стоял Силединского полка офицер ГрОбовский, поляк, ревностный католик. Однажды вечером явился ему старец-инок и сказал: «Вынесите из погреба кожи, потому что здесь нахожусь я, Харалампий, да и многие другие иноки со мной», — и скрылся. ГрОбовский позвал денщика, велел вернуть монаха, но денщик стал уверять, что никакого монаха не видал. Молва о чудесном видении разнеслась

вокруг: «И страх бе в окрест живущих». Так началось поклонение святому месту — «погребку», как его тогда звали. Тысячи людей шли из самых далеких мест, даже из Сибири. Больные исцелялись, здоровые удостаивались пророческих видений почивших здесь угодников Божиих, чаще всего игумена Харалампия. Александра Васильевна Алферьева с внуком Николашей тоже стремились сюда за духовной поддержкой и окормлением. Их поездки на богомолье отличались, по выражению Лескова, «необыкновенной опозитизированностью», которую умела придать им «старушка»: «Едем, бывало, рысцой; кругом так хорошо: воздух ароматный; галки прячутся в зеленях; люди встречаются, кланяются нам, и мы им кланяемся. По лесу, бывало, идем пешком; бабушка мне рассказывает о двенадцатом годе, о можайских дворянах, о своем побеге из Москвы, о том, как гордо подходили французы, и о том, как потом безжалостно морозили и били французов». Так, под «басни летописны», они, не успев оглянуться, прибывали на постоянный двор, а там — «знакомые дворники, бабы с толстыми брюхами и с фартуками, подвязанными выше груди, просторные выгоны, по которым можно бегать, — все это пленяло меня и имело для меня обязательную прелесть. Бабушка примется в горенке за свой туалет, а я отправляюсь под прохладный, тенистый навес к Илье Васильевичу, ложусь возле него на вязке сена и слушаю рассказ о том, как Илья возил в Орле императора Александра Павловича; узнаю, какое это было опасное дело, как много было экипажей и каким опасностям подвергался экипаж императора, когда при съезде с горы к Орлику у хлоповского кучера лопнули вожжи, и как тут один он, Илья Васильич, своею находчивостью спас жизнь императора, собиравшегося уже выпрыгнуть из коляски». Следующий пассаж обязательно вызовет улыбку у современных читательниц, когда они узнают возраст «доброй старушки» Александры Васильевны: «Богомольная старушка наша, однако, никогда не была ханжой и не корчила из себя монахини. Несмотря на свои пятьдесят лет, она всегда была одета чисто, как колпик. Свеженькое дикое или зеленое ситцевое платице, высокий тюлевый чепчик с дикими же лентами и редикуль с вышитой собачкой — все было свежо и наивно-кокетливо у доброй старушки. Ездила она в пустыни в деревенской

безрессорной кибитке на паре старых рыжих кобылок очень хорошей породы. Одну из них (мать) звали Шеголихой, а другую (дочь) — Нежданкою. Последняя получила свое название оттого, что явилась на свет совершенно неожиданно. Обе эти лошадки у бабушки были необыкновенно смиренны, резвы и добронравны, и путешествие на них, с елейной старушкой и с ее добродушнейшим старичком кучером Ильею Васильевичем, составляло для меня во все годы моего детства наивысочайшее наслаждение».

Наведывались бабушка с внуком и в другие окрестные обители: Успенский мужской монастырь, ценский Петропавловский монастырь, старинный Введенский (Христорожественский) женский монастырь, основанный в 1685 году, расположенный на левом берегу Орлика, на месте древнего Афанасьевского погоста. В 1843-м монастырь сгорел. После пожара обитель перенесли на юго-восточную окраину города, в конец Курских улиц к приходской Христорожественской церкви, а через десять лет обнесли кирпичной оградой с четырьмя башнями. Судя по описанию, данному в романе «Некуда», это была одна из редких обителей, где Лескову не понравилось: «Между тем тарантас, прыгая по каменным волнам губернской мостовой, проехал Московскую улицу, Курскую, Кромскую площадь, затем Стрелецкую слободу, снова покатился по мягкому выгону и через полверсты от Курской заставы остановился у стен девичьего монастыря. Монастырь стоял за городом на совершенно ровном, как скатерть, зеленом выгоне. Он был обнесен со всех сторон красною кирпичною стеною, на которой по углам были выстроены четыре такие же красные кирпичные башенки. Кругом никакого жилища. Только в одной стороне две ветряные мельницы лениво махали своими безобразными крыльями. Ничего живописного не было в положении этого подгородного монастыря: как-то потерянно смотрел он своими красными башенками, на которые не было сделано даже и всходов. Ничего-таки, ровно ничего в нем не было располагающего ни к мечте, ни к самоуглублению. Это не то, что пустынная обитель, где есть ряд келий, темный проход, часовня у святых ворот с чудотворною иконою и возле ключ воды студеной, — это было скучное, сухое место».

И все-таки — лучше в любом монастыре, да с милой бабушкой Сашенькой, да с прекрасным рассказчиком Ильёй, чем в страховской усадьбе! Житье в монастырях бывало легким, безгрешным: мальчик купался в речке, ходил с пожилыми монахами удить рыбу и собирать ягоды, чистил с послушниками на монастырской кухне грибы и слушал, слушал — о чем говорят, как говорят...

Умение слушать и слышать — это был его первый дар.

Однако рано или поздно им приходилось возвращаться в страховский дом — к насмешкам, тайным слезам, незаслуженным обидам.

Искать защиты у дедушки Николаша тоже не мог. Супруга Александры Васильевны, Петра Сергеевича, если и можно было назвать добрым, то лишь «по-своему»: «в духе времени», по характеристике его правнука Андрея, неожиданно сверх меры увлекся борьбой со «тьмой египетской» — заклинателями, наговорщиками, всякими «пережинами», «заломами» и прочими видами мракобесия², коих, судя по лесковским сочинениям, в Горохове хватало. Позднее Николай Лесков, как *vivendi — mortuum* деду, *from the living — dead*, предпослал к «Загону» фразу из сочинения Дж. Марлея «О компромиссе»³: «*Disciplina arcani* [Учение о тайне (лат.)] существует в полной силе: цель ее — предоставить ближним удобство мирно копать в свиных корытах суеверий, предрассудков и низменных идеалов». Пётр Сергеевич, по общему мнению, «был человеком ясного ума, прекрасных способностей, большого жизненного опыта, изрядной образованности, ненавидевший невежество и суеверие в народе и еще больше — в дворянско-помещичьей среде»,

---

² Н.С. Лесков. «Случай из русской демономании». «Новое время», 1880, №№ 1529, 1533, 1536, 1542, 1552 гг., или под заголовком «Русские демономаны» в сборнике «Русская рознь» (СПб. 1881 г.)

³ Джон Морлей (1838-1923 гг.) — английский ученый-литературовед, историк и политический деятель прогрессивного направления. В «*On compromise*» он порицает царивший в то время в Англии дух компромисса, выступает против церкви, англиканской в частности, и требует, чтобы свобода мнений стала народной традицией.

и поэтому стремился, хоть и силой, отогнать ближних подальше от «свинных корыт суеверий». Жаль, осталось неразъясненным, в чем именно выражались его действия, однако совершенно ясно, что они занимали все внимание и свободное время Петра Сергеевича — до Николкиных ли тут детских обид?

Наконец Наталья Петровна отмучилась: грозный муж ее тяжело захворал, она повезла его в Москву. Столичные светила спасти больного не смогли — Страхов умер. Похоронив его на Ваганьковском кладбище, Наталья Петровна вдовой возвратилась в Горохово, где, наконец, почувствовала себя полновластной хозяйкой и принялась с чрезмерной активностью «входить в хозяйство и в воспитание детей». Понимала свою роль хозяйки и воспитательницы она своеобразно и тягостно для окружающих. И роль эта довольно скоро ей наскучила.

На экспозиции музея Н. С. Лескова в Орле, посвященной детству и юности Лескова, размещен портрет Натальи Петровны Страховой, во втором замужестве Константиновой. Сайт дома-музея даёт ей такую характеристику: «Красивое, доброе лицо. Тонкий прямой нос, выразительный взгляд светлых глаз. Скромное домашнее платье с кружевным воротничком, черная кружевная накладка в волосах. И в то же время за мягкостью черт таится сильный и глубокий характер, позволивший этой изысканной даме, не последней по своему положению в светском обществе губернского Орла, выстоять в единоборстве с выпавшими на ее долю жизненными драмами. Ведь это именно ее изобразил племянник-писатель в образе боярыни Марфы Андреевны Плодомасовой, героини исторической хроники «Старые годы в селе Плодомасове» и «Соборян». С последним утверждением я согласиться не могу: судя по всему, в молодости Наталья Петровна ничем не походила на «олицетворение истины, нравственности и чести», каковой являлась гордая и властная хранительница древних дворянских традиций Марфа Андреевна. Муж ее погиб на поле брани с французами, в весьма раннем возрасте Плодомасова взвалила на свои плечи заботы об огромном хозяйстве, поставила на ноги двоих детей и внушила уважение к себе не только местному окружению, но и высоким кругам Москвы и Петербурга. Пресекая всякие домыслы о прототипе Плодомасовой, Лесков

называл совсем другого человека — в образе ее он-де отразил многие черты характера помещицы, о которой писал в статье «Прещщение знатностью» («Новое время», № 4272, 20 января 1888 г.): «В Кромском уезде Орловской губернии, в селе Зиновьеве, жила помещица Настасья Сергеевна, рожденная кн. Масальская. Она в юности получила блестящее образование в Париже и пользовалась общим уважением за свой ум и благородный, независимый характер. Состояние у нее было среднее (500 душ), но хорошо поставленный дом ее был открыт для званных и незванных. Ее очень почитали и ездили к ней издалека, не ради пышности и угощений, а «на поклон» — из уважения. В зиновьевском доме было хлебосольно, но просто, приветно и часто очень весело. Кроме того, зиновьевский дом был также в некотором роде источником света для округа. Большинство соседей брали здесь книги из библиотеки, унаследованной хозяйкой от Масальского, и это поддерживало в окружном обществе изрядную начитанность. Когда меня мальчиком возили в Зиновьево, Настасья Сергеевна была уже старушка, но я отлично ее помню и с нее намечал некоторые черты в изображениях «боярыни Плодомасовой» (в «Соборьянах») и «княгини Протазановой» (в «Захудалом роде»). О ней говорили, что "она всем дает тон".»

А у Натальи Петровны Страховой черты, придающие ей сходство с плодомасовской барыней, проступили лишь в зрелом возрасте, за надежной спиной второго мужа: «Характера она была твердого. Ее побаивались, но чтли. Была пряма и небезучастна (...), что называется, настоящая губернская *grande dame*», — отзывался о ней спустя полвека внучатый племянник Андрей, знававший ее как раз уже только в этой ипостаси.

Кто же был человек, столь благотворно повлиявший на жизнь тетушки Лескова? После четырехлетнего вдовства Наталья Петровна «по влечению сердца» вышла замуж за своего ровесника, гусара Елисаветградского полка, впоследствии земского деятеля Луциана (Лукиллиана) Ильича Константинова. По свидетельствам современников, Константинов был красив, добр, воспитан и благороден. «Мало о ком в нашем родстве отец мой говорил так тепло», — подчеркивал Андрей Николаевич, об этом же свидетельствовали многочисленные упоминания

самим Н. С. Лесковым Луциана Ильича в статьях и очерках. Этот-то незаурядный человек оказал значительное влияние на будущего писателя: Константинов «по прежнему своему гусарству» обладал оригинальным жизненным опытом, помнил много реально происходивших случаев, по которым Лесков познавал старый военный быт, традиции, «историю и географию человеческих отношений» еще и с этой, ранее совершенно неведомой и недоступной ему стороны. Не общайся Лесков со вторым мужем тетушки Натальи, мы бы никогда не узнали, к каким ужасным последствиям приводили порой гусарских офицеров пьянство, безделье и безбашенность:

«В Пирятине (примем за данное, что это было там) стояли драгуны. Части полка были расположены и в других местностях. Полковой командир квартировал, может быть, в Переяславе. Разумеется, на стоянке в крошечном городке офицеры скучали от безделья и развлекались, разъезжая в гости к помещикам. Когда же выдавалось несколько дней домоседства, они кутили, играли в карты и пили в погребке при лавке какого-то местного торговца виноградными винами. Торговец был еврей, любил обирать офицеров и разгулу их потворствовал, но сам их боялся и — для того ли, чтобы они хоть мало-мальски вели себя тише при возбуждении, — он повесил в том помещении, где пировали его гости, портрет лица, которое, по его понятиям, могло напоминать посетителям его заведения об уважении к законам благочиния».

Из всего этого вышла нехорошая история: как-то вечером офицеры вспомнили лето, жару и заезжего циркача-жонглера. На представлении он сажал свою дочь на стул, плотно придвинув его спинкой к стене, и, «достав из мешка несколько кинжалов, метал их в стену так, что они втыкались, обрамливая голову девушки со всех сторон, но нигде ее не задевая (...) Такое твердое и ловкое упражнение оружием весьма заняло людей, знакомых с трудностью этих смелых эволюций кинжалами, и вот офицеры, собравшись однажды там, где было им за обычай пить и закусывать кусочками сыра, наструганного наподобие выветрелых остриженных ногтей, стали говорить о метаниях кинжала, и когда сделались уже пьяны, то одному из них

пришло в голову, что и он может проделать то же самое. Кинжалов при них не было, но на столе находились вилки, которые до известной степени при этом опыте могли заменить кинжалы. Если их и не так легко было бросать с прицелом, то все же таки они втыкались в стену. Остановка была за человеческим лицом, около которого можно бы натывать вилку. Из офицеров, разумеется, ни один не пожелал сам подвергнуть себя такому опыту. Надо было найти личность низшего разряда, конечно, самое лучшее жиды, — и разгулявшиеся офицеры отнеслись с предложением такого рода к прислуживавшим евреям, но те, по трусости и жизнелюбию, не только не согласились сидеть на таком сеансе, но даже покинули свои посты при торговле и предоставили всю лавку во власть господ офицеров, а сами разбежались и скрылись, хотя, конечно, не переставали наблюдать из скрытых мест за тем, кто что будет брать, и вообще что станет далее делать шумливая компания. На этот грех случай поднес сюда двух молодых приказных, по местному выражению — «судовых панычей», которые в этот день, вероятно, стянули с кого-нибудь «доброе хабара» (то есть хорошую взятку) и пришли угостить себя в погребеке холодным донским вином польного привкуса. Офицерам тотчас же пришла мысль приурочить этих панычей для своего опыта — для чего тем сначала было предложено вместе выпить, а потом к ним стали приставать, чтобы который-нибудь из них посидел на сеансе. Панычи оказались очень странными людьми, совершенно разного нрава — один как Гераклит, а другой как Демокрит. Придя с жару в холодный погребок, они как выпили холодного вина, так их и развезло, и потому, когда офицеры стали к ним приставать, они, вместо того чтобы скорее уйти, не трогались с места. Считая себя на равной ноге, как аборигены, они начали проявлять свой характер. Один на делаемые ему предложения смеялся и отпускал раздражавшие офицеров малороссийские шуточка, а другой раскис и стал плакать. И хотя его уже никто не трогал, но он все продолжал кричать: «Не чепайте меня! Идите соби до биса! Дайте мени святого покою!» Оба эти панычи так надоели офицерам, что те, наконец, поступили с ними по-свойски, — то есть похлопали их и подбили под стол и решили держать там, «как поросят»,

до тех пор, пока окончится пирушка. Это было и удобно и безопасно, ибо под столом панычей офицеры удерживали ногами, имея и рты и руки свободными, а между тем через обеспечение личности панычей устранялся скандал, который казался неизбежным при мерзком характере, какой обнаруживали эти неуступчивые молодцы. Один из них непременно бы стал на площади или на улице визжать на весь город, а другой, чего доброго, мог бы взлезть на забор или подойти к окну и тут же через окно дразниться. Тогда пришлось бы за ним бегать, его доставать и ловить — все это было бы скандально и непременно бы собрало бы кучу баб и жиденят. Словом, вышло бы совсем неприлично офицерскому званию, — между тем как панычи, подбитые под стол, сидели там смиренно и только жались, обнявшись друг с другом, на тесном пространстве, где их теснили офицерские ноги в сапогах со шпорами».

Рассказчик считает, что до этого момента офицеры еще вели себя «по-божески», но потом в дело «замешался черт»: «Офицеры до того запьянели, что стали метать вилки в портрет, рассчитывая, что могут окружить его так же ловко, как жонглер окружал кинжалами голову живого человека. Но черт тут и был: как только первый офицер метнул вилку, бес толкнул его под локоть — и вилка попала в самый глаз портрета. Метнул другой офицер, а черт опять навел вилку по тому же направлению в другой глаз, и тогда в опьяневшей компании развилось соревнование — вилки полетели одна за другою и совсем изуродовали лицо портрета. В пьяном загуле, перешедшем уже в состояние умственного омрачения, офицеры не придали этому событию никакого особенного значения. Попортили картину — больше ничего. Не Бог вещь какого она мастера — не Рафаэлево произведение и огромных сумм стоить не может. Призовут завтра жида-хозяина, спросят его, сколько картина стоила, хорошенько с ним поторгуются и заплатят — и на том квит всему делу. Зато как было весело, сколько шутили и смеялись при всякой неудаче бросить вилку так метко, как бросал жонглер.

— Нет, он, шельма, лучше делал. Нам так не сделать. И слава Богу, что никто живой не согласился перед нами сидеть, а то бы мы живому глаза повыкололи — тогда и не разделаться.

Очень рады были добрые удалыцы, что так хорошо дело кончилось одними смешками да шутками, и, поддерживая друг друга, разбрелись по квартирам. Уходя, они совсем даже позабыли про судебных панычей, которые притихли под столом и не подавали о себе ни слуху ни духу.

А дело было совсем не так просто и совсем не благополучно, как думали разошедшиеся на отдых добрые ребята»⁴.

Какие последствия имела дикая забава «добрых ребят» — приглашаю узнать в оригинале, а мы, дабы не удалиться от нашего повествования слишком далеко в сторону, возвратимся к Наталье Петровне и Луциану Ильичу.

После свадьбы Константиновы поселились в Денисове Ливенского уезда Орловской губернии — имении, полученном Натальей Петровной из страховского наследства. Сюда же она перевезла и свою мать Александру Васильевну, к тому времени вдову, потому как Пётр Сергеевич около 1840 года скончался от холеры в Горохове, лет на пять позже «благодетеля» Страхова, и лежал на приходском кладбище села Добрыни. Вместе с матерью переехала в Денисово и младшая сестра Натальи Петровны — Ольга, девушка на выданье. Что к Александре Васильевне, что к Ольге Константиновы относились с полным уважением, им «ни в чем отказу не было, и никакой обиды или невнимания не творилось». Оказывали они также ощутимую поддержку малоимущей Марье Петровне: снабжали денежными средствами, помогали протекцией ее детям, хотя у самих Константиновых родилось их за время счастливого супружества целых восемь душ — всего, вместе с семьёй отпрысками Страхова, пятнадцать человек — шутка ли!

Однако в 1835-м до статуса и самоощущения гранд-дамы Наталье Петровне было далеко: оставшись в одиночестве после смерти первого супруга, она выказала себя совершенно не умеющей жить без мужской опоры. Так что скоро в усадьбе появился на правах ее опекуна сосед-помещик Н. Е. Афросимов, «невероятный

---

⁴ «Старинные психопаты». //Собр. соч. в 11-ти тт. Т. 7. - М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1958.

силач и невероятный циник, которого за это последнее терпеть не мог мой отец, — писал Лесков. — Афросимов это знал и платил ему тем же. Отец мой в его глазах был «неуклюжий семинарист». О силе Афросимова у нас ходил такой анекдот, будто в двенадцатом году на небольшой отряд, с которым он был послан на какую-то рекогносцировку, наскakали два французских офицера. Афросимов не приказал солдатам защищаться, а когда французы подскакали к нему с поднятыми саблями, он одним ловким ударом выбил у них эти сабли, а потом схватил их за шиворотки, поднял с седел, стукнул лоб о лоб и бросил на землю с разбитыми черепами. Не знаю, сколько в этом рассказе правды, но ему все верили,⁵ и Н. Е. пользовался большим уважением в дворянстве, предводитель которого и вверил ему страховскую опеку. Во мне он невзлюбил «семинарское отродье» и на первых же порах нанес мне тяжкую обиду, которая теперь мне смешна, но тогда казалась непереносимой. Дело в том, что по докладу неосторожного, но честного Кольберга меня за благонравие и успехи хотели «поощрить». Для этого раз вечером собрали в гостиную всех детей. Это было в какой-то праздник, и в доме случилось много гостей с детьми почти равного возраста. Н. Е. держал ко всем нам речь, в которой упомянул о моих добрых свойствах и заключил тем, что мне за это дадут похвальный лист. Тут же был и этот лист, перевязанный розовой ленточкой. Мне велели подойти к столу и получить присужденную мне семейным советом награду, что я и исполнил, сильно конфузясь, тем более что замечал какие-то неодобрительные усмешки у старших, а также и у некоторых детей, коим, очевидно, была известна затеянная против меня злая шутка. Вместо похвального листа мне дали объявление

---

⁵ «Баснословие это, вложенное в уста бабки Акилины Васильевны («Из одного дорожного дневника». «Северная пчела», 1862 г. № 351), — сообщает А. Н. Лесков, — нашло себе применение в гл. 82 «Смеха и горя» и в неопубликованном еще рассказе «Пчелка» из цикла «Картины прошлого», 1883 г. (Центральный государственный литературный архив, Москва; в дальнейшем ЦГЛА)».

об оподельдоке⁶, что я заметил уже только тогда, когда развернул лист и уронил его при общем хохоте. Эта шутка возмутила мою детскую душу, и я не спал всю ночь, поминутно вскакивая и спрашивая, «за что, за что меня обидели?» С тех пор я ни за что не хотел оставаться у Страховых и просил бабушку написать отцу, чтобы меня взяли. Так и было сделано, и я стал жить в нашей бедной хибарке, считая себя необыкновенно счастливым, что вырвался из большого дома, где был обижен без всякой с моей стороны вины».

Если от тетки (ради спокойствия матери и бабушки, а также из большого желания учиться) Николай еще кое-как сносил унижения, то афросимовская выходка переполнила чашу: сразу после получения «оподельдовой грамоты» он так решительно «запросился вон», что родители немедля исполнили его просьбу, и он покинул «ненавистное, спесью напоенное» Горохово.

С годами обида утихла, но ее тлеющий уголь остался в сердце навсегда. Хоть Лесков и утверждал в зрелом возрасте, что «теперь она мне смешна» — непреходящая глухая боль грустной иронией откликнется не раз. Например, в повести «Смех и горе»: в руки золоченого купидона, любовно изготовленного матерью маленького Ореста Ватажкова, либерал-масон самодур дядюшка — натуральный продукт «дикой России» мрачных времен «бессудия и безмолвия» — сюрпризно подсунет пучок свеженьких розог...

---

⁶ Не раз наталкиваясь в литературных произведениях и документах того времени на это загадочное слово, задавалась вопросом: что ж за штука такая? Для тех, кто еще не знает: оподельдок (*Linimentum saponatocamphoratum*) — легкая, белая желатиновая или прозрачная, легко тающая масса; состав: раствор 40 долей медицинского мыла и 10 дол. камфары; его фильтруют,вливают 2 доли масла тимьяна, 3 дол. масла розмарина и 25 дол. аммиакальной жидкости. Жидкий оподельдок (*Spiritus saponato-camphoratus*) — из 60 долей камфорного спирта, 175 дол. мыльного спирта, 12 дол. аммиакальной жидкости, 1 дол. масла тимьяна и 2 дол. масла розмарина. Название этого средства, этимология которого не выяснена, встречается уже у Парацельса — *oppodeltoch*. В XVIII-XIX вв. оподельдочком в России лечили все подряд — от ревматизма и вывихов до себореи, упоминание этой «панацеи» часто встречается в произведениях Лескова.

Павел Рябов

Родился в 1977 году в городе Алмалыке. Окончил факультет политологии АлтГУ. Работал в телекомпании «Катунь», занимался фрилансом. Сейчас работает видеоредактором. Ранее не публиковался.

ЖАЖДА СТРАНСТВИЙ

Детство у Мишки шло одиноко. В частном секторе, где он рос с мамой и бабушкой, жили в основном старики. Мишка колесил туда-сюда в рамках дозволенного периметра на своем трехколесном велосипеде со снятой цепью, превратившемся в неуклюжий пошарпанный самокат. Играл сам с собой в войнушку и прятки; таился в засаде в кустах, постреливая из старой хоккейной клюшки в редких прохожих «фашистов». В своем секретном убежище в кроне старого клена наслаждался выкроенными на сдачу из магазина радостями сухомятки — пятикопеечным сдобным рогаликом, чей вкус незабываем для всякого советского ребенка и из которого, прежде чем откусить, можно было сделать несколько холостых пистолетных выстрелов по воронам; а также лакомился кукурузными палочками или порошковым сухим киселем. Вполне себе счастливое времяпрепровождение. Для полного счастья не хватало только хорошей компании.

Все менялось на один летний месяц, когда к своей живущей по соседству бабушке приезжал с Кузбасса Мишкин ровесник — Вовка.

Вовка был смелее Мишки. Им руководил дух бесстрашных первопроходцев и отважных искателей приключений. Его фантазия, в отличие от Мишкиной, требовала постоянного подкрепления действиями и неугомонной активностью. Не так-то легко его было убедить, что рогалик является пистолетом (тут уж Вовка предпочитал рогатку), а заставить его сидеть в пределах одного квартала было просто невозможно. Поэтому с его появлением Мишка неизбежно вовлекался в череду подвигов и походов, чему и был несказанно рад.

Вместе они исследовали всю близлежащую ойкумену, излазили все окрестные пустыри, гаражи и овраги, прошли опасный путь по руслу местной речушки Пивоварки, в чьей зловонной воде Мишка чуть не утонул при попытке форсировать ее по скользкой трубе. География их странствий постоянно расширялась, дойдя в один прекрасный момент до границ частного сектора.

А за его пределами лежал совсем другой мир — мир настоящего города, тревожный и шумный мир людей и машин, вместо привычного сонного мирка неторопливых старушек, приветливых почтальонов, сидящих на заборах котов и ползающих по завалинкам жуков-солдатиков. Мишке не хотелось идти далеко в этот чужой неизведанный город, но Вовка легко убедил его пройти пару кварталов до «Филателии», где можно было посмотреть на заграничные марки. Они отправились в путь по оживленной и пыльной улице — два шестилетних мальчугана в шортиках, один из которых тащил за собой сломанный трехколесный велик.

Витрины «Филателии» поразили их воображение, открыв перед ними впечатляющее разнообразие стран и континентов, письменностей и культур, исторических и современных героев, покорителей юга и севера, экзотических животных и птиц, автомобилей и поездов, дирижаблей и кораблей — морских и даже космических... Мишке так захотелось завладеть сразу всеми этими марками! Казалось, получи он их — весь земной шар окажется у него в распоряжении. Он готов был разглядывать эти яркие сокровища, эти миниатюрные окошки в дальние дали часами. Но Вовке почему-то быстро наскучило это занятие, и он потянул Мишку наружу. Они вышли из «Филателии» и оказались на углу улицы и главного городского проспекта. Проспект поманил

их уходящей в горизонт перспективой. Они отправились по нему без особой цели, но с ясным ощущением огромности и бескрайности мироздания и отчетливой жаждой странствий.

Мишка ни разу не выбирался так далеко от дома без сопровождения взрослых, и его охватило волнение. Но с Вовкой не пропадешь в дальнем походе. Проходя мимо киосков с кондитерскими изделиями и конфетами, он подбегал к ним, просовывал голову в окошко и говорил:

— Тетя, а тетя, дайте конфеток, пожалуйста, есть сильно хочется.

И тетя обязательно давала. Через некоторое время пути, их карманы были битком набиты батончиками, а лица смачно измазаны шоколадом. Не путешествие, а удовольствие! Единственное, что больше всего мешало — это несчастный велосипед, который Мишке приходилось больше скрючившись катить рядом с собой, нежели ехать на нем. Когда же после обилия поглощенных сладостей хотелось пить, они останавливались возле автоматов с газировкой, и Вовка не стесняясь стрелял у прохожих трояки и копейки. Мишке, дабы не чувствовать себя иждивенцем, пришлось тоже присоединиться к нему, преодолевая свою нерешительность и природную робость. И первое подавание у какой-то девушки он выпросил почти беззвучно, его голос прятался и стыдился самого себя.

— Дайте, пожалуйста, копеечку на газировку, — едва прошептал он, краснея, и вместо копеечки получил три. И Мишка стал входить во вкус авантюры, превратившей банальную жажду в источник обогащения. Его голос становился увереннее по мере того, как медные монетки утяжеляли кулак. Они с Вовкой разбились по секторам и стали обрабатывать пешеходов, идущих в разные стороны. Это предприятие оказалось настолько успешным, что через несколько минут они от пуза напились газировки трех видов и еще оставили за собой горстку мелочи. «26 копеек», — насчитал Вовка. Конечно, из них большая часть — его добыча.

Так они и плелись, счастливые и чумазные, по людному тротуару, ни в чем себе не отказывая и даже немножечко богатея дорогой. Прохожие косились на них, улыбались или недоуменно пожимали плечами. Вовка то и дело норовил перебежать очеред-

ную улицу на красный свет. Но Мишка всегда его останавливал, оправдывая свой страх наличием трехколесного транспорта, сильно замедлявшего скорость передвижения. Мишка боялся машин, считая их недружелюбными человеку сущностями. А Вовка, напротив, восхищался ими, частенько показывая Мишке на проезжающий мимо автомобиль со словами: «Смотри — это же новая «Волжанка!» или «вот «Нива» — точь-в-точь как у моего папки!». Наверно, потому Вовка так хорошо и разбирался в машинах, что у его отца был автомобиль. А у Мишки в семье никогда не было — ни отца, ни автомобиля. Но через какое-то время, благодаря Вовке, и он стал различать «Жигули», «Волгу», «Москвич», «Запорожец».

Новые познания захватили Мишку, и почти исчезли беспокойства и тревога по поводу того, что его могут потерять дома. Азарт дороги и новые возможности, раскрываемые ей, затмили все остальные мысли. День так расширил перед ним свои горизонты, что понятие времени потеряло какой-либо смысл. Постепенно тротуар сузился и людей на нем стало совсем мало, а проспект начал плавно уходить вверх. «Это же мост!» — радостно догадались приятели. Они ускорили шаг (хоть Мишке и нелегко было тащить в горку мертвый велосипед) в предвкушении видов, которые распахнутся перед ними.

Они поднялись на мост. Под ним внизу блестели на солнце плавные изгибы рельс. Убегали вдаль манящие железные версты. Было здорово — стоять высоко на середине моста и смотреть как сходятся в далекой неведомой точке безупречные параллели, как под ногами проплывают электрички и проносятся пассажирские поезда дальнего следования, обдавая пьянящей романтической гарью. У электрички было восемь вагонов, у поезда — четырнадцать.

— Надо обязательно дождаться товарняка, — заключил Вовка. Это занятие увлекло его явно больше, чем разглядывание марок. Они долго стояли на вибрирующем от движения грузовиков и трамваев мосту и вглядывались в чарующую дымку, ожидая увидеть в ней суровые очертания тепловоза. Но он обманул их — появился с другой стороны, вынырнув прямо из-под их ног, напугав криком мамонта и окутав черной мазутной тучей.

— Ух ты! — крикнул Вовка из черноты. Пока развеивалась туча, первые вагоны проскочили далеко вперед, так, что трудно было понять, откуда вести отсчет. Примерно на тридцать восьмом (по версии Мишки, а по мнению Вовки — на сорок втором) вагоне они сбились. Поезд летел стремительно и мощно, поднимая вихри теплого воздуха. Проносились под ними цистерны, контейнеры, новенькие комбайны и трактора, а последние несколько вагонов были с открытым верхом и везли уголь.

— Если бы там были опилки, а не уголь, — сказал Вовка, когда поезд умчался вдаль, — я бы сейчас прыгнул туда и поехал в деревню к своей бабушке.

Затем он немного задумался и просиял:

— Точно! А поехали в деревню! Там у моей бабушки так здорово — грибы, ягода, купалка и рыбалка — делай что хочешь!

— Поехали, — неуверенно согласился Мишка. Он даже не задумался, что Вовка сейчас и так находится на побывке у своей бабушки (только в городе), и даже не спросил, как называется деревня. Но так ли это было важно? Перед взором друзей уже стояли лес, ягоды и грибы, купалка с рыбалкой, а самое главное — далекая и увлекательная дорога на поезде. Даже если Вовка и придумал все это, то сам уже окончательно в это поверил, и никто не смог бы его переубедить, что нет у него никакой деревенской бабушки.

— Нам нужно попасть на вокзал, — заявил Вовка с видом эксперта.

— Кажется, я знаю дорогу, — отозвался Мишка, вспоминая как раньше они с мамой ездили на вокзал на трамвае, минуя этот самый мост. — Нам нужно идти прямо до большой площади и там свернуть направо.

И друзья отправились дальше, осененные новой серьезной целью. Мишке не верилось, что они стоят на пороге настоящего большого приключения. Когда они спускались с моста, велосипед вознаграждал его бурлачные усилия, резво спустив до следующего перекрестка, где ему еще долго пришлось ожидать отставшего Вовку. Но все-таки несомненным вожаком похода был Вовка, поскольку умел мыслить стратегически. Увидев за перекрестком скопление народа и автомат с газировкой, он деловито произнес:

— Дорога предстоит дальняя. Нам может не хватить двадцати шести копеек на билеты. Предлагаю подзаработать еще немного.

Они взялись за дело, и их успех превзошел самые смелые ожидания. Этому способствовало еще и то, что за время пути они изрядно поизносились. Шоколад и железнодорожная сажа так украсили их физиономии, что несложно было принять их за уличных сирот — явление крайне редкое в те праведные времена. Особенно жалким казался Мишка со своим «лисапедом». Настолько, что одна уважаемая женщина растрогалась и дала ему вместо трех копеек бумажный рубль — целое состояние для него! Не поверив такому везению, Мишка разволновался, бросил промысел и подкатил к Вовке. Новоиспеченные предприниматели подбили бухгалтерию: рубль шестьдесят три! Друзья обнялись и счастливо засмеялись, ощутив вкус свободы и независимости. Пока существуют автоматы с газ-водой — они не пропадут! А в деревне — не пропадешь и без автоматов: грибы, ягоды, рыба, добрая бабушка...

Вскоре путники достигли площади, на которой, по Мишкиному представлению, должен был быть поворот к вокзалу. Но озираясь по сторонам, он стал сомневаться в своей памяти. Площадь вроде та — вот и башня на гастрономе с часами и шпилем. Но где поворот? Вовка спросил у тучной продавщицы цветов путь, и она сказала, что им нужно пройти по подземному переходу.

В переходе было много народу, много входов и выходов, в подземных киосках шла бойкая торговля непонятной мелочевкой. Друзьям пришлось идти «колонною» друг за другом. И они чуть не растерялись в толпе. Выйдя на поверхность на другой стороне площади, они отправились дальше. Шли очень долго, но вокзала все не было. Мишка очень устал, упрямо таща свой велокат. Да и Вовка начал уже немного сдуваться. Вскоре оба засомневались в верности маршрута, и Вовка вновь обратился за советом к прохожим. Оказалось, что в переходе они не свернули, а продолжили идти прямо по главному проспекту и прошли целых две лишние остановки. Расстроенные друзья развернулись и отправились вспять. Мишка было уже приуныл и предложил вообще вернуться домой. Но Вовка сказал, что он никогда не сдастся, и раз уж решили ехать к бабушке — значит поедут к бабушке

(чье существование все убедительней проступало в его воображении).

Кое-как они нашли правильный выход в переходе на площади, что вывел их на привокзальную улицу. До вокзала оставалось минут десять ходу. Вовка заметно взбодрился, а Мишка выдохся и только изображал бодрость.

Надо сказать, что по ходу они столкнулись с одним приятным затруднением: в их карманах из-за тающих конфет не хватало места для мелкой наличности. Поэтому они затеяли легкомысленную игру, доставая конфеты и по одной раскидывая их по улице, представляя себя невероятными богатеями. Затем в освобожденное место запихивали монеты, то и дело роняя одну из них на мостовую, нагибаясь и с трудом подцепляя ее обгрызенными ногтями. Такое странное поведение привлекло внимание местных уличных хулиганов.

— Эй, салаги, вы откуда? — услышали они борзый голос пацана, с виду заметно старше их. Он стоял у входа в какой-то магазинчик в компании трех своих приятелей такого же задиристого вида.

— Тикай! — крикнул сообразительный Вовка и дернулся было бежать, но шпана схватила его за шиворот и запихала их с Мишкой во двор. Мишка не на шутку перепугался, в такой переплет он еще никогда не попадал, и он не знал, чего нужно ждать дальше.

— Деньги есть? — спросил все тот же пацан, видимо, бывший главарем маленькой шайки.

— Нет, — дерзко глядя в глаза обидчику, ответил Вовка, у которого между пальцев торчали монеты, за что тут же получил звонкий щелбан.

— Нехорошо врать, малыш, — сказал хулиган, и на пару с другим они скрутили Вовку, разжали его руки и вывернули карманы, вывалив на землю россыпь мелочи и конфет. Двое других занялись Мишкой. Один больно тянул его за волосы и заламывал руку, пока другой шарил по его карманам и выцарапывал из его ладони скомканный рубль. После того как, несмотря на мужественное сопротивление, рубль был отобран, Мишка расплакался.

— Плакса, сопля, — обозвали его хулиганы и на прощание отвесили им с Вовкой по пинку в мягкие места. Вовка не плакал, а Мишка все скулил, но не от боли, а от обиды на самодурство фортуны. Рубль было жалко.

— Ну все. Пошли домой, — предложил он Вовке.

— Нет уж, — возразил Вовка, — я же сказал, что никогда не отступаю. А теперь из принципа пойду в деревню.

Шпана скрылась из виду, и они отправились в сторону вокзала. Мишка все пытался отговорить Вовку, так как настроение совсем пропало. Да и как они поедут без денег? Но Вовка, насупившись, упрямо шел вперед. Вскоре на его лице вновь засверкала авантюрная улыбочка. Он толкнул Мишку в плечо кулаком и показал в сторону стоявшего впереди газировочного автомата. Народу было немного, и смысла расходиться по секторам не было. Поэтому они остались рядом, представляя собой весьма убогое зрелище: потрепанные, взъерошенные, грязные, с ржавой пародией на велосипед. Вовке хулиганы порвали майку, а Мишка в борьбе потерял две пуговицы. Первый же человек, к которому они обратились, — импозантный мужчина в пиджаке и галстуке — не поленился ради них зайти в магазин разменять деньги, после чего одарил их сразу несколькими тройками. Добыча тут же пошла на утоление жажды. Пока они с Вовкой жадно пили грушевую газировку, Мишка краем глаза видел, как мужчина — их благодетель — закрылся в стоящей неподалеку таксофонной будке. Затем через минуту вышел из нее и остался на месте, наблюдая за ними. Мишке это не очень понравилось, и когда, напившись, Вовка призвал его вернуться к работе с целью накопления денежных средств, он кивнул ему в сторону мужчины и шепнул:

— Нельзя пока. Видишь, он на нас смотрит.

— Вот черт, — прошептал в ответ Вовка, — что ему надо-то?

Они отошли в сторонку и стали ждать пока уйдет подозрительный незнакомец. Но он не уходил, а продолжал наблюдать за ними.

— Может, пойдем, — не выдержал Мишка, — не нравится мне это.

— Да погоди ты, — буркнул Вовка, хмурясь на незнакомца, — может, ему перезвонить надо. Уйдет, поди, скоро.

Но мужчина не уходил, а, напротив, приблизился к ним и вежливо поинтересовался, не хотят ли они еще газировки.

— Лично я бы не отказался, — деловито согласился Вовка, а Мишка подумал, что если выпьет еще хоть немного жидкости, то непременно описается.

Мужчина порылся в карманах, отыскал-таки еще один троячок и передал его Вовке. Бедному Вовке ничего не оставалось, как не спеша подойти к автомату и, поняв, что мужчина не собирается уходить, запустить в него рыженькую монетку. Шипящая струя наполнила граненый стакан, и Вовка сделал обреченный глоток. Мужчина одобрительно улыбался. Тут рядом с ними остановился милицейский уазик, из него вышли два милиционера, поприветствовали мужчину, приложив к козырьку руку, и, поглядев на Мишку с Вовкой, спросили:

— Эти ребята?

Мужчина кивнул.

— Ну что, путешественники, залезайте в машину, — обратился к мальчишкам старший милиционер.

— Зачем это? — недоверчиво спросил Мишка, покрепче вцепившись в руль велика. А Вовка оживился и радостно воскликнул:

— Правда?! Вы прокатите нас на милицейской машине?! — и, выплеснув под ноги наполовину недопитый стакан, бодро зашагал к машине.

— А куда вы нас повезете? — спросил Мишка, которому сильно не хотелось сидеть в тюрьме.

— Домой поедешь, — сказал милиционер. — Там мать уже с ума сошла, все больницы и морги обзвонила.

Мишка не знал, что такое морги и не понимал, зачем нужно звонить в больницы, когда все здоровы, но домой поехать был готов с радостью. И он покатил велосипед к уазу. В дверях его остановил младший милиционер:

— Стоп-стоп! Ты куда свою колымагу тащишь?

— Как куда? — удивился Мишка. — Домой.

— Ну ты совсем... — и тут милиционер начал громко проносить запретные слова, за которые Мишка однажды больно получил по губам от матери и больше никогда их не повторял.

— Успокойся, — остановил младшего милиционера старший, — это же дети. Пусть берет свой драндулет.

Они втиснулись на заднее сиденье вместе с младшим милиционером и велосипедом. Милиционер был недоволен. А Вовка, напротив, пребывал в совершенном потрясении; с счастливейшим видом осматривал салон машины и трепетно поглаживал его.

— Ну-ка не трогать! — слегка толкнул его локтем младший милиционер, но Вовка и на него посмотрел с восхищением. Вовкина радость начала переходить и к Мишке, который тоже мечтательно заулыбался, когда узик запыхтел и тронулся. В зеркале отражались усталые глаза усатого милиционера, ведущего автомобиль, рядом с ним сидел старший. Вовка подмигнул Мишке и указал взглядом на кобуру старшего, в которой обитал тяжелый черный пистолет. Мишка раздул щеки от восторга и уважения. Подумать только — получилось даже намного интереснее, чем ехать на поезде! Настоящая милицейская машина изнутри, с настоящими милиционерами и взаправдашним пистолетом (а не каким-то рогаликом) в такой близости, что можно протянуть руку и вытащить. И Вовка потянул руку:

— Дяденька, а это настоящий пистолет? А он заряжен?

— Руки! — крикнул на него младший милиционер и шлепнул по запястью. Вовка недовольно поджал свои любопытные руки.

— Я на тебя сейчас наручники надену! — пригрозил ему младший милиционер, и Вовкино лицо снова просияло улыбкой.

— Правда?! — не веря в такое счастье, спросил он у милиционера. — Вы правда можете?! Ух ты!..

Старший милиционер рассмеялся, младший показал Вовке кулак. Мишка, обнимая своего трехколесного друга, смотрел в окно, ликуя, но до конца не понимая, кем себя ощущать — преступником или героем? Тогда он еще не знал, что эти понятия иногда могут совпадать. Когда узик остановился возле его дома, эта дилемма усилилась. Выйдя из машины, он невольно выдал себя торжествующей улыбкой героя, тогда как его родственники (а они все съехали к ним домой по случаю его внезапной пропажи) определенно требовали от него другого, покаянного выражения. И он искренне не понимал, за что мать, впервые в жизни, лупит его изо всех сил по голой заднице мокрой тряпкой.

Людмила Шишенина

Родилась в селе Гришенском Алтайского края. Окончила Алтайский государственный институт культуры. Работала в учреждениях культуры. Печаталась в районных периодических изданиях и коллективных сборниках. Награждена медалью Алтайского края «За заслуги перед обществом».

НЕ ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ

Вера сняла очки и потерла усталые веки. Сегодня ее «гэшники» писали сочинение о смысле жизни. Хотелось знать, чем живут ее будущие выпускники, их мечты, фантазии, размышления. Вера любила смотреть в их чистые, открытые глаза: иногда чуть дерзкие, иногда пугливо беспомощные и по-детски беззащитные. В них прятался целый мир ожиданий, мечтаний, еще не совершенных ошибок, пока не сбывшихся надежд.

Пришлось взять тетради для проверки домой. Иначе не успеть.

Стукнула дверь, пришла Викуся. Пятнадцатилетняя дочь не любила, когда ее так называли. Предпочитала, чтобы к ней обращались полным именем — Виктория или хотя бы Вика. Никто и не спорил. Но в душе для Веры она все равно была Викусей, единственным и самым дорогим для нее человеком, смыслом жизни. Вика торопливо прошла в свою комнату, плотно закрыв за собой дверь. Вскоре послышались редкие всхлипывания. Вера тихонько подошла к двери, прислушалась. Плачет.

С тех пор, как они остались вдвоем, Вера старалась заменить дочери и отца, оставившего их ради другой женщины, и любимую бабушку, недавно ушедшую в мир иной. Как это получалось и получалось ли?.. Кто знает, но они чаще стали разговаривать по душам, делились своими переживаниями и победами, в выходные дни выбирались за город отдохнуть от суеты.

Вера приоткрыла дверь и осторожно протиснулась в крохотную комнатку. Дочь в одежде лежала на кровати, свернувшись калачиком и уткнувшись носом в подушку. Сомнений не было: эти слезы из-за одноклассника и друга — Стаса. Работая в школе, Вера Антоновна держала в поле зрения их отношения. Не мешала, боясь навредить, но особо и не поощряла: рано еще. Нельзя сказать, чтобы Стас ей нравился: троечник, хоть и «твердый», ходил с гордо поднятой головой и не давал спуска даже старшеклассникам. Но была в нем какая-то мужская основательность. Мог запросто починить малышне велосипед, подкачать колеса. Никого не обижал без особых на то причин. Всегда имел свою точку зрения. К Веринуму удивлению, Вика, привыкшая к повышенному вниманию и дома, и в школе, при Стасе становилась мягче и покладистой. Однажды, после Веринога урока по русскому языку, она долго собирала свой портфель, одновременно разговаривая и смеясь с подругами.

— Хватит болтать, пошли домой! — не зло, но строго произнес Стас, и дочь, наскоро застегнув портфель, выбежала следом из класса. Вера тогда удивленно вскинула брови.

Вика со Стасом любили после уроков удлинить дорогу до дома: часто заходили в парк, где скрипели старые качели, кормили семечками прямо с ладоней пронырливых, бесстрашных белок. Но свободного времени у Вики было не так уж много: музыкальная школа, библиотека, внеклассные мероприятия, подготовка к конкурсам и олимпиадам. А если учесть, что она была очень ответственным человеком, то времени катастрофически не хватало.

Нынешняя весна выдалась теплой, некупой на солнце. Рано проклюнулись проталинки-полянки, заершились зеленью газоны. Земля отдавала настой ароматов, собранных осенью. И казалось, не надышаться этим воздухом, как не напиться сладким березовым соком.

Вера сама разрешила Вике гулять перед сном, и вот...

— Ну, что у нас случилось? — спросила она тихонько, присаживаясь на кровать. — О чем, дева, плачешь? — пропела на ушко, пытаясь расшевелить дочь. Но та еще больше зарылась носом в свою подушку.

Резко звякнул телефон, и обе вздрогнули от неожиданности. Вика быстро вскочила и достала свой мобильник. Пришло сообщение. Она медленно повернулась к матери и показала телефон. «Спокойной ночи!» — высветилось на экране. Обычное, ничуть не романтическое пожелание, но сколько счастья было в ее покрасневших глазах! Прижавшись мокрым носом к матери, Вика долго не отпускала ее из своих объятий. Все встало на свои места: дочь, умывшись и выпив чаю, отправилась спать, пожелав доброй ночи матери, а та села к столу и включила настольную лампу. Оставалось проверить еще семь тетрадей. Хорошее число! Но очки так и остались в руках.

Мысли, одна за другой, побежали вспять, листая страницы прошлого. Вера долгие годы не позволяла себе так расслабиться: нагрузка в школе, домашние хлопоты, бытовые проблемы. И переложить эти заботы не на кого, тянула сама. А потому — не до воспоминаний.

...Тогда ей было столько же, сколько сейчас Вика, пятнадцать. Жили они в маленькой деревне, но в большой семье. Только детей было четверо, а еще родители, бабушка. Каждый год из города на каникулы к своей бабушке приезжал паренек, Митька — стройный юноша со спортивной фигурой, золотистыми, как летнее солнце, волосами и редкими веснушками на лице. Небольшие, но живые и яркие серо-зеленые глаза обрамляли белесые ресницы. Губы были вечно обветрены, особенно пухлая нижняя. Не было в нем броской красоты. Но каким он был рассказчиком! Сколько занимательных историй знал! А при разговоре смеялся так, что заражал всех окружающих своим весельем. Потому, наверное, девчонки и заглядывались на него, а ребята старались быть в друзьях. Интересно же. Одного из них, Саньку, так и прозвали Санчо Панса за то, что он неотступно следовал за своим Дон Кихотом.

В то лето Митька собирался поступать в пединститут на физмат, готовился. По вечерам с ребятами играл в волейбол за ого-

родами. Там, на пустыре, была небольшая площадка. На ней — два столба и натянутая сетка. Без всяких хитростей. Поболеть или просто посмотреть на игру туда приходила и Вера с подружками. Но Митька особо их не замечал: салаги! Он был старше Веры на три года. Говорили, что увлекся девчонкой из соседней Makeевки — деревеньки, что почти примкнула к Вериной Сосновке. Это сейчас они стали одним селом, красиво растянувшись подле кромки смолистого бора. А тогда Makeевка стояла особняком, но школы там уже не было. Дети учились в Сосновке, проделывая ежедневно по два километра пути. Так что поздно вечером Митьке тоже приходилось мотать туда и обратно. Что поделаешь, влюбился! И странное дело, фамилии Митьки и этой девчонки были одинаковыми: Парфеновы. Бывает же так.

Сказать, что Вера сильно переживала — ничего не сказать. Она мучилась, не спала ночами, плакала. Куда делись ее беззаботность и веселость. Ну прямо болезнь какая-то. Однажды, не выдержав такого накала чувств, она рассказала все своей верной подружке Наташке. Та долго молчала, потом обняла Веру за плечи и спокойно сказала: «Подожди, Верка! Все будет хорошо!» Это потом, спустя много лет, когда у обеих уже были дети, она призналась подруге, что для нее Митька был такой же болезнью, как и для Веры. Но никогда и ничем Наташа не выдала себя и не помешала в дальнейшем развитию их отношений. А они все-таки были.

Однажды теплым вечером Митя почему-то пошел провожать подружек домой. То ли поссорился с Парфеновой, то ли километры устал мотать? Все вместе посидели на лавочке у Вериного дома, и Наташка вдруг подхватила и упорхнула, жила она напротив, через дорогу. С этого все и началось. Они встречались, много гуляли вместе, он рассказывал ей свои бесконечные истории, подавливал на каких-то неожиданных вопросах. Потом вместе смеялись. Был и первый поцелуй. Проводив Веру до дома, Митя хотел войти во двор, но Вера неожиданно закрыла перед ним калитку.

— Что, выходной? — спросил Митя с улыбкой, и, потянувшись над калиткой, поцеловал ее в губы. — Это в счет компенсации за пропущенный вечер!

...Вера встала из-за стола, подошла к окну. Небо было по-весеннему ясным, луна висела так близко, что хотелось дотянуться рукой и снять ее. Как горох, по небу рассыпались звезды: где кучкой, где по одной. Не собрать и не сосчитать. На память пришли строчки:

Не смотри на меня, луна.
Не кори, что опять одна...

Митька, теперь уже Дмитрий, поступил в институт, учился нормально, успевал. Но главное, что его особенно интересовало, — это спорт. Он делал неожиданные успехи в легкой атлетике. Как говорил: «Прыганьем занимаюсь!». «Допрыгался» до того, что его взяли на сборы в Красноярск, потом в Свердловск. Занимал призовые места в региональных соревнованиях. Забросил свою физику и переехал на факультет физической культуры и спорта.

Теперь он приезжал в деревню редко: не в каждые каникулы и ненадолго. Бывало, и летом, если не пропадал на сборах. Зато какие письма писал! Вера всегда удивлялась: по четыре тетрадных листа и в каждой строчке. Почерк у него был красивый, ровный. Да и грамотности некоторым ее ученикам стоило у Мити поучиться. Как-то раз Вера очень долго ждала ответа на свое письмо. Даже стала нервничать. Оказывается, он положил письмо в карман, чтобы отправить и забыл, сменив пальто на весеннюю куртку. Забил тревогу, когда не получил от нее ответа. А однажды пришло письмо из больницы. На сборах с Митей произошла неприятная история. Написал: «Мне раскроили голову, которую удачно зашили. Вот спишут из команды подчистую, и буду я ходить, как Иван Иванович!» Был в деревне такой убогий. С юмором у Митьки всегда было все в порядке, а она тогда даже плакала немножко над его письмом. А как-то после мелкой ссоры забросал ее письмами: «Я ведь эти письма не пишу, а разговариваю с тобой, и в этом разговоре ты мне не возражаешь!»

Вере так вдруг захотелось перечитать все его письма, а их была целая пачка самых разных: нежных, глупых, смешных и добрых. Увы, мама, когда Вера вышла замуж, сожгла их, чтобы, не дай бог, не было неприятностей. Какие-то страницы Вера помнила

наизусть, но ведь читать, видеть строчки, написанные его рукой, — совсем другое дело.

...Шло третье лето их романтических отношений. Митя, как всегда, был на сборах. Обещал приехать в августе, если удасться. В Сосновку приехали стройотрядовцы, студенты сельхозинститута. В колхозе начиналось строительство элеватора. Днем ребята работали, а по вечерам приходили в клуб на танцы. Молодежи в ту пору было много, но вечера проходили неинтересно: все с детства знали друг друга, и мало кто из девчонок увлекался своим деревенским пареньком.

Другое дело — студенты! Все оживилось. Наташка познакомилась с Сашей, и после танцев он с другом Сергеем, Наташа и Вера вместе вышли из клуба. Вот так и бродили вчетвером несколько вечеров. Через некоторое время от Мити пришло письмо, короткое: «Прощай, дорогая мне Вера. Здравствуй, новая!..» Видимо, верный Санчо Панса счел нужным проинформировать. На этом их переписка оборвалась. Кончилось лето, студенты уехали. Как-то один из местных ребят вспомнил фразу, якобы брошенную ими: «Хорошие девчонки, но зеленые». Будто это было серьезным недостатком. Поздней осенью пришло письмо от Сергея, но Вера не ответила. Была какая-то душевная пустота.

А дальше годы учебы в пединституте, Вера поступила на филологический факультет. Выбор был predetermined, так как очень любила свою учительницу по русскому языку и литературе Серафиму Анатольевну. Казалось, она знает о классиках все. Ходила по классу, много читала наизусть, давала тот материал, который трудно было где-либо найти. Большинство ребят из класса, даже мальчишки, занимались у нее на факультативе по русскому языку.

Окончила институт Вера с красным дипломом, начала работать в сельской школе в соседнем с Сосновкой районе, хотя ей предлагали другие варианты в городе. Но хотелось уединиться, личная жизнь как-то не складывалась.

Однажды летом была у родителей в Сосновке и случайно в магазине столкнулась с Митей. Растерялись оба. Вера видела, как он покраснел от смущения и неожиданности. Была у него такая особенность. Разговорились, оказывается, он женат и у него растет сын Антошка. Большим спортсменом так и не стал, но нашел себя

на тренерской работе в детском спортивном комплексе. Детей Митя любил, они так и вились вокруг него. К подросткам у Дмитрия Петровича был особый подход. «Я делаю ставку на хулиганов, — говорил он, — они держат мне дисциплину, конечно, не жестко, я их направляю». Главная его заслуга была в том, что он сам мог показать любой элемент в спорте. Ребята это ценили.

Вдруг он предложил: «Давай поедем к Наташке! Ты давно ее видела?» Наташка жила в тридцати километрах от Сосновки, но виделись они редко. У нее — двое детей, муж механизатор, вечно в полях, работа, да еще свекровь больная. Такое вот приданое. А у Веры — работа, работа, работа... и Вера обрадовалась неожиданной возможности повидаться с подругой, а может быть...

Наташка, милая шустрая Наташка удивленно вытаращила на них свои и так безмерно большие голубые глаза:

— А-а-а, откуда это вы? Ой-ой, проходите! Митька, а ты как здесь оказался?

И пошло-поехало. Быстро справились с домашней работой (была суббота — бабья работа), собрали на стол и долго сидели, вспоминали былое. Митя уехал в ночь. Вера вышла его проводить, и они долго стояли обнявшись. Он вбирал в себя запах ее волос, такой знакомый, незабываемый, нашел за ушком маленькую родинку... на месте. Не было ни объяснений, ни оправданий. Только ощущение тепла, нежности и чего-то очень, очень родного.

Когда Вера вошла в дом, Наташка сидела на кровати, расчесывая свои длинные волосы.

— Все хочу подстричься, но Витя против, — сказала она. И вдруг без перехода: — Верка! Зачем ты лезешь в его семью?

И в этом вопросе вместе с раздражением прозвучала такая боль и за нее, Веру, и за себя, и за Митю.

Не знала Наташка, что это была их единственная встреча после расставания. Всю ночь Вера проплакала в подушку. Слышала, как вернулся Виктор из своих полей, как Наташка кормила его, и они о чем-то тихо шептались. Утром первым автобусом она уехала домой. А через несколько месяцев пришла трагическая весть: Митя погиб. Погиб случайно, нелепо. Помогал другу строить баню, тот подцепил ломиком бревно, лом сорвался.

И сейчас, и тогда, после их свидания, Вера все думала, стараясь понять, зачем была ниспослана им эта встреча? Чтобы что? Примирить, изменить что-то или понять, что все так и должно быть?

...Замуж она вышла два года спустя за Сергея, за того самого Сергея. Вера была в городе на курсах повышения квалификации. Зима стояла суровая: то снег каждый день лепил хлопьями и уже не радовал, то ветер леденил душу, проверяя сибиряков на прочность. Она шла по городу, кутаясь в шубу, на главпочтамт, на переговоры с мамой. Навстречу шагали молодые люди и о чем-то живо разговаривали. Один остановился прямо перед ней:

— Вот так встреча! Привет! Ребята, вы дальше без меня, — сказал он своим друзьям и круто развернулся.

Это был Сергей. Все получилось очень быстро. Веру немного отпустило после гибели Мити. Они поженились, Вера переехала в город. Сергей работал главным инженером на одном из предприятий. Был успешен, расчетлив, легок в общении. Так же легко он и ушел от них с дочкой, спустя пять лет. Обиды у Веры не было. Видимо, и она не смогла дать ему чего-то, что необходимо в супружеских отношениях. Препятствовать общению с дочерью Вера не стала. Сумела сохранить ей отца, тем более что они тянулись друг к другу, хоть и виделись редко.

Луна постепенно скатилась за угол соседнего дома. Но небо по-прежнему оставалось сияющим, а звезды стали ярче и озорно подмигивали. Они будто манили к себе, втягивая в круговерть созвездий. Когда-то, еще в Сосновке, Вера облюбовала для себя одну такую смешливую звездочку. Ее хорошо было видно по вечерам с их двора. Тогда она подолгу смотрела на звезду, удивляясь тому, как меняется ее цвет и как легко рядом с ней мечтается. Где ты, моя молчаливая спутница?..

Той весны уже не вернуть,
Может, ты укажешь мне путь?..

Вера закончила четверостишие и зябко повела плечами. «Еще семь тетрадей», — напомнила она себе и вернулась к столу. Закрывая последнюю тетрадь, Вера улыбнулась: Федя Потехин

(как удивительно он соответствует своей фамилии) долго блуждал по страницам своей тетради в поисках этого самого смысла жизни. И наконец подвел черту: «Жизнь прожить — не поле перейти».

— Не поле перейти... — задумчиво повторила Вера.

Сейчас это прозвучало для нее с особенным смыслом.

Артем Деревянкин

Родился в 1987 году в Барнауле. Окончил исторический факультет Алтайской государственной педагогической академии. Публиковался в журналах «Барнаул», «Алтай», «Бийский вестник», «День и ночь», «Встреча» и др. Автор трех поэтических книг: «Дети пустоты» (2003), «Раздрай души» (2006) и «Между строк оседает душа» (2014). Живет в Барнауле.

Десятая зима

Десятая зима с рождения Христова,
Он станет вспоминать на дню её раз пять:
Закрыв глаза — зима, и снова так, и снова...
Не скрыться от Отца, решившего распять.

И лето вспоминал десятое, и осень,
В коробке черепной недуг ещё дремал;
Любил его отец по имени Иосиф,
И не был он велик, а был для смерти мал.

Кто он — живой господь? А может, напрочь спятил,
И пагубу души утаивала тьма?
Ответы за чертой, но корень всех распятий —
Горячая, как боль, десятая зима.

Памяти Вени Д'ркина

Птицы музыку клюют с рук
И мелодией летят с крыш,
Превращаясь на лету в звук —
Песни заповедь одна — слышь!

Остов сказки на просвет — былъ,
Горстка благостной тоски всем,
С прохудившихся шузов пыль
Парфюмеры не кладут в крем.

В том и соль, что на часах ноль,
Этот бой — тернистый путь твой —
Возводимая в любовь боль.
Воздух высушенный пей — пой!

Не привыкшему читать смет
Под небесную лазурь — кисть...
Ты к победе приравнял смерть,
Но бессмертье не вполне жизнь.

Ты ли сорванной струны смех
И расцветшей тишины зять?..
Лёг на пажити парчой снег,
Что нам с августа ещё взять?!

***

Как семь потов, сходила с дурака
В чернилах запортаченная юность,
Смешная незадачливость стиха,
Фартовая подсолнечность и лунность.

Отчаливали дачки к северам,
В ответ летели письма без метафор,
Разламывалось время пополам,
Сшивались дали рельсами этапов...

Свиданки в середине февраля —
Непонятая миром сопричастность,
Острог любви, солёные моря
На десять лет отсроченного счастья.

Годам бесхвостой ящеркой ползти,
Им старости останется немного —
Ночная жрица жрёт после шести
Не в силах напитать ночного бога.

Просеянный сквозь морок юморок
От всех смертей любовью застрахован.
Вот, бабушка, и жизнь — всего лишь срок —
Как шрам, как шов, простроченный строкою.

Утро

В тень легко превратиться, стеная;
Тяжко, челюсти стиснув, молчать,
Ведь родная давно не родная —
Прохудился амуров колчан.

Погибают цветы на морозе,
Забываются боги без паств,
А любовь, опочившая в бозе,
Огоньком отражается в нас...

Полуночица рано не ляжет,
Без работы вся жизнь — выходной,
В темноту предрассветную скажет,
Не смеясь: «С добрым утром, родной!»

...Глянет в зеркало сонная морда,
По утрам невменяемая,
В тишину безответную молвив:
«С добрым утром, родная моя!»

Фанатка

Лучший мужчина из нынешних — это Аршавин...

Н. К.

Она с пелёнок в футболе шарила,
Оторва, выдерга — смех и грех,
И полюбила она Аршавина
Как свет в окне — одного за всех.

К ней прикасались руками потными,
Но перед каждым стоял бемоль.
«Куда ты лезешь? Пойми, животное —
В тени Андрея ты полный ноль.

Катись, чудила, к распутной матери,
Как паровоз, выпуская пар...»
Ей шарф «Зенита» — фага и мантия
И самый модный аксессуар.

Влюблённых всех назовут фанатами,
Глядящих трепетно вслед тому,
О ком поётся: «Люблю женатого»,
За кем хоть в Англию, хоть во тьму.

Тем драгоценнее всё нездешнее,
К чему стремиться, бежать, парить
И встретить Лондона утро вешнее
Цветами страсти, борьбы, зари.

Живётся, дышится ради этой вот
Прямой трансляции в небеса:
Четыре плюхи, шторма на «Энфилде»
И нате — с «Ливером» колбаса!

Любовь решает проблемы с визами,
Успев повсюду за ним, родным,
Пока болеют у телевизора
Мужчины молча под храп жены.

Жена им вместо пивной и булочной —
Еды подай, да пивка налей...
Он лучше нынешних, лучше будущих,
Он просто лучший — её Андрей!

Памяти Кирилла Толмацкого

Смерть — предел абсолютного детства,
Повзрослеть не умеет душа.
Время детское — вотчина Децла,
Где «телеги» гремят по ушам...

Зацени — это страшно красиво —
Танцевать, не щадя живота.
Плётки песен длиннее Транссиба:
Бесконечны — мотать и мотать.

Обретались химеры, маня нас,
Мы вращались в дела, а вокруг...
Да, в стране ничего не менялось,
Ни черта не менялось, мой друг!

Те же бледных теней хороводы
Правят хайп, никому не посметь,
Улетая на Остров Свободы,
В 35 инсценировать смерть.

Жесткий трюк: тот, кто глубже и выше,
Недоступный для слёз и молитв,
Держит паузу — больше не слышен
Сердца дробный порывистый бит...

Мы хип-хоп сберегаем как веру,
Кто-то тупо бежит от тоски,
А Кирилл стартанул в стратосферу
И себя положил на стихи.

***

Наколот, как цыплёнок-бройлер,
Антибиотиком тоски,
В пучине чёрной нелюбови
Я вижу белые стихи.

Из свежих ран сочится лимфа,
Собою представляя жизнь.
Иглою вострой звякнет рифма,
Селёдку с палкой подружив.

Лизну косяк заиндевелый
В объятых детства или сна,
Заметив — стих совсем не белый,
А нелюбовь не так черна...

Ножки

Сердце искромсать не надо ножниц —
Сладкую истому не избыть.
У тебя одной такие ножки,
Что ещё прекрасней может быть?

Часто каторжанину колодки
Жмут по недоказанной вине,
Так твои телесные колготки
Душу перетягивали мне.

Как же сохранить того, кто дорог,
Как же о любви сказать глухим?
Скрадываясь эхом коридоров,
С кем-то удалились каблуки.

Памяти обрежет острый ножик
Всё, что предназначено забыть.
Что ещё запомню, кроме ножек,
Что ещё прекрасней может быть?

Людмила Аникеева

Родилась в Барнауле. Первая публикация в журнале «Алтай». Работала библиотекарем, диспетчером, методистом по клубной работе, пастухом в Горном Алтае (Улаган). Перегоняла скот — сарлыки — от монгольской границы в город Бийск. Мыла посуду в московском ресторане, работала горничной, дворником, сторожем. Стихи печатались в журналах, коллективных сборниках и альманахах Санкт-Петербурга. Автор книг «Роза, береза, мак, василек», «Как ни пляши». Живет в Санкт-Петербурге.

***

Когда мы умирали —
на пари —
Пока ещё мы в бозе не почили...
Пока ещё мосты не развели,
А фонари — ещё! —
не подключили...
А пить мы будем воду...
Водку, чай.
Любить
собак бездомных. Слушать... птичек.
И если есть хоть сколько сносный Рай,
То это Рай — у чёрга на куличках.
Эффект незаряжённого ружья
Мне ближе (если только не дороже).
От сырости заводятся мужья...
А ты умри. Но в ы п о л з и из кожи.

***

Не смеха ради, не забавы для.
Но тесен мир. Но — круглая земля.
От пройденных дорог, убитых лет...
Подошве несгораемой респект.
...Мне глубоко и параллельно.
Но даже очень может статься:
Чем непристойней предложенье —
Тем невозможней отказаться.

Он мне: «Полцарства! И коня...»
А что он знает про меня?
«И будешь ты царицей мира»...
А мне ... вот это! — п о л у м е р а...
Да я по знаку Зодиака...
А мне... заказывают драку.
На вас, не мой попутчик,
Взирает свысока
Лейб-гвардии поручик
Гусарского полка.
Не вам, не мой попутчик,
(Не пуля — так петля)...
И не сойдутся тучи.
И не накроет тля.

И пусть (уже иду ко дну.
И даже — выпала! в осадок!)
Я объявляю вам войну.
И гарантирую порядок.
Я заплачу любую неустойку!
Но — ни на шаг! — не отступлю назад.
Я — самый оловянный, самый стойкий!..
Я вовсе не игрушечный солдат.

***

А я «всё пела? Это дело».
А я — походу — пролетела.
И не могу войти в кураж.
И тупо списана в тираж.
Мой путь давно не мной заезжен.
Давно никто со мной не нежен.
А в распрекрасном граде стольном
Мой мир — игрушечный. Настольный.
Мой путь не млечен. Не м о л о ч е н,
Не вечен. И вообще... не очень.
Да, жизнь кипит и бьёт ключом...
Но ты-то знаешь, что почём.
Меняют други аватары.
Выносят трупы санитары.
А на полу темнеют пятна...
Что, согласитесь, неопратно.
Взорвать планету — кануть в Лету
Утилизированной ракетой.
Считаться — заживо отпетой...

А мне, Онегин, пышность эта...

***

И нет замков таких. Таких петель...
И каждый — не в свою — сольётся нишу.
Я слышу: «В Барнауле снег... метель»...
И дальше... ничего уже не слышу.
Там нет полутонов. Ни полусфер.
И каждый за себя. Цветёт. И платит.
Но ПСИХО — или — СТИХОДИСПАНСЕР
Тебе уже — как прежде — не прокатит.

Пусть —
Сбиваю ноги я — в з о л о т о й тщете.
А хоть бы! —
И дороги я... выбрала не те —
А месиво! Да крошево. Щебень, да... гранит...
Кровь... моча х о р о ш а я... А душа болит.

И ты летишь
через
ступеньку —
Почти не по-
па-
да-
я
в ноты.
Еще не понимая — где ты?
Уже не отвечая — кто ты?..

***

Даже приличная барышня,
но кручёная.
Я выбираю красное...
лучше — чёрное.
Я проставляюсь в тему.
Уже — отвальная.
И прикупаю постельное
односпальное.
И я не понимаю вашего...
моратория?
Выслуга лет. И тепло
крематория.
А вы доверяете допингу-шопингу —
таймеру...
А вы улыбаетесь в скрытую
камеру.

Артур Кунгуров

Родился в 1959 году в Барнауле. Кандидат исторических наук, доцент. Историк, археолог. Почетный работник высшего образования. Автор около 300 научных публикаций, среди которых монографии, статьи, учебники и учебные пособия. Более сорока лет работал в археологических экспедициях. Живет в Барнауле.

НА РЕКЕ НА ЛЯПИХЕ

Речка Ляпиха и расположенное в ее устье с. Гоньба — для Барнаула места значимые и интересные. Начать можно с названия села «Гоньба». Многие почему-то уверены (даже в Википедии это отражено), что этот топоним связан с неким перегоном ссыльнопоселенцев и каторжан. Цитирую Википедию: «Свое название получило в силу того, что в этом месте переправляли по этапу дальше в Сибирь ссыльных и каторжан. Здесь они останавливались на короткий отдых, стража меняла лошадей, и затем их гнали дальше. От слова гоны и пошло название села». Вот интересно, куда это дальше «в Сибирь» их гнали? И откуда? И когда?

Гоньба была основана еще в XVIII веке. Известный исследователь Алтая В. В. Радлов описывает это село в 1860 г.: «Вечером, перед закатом, мы прибыли в селение Гоньба, у которого нам предстояло переправиться на пароме через Обь. Пока мы готовились к переезду, солнце зашло и бледные лучи месяца осветили пейзаж; река перед нами текла серебряная и гладкая, как зеркало.

Вдоль левого берега тянутся крутые голые глиняные холмы, на вершине их находится селение, а правый — покрытая кустарником низменность — едва возвышается над уровнем воды» (Радлов В. В. «Из Сибири». М., 1989. С. 14).

До 1861 года наша территория входила в Колывано-Воскресенский горный округ, который являлся, по сути дела, царской вотчиной. Ну какие тут могут быть каторжане? Их место в то время было «в Шилке и Нерчинске». И уж никакие этапы через Алтай точно не проходили. Через Гоньбу, живописно охарактеризованную Радловым, до постройки моста проходила паромная переправа летнего пути Московского тракта. Если путешественник или обоз с товаром, почтой, другими материалами приходил поздно, то люди отдыхали в трактире Гоньбинского Кордона на правом берегу Оби. Причина появления переправы в этом месте проста: здесь самое узкое место долины Оби. От Гоньбы до останца, на котором располагался Гоньбинский Кордон, по прямой всего 1 км, при этом значительную его часть составляет река. В месте расположения Зимника Московского тракта, именуемом Казачий Взвоз (где находился бывший комбинат «Химволокно»), ширина долины почти 10 км. А в половодье, которое и описывал Радлов, по затопленным лугам от Гоньбы паром доходил до Кислухи.

Дополнительные сведения об особенностях Гоньбы были получены совершенно неожиданно. Весной 1983 года на левом берегу Ляпихи, напротив западной окраины Гоньбы, выделили землю для садоводства «Обь-2». При сооружении погребов и даже фундаментов домиков, садоводы стали находить могилы. Кладбище Гоньбы испокон веков находилось на восточной окраине села. Когда сведения о могилах дошли до археологов из АлтГУ, то они не могли их не проверить.

В первый выезд 26 мая 1983 года мы приехали во главе с Ю. Ф. Кирюшиным. Найдя «пустой» участок, мы заложили раскоп и тут же обнаружили первое захоронение. Буквально под дерном оказался закопан маленький гробик-колода, напоминающий небольшое корыто с торцовыми ручками. Крышки не было, и от скелета младенца остались только зубы. Оказалось, что таких мини-колод по участкам выявляется довольно много.

Собравшиеся садоводы наперебой рассказывали о гробах и косях людей, которые они выбрасывали в овраг. У одного мужика в погребе торчали не то пять, не то шесть гробов. Ну и что, забетонировал стенки и хранит там свои запасы. Милые люди. Не хотелось бы мне иметь сад в этом садоводстве.

Дальнейшие раскопки позволили выявить еще три колоды с останками людей. Они были устроены как ступеньки: выше всех ребенок (причем головой на юго-запад, совсем не христианская традиция); с отступом к юго-востоку и глубже на 30-40 сантиметров стояла колода с крышкой, предназначенная для подростка, далее и глубже — колода с останками женщины, а ниже всех находилась круглая долбленая колода мужчины. В нее совершенно случайно провалился по колено Александр Борисович Шамшин, перепугав всех садоводов, окруживших плотной толпой раскоп. На скелетах сохранились волосы, на шее висели на веревочках православные крестики. Установив, что могилы относятся к XVIII-XIX векам, археологи работы прекратили, сообщили садоводам о своих заключениях и все закопали обратно.

Осенью этого же года В.Б. Бородаев уговорил меня еще раз съездить в Гоньбу. В тот период своей научной деятельности Вадим Борисович чрезвычайно увлекался изучением эпохи позднего средневековья и решил, что разрушаемое садоводами кладбище может быть «дорусским». Все-таки ориентация умерших головами на юго-запад всех смущала. Не было у русских такой сакральной традиции, православные укладывали покойников головой на запад.

Мы вдвоем приехали под вечер, «забазировались» в саду у моих родителей, который был расположен гораздо южнее интересующего нас места и пошли искать хозяев, которые разрешили бы нам немного покопаться, разрыть могилку-другую.

Сады были пусты. Выбрав наименее ухоженный участок без посадок, но с намеченным под строительство дома фундаментом, мы, виртуально пообещав отсутствующему хозяину обязательно все закопать, заложили траншею. Буквально сразу же была найдена могильная яма, в которой мы уже в темноте расчистили прекрасно сохранившуюся колоду с зауживающимися торцами, вырубленную из цельного обрубка огромной сосны. Там явно

ждал встречи с нами взрослый человек, но в темноте дальнейшие работы мы решили не проводить и, завернув колоду в отрезок полиэтилена, ушли ночевать в сад. Спали мы, как ни странно, спокойно и крепко. Утром, вскочив ни свет ни заря (и раньше бы встали, но еще темно было, осень все же) и быстренько перекусив, бегом бросились к раскопу. Но садовод успел первым. Степень озадаченности на его лице, когда он стоял на краю раскопа и рассматривал лежащее там нечто, завернутое в полиэтилен, была максимальной. Короче говоря, человек был в шоке. Мы бросились к нему с извинениями и обещаниями, как только, так сразу все закопать и утрамбовать. Ну, вот так вышло!

— Да ладно, верю я, закопаете. А что это?

— Гроб.

— ...

— ... (и не надо думать, что садовод молчал).

— И... много у меня тут таких гробов?

— Много.

— И что...

— Сейчас откроем и посмотрим.

— Заберете потом?

— Закроем и закопаем.

— ...

— Ну и зачем он мне тут нужен?

Вопрос оказался риторическим, так как мы под изгибы второго командного уже сняли полиэтилен. В свете восходящего солнца гроб-колода смотрелся посреди садового участка очень импозантно, да и глубина ямы была чуть больше метра. И ориентирован, как и раскопанные весной могилы, на юго-запад — северо-восток. Вокруг садового участка начала собираться толпа. Сняли крышку. Народ ахнул. Не весь. Садовод и его соседи минут пять вспоминали Большой Петровский Загиб, а некоторые особо впечатлительные, крестьясь, разбежались. В гробу лежал скелет немаленького мужчины с черными волосами, заплетенными в косичку. Кости были покрыты массой высохших куколок каких-то насекомых. В районе кистей топорщились длинные загнутые ногти темно-серого цвета (долго, видать, после смерти еще росли). На шее, как и у «весенних» умерших, на хорошо со-

хранившейся веревочке размещался бронзовый позеленевший крестик. Некоторое время мы под гробовое молчание (какое слово-то, соответствующее моменту), соскребали сухих куколок и прочий мусор, скопившийся в домовине за прошедшие столетия, для рисования и фотографирования. В районе живота оказалась горсть косточек калины.

— Любил, видать пареную калину-то — сделала заключение женщина на мое описание находки. По ее виду можно было сказать, что ей этот скелет..., и она его видела..., но за любовь к калине очень уважает. Потом мы все закрыли и закопали. И сейчас, наверное, там лежит.

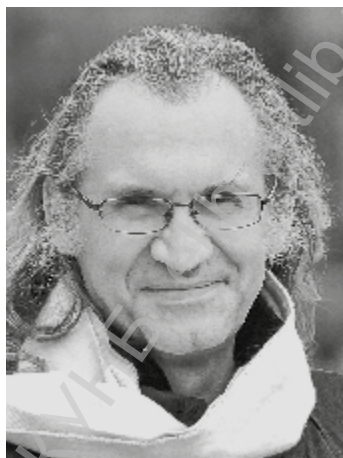
Много лет мне не давала покоя какая-то мысль, сформировавшаяся тогда не до конца. Православные христиане с явными монголоидными лицами (уж это-то мы видим сразу), косички у мужчин, бронзовые крестики Томской епархии. Явно крещенные татары или телеуты. Поэтому и ориентация, не как у русских на запад, а на юго-запад. А потом неожиданно все сложилось. Гоньба — почтово-перевалочное село на пароме Московского тракта, татары-ямщики. Песня «Вот мчится тройка почтовая»! Есть там такой куплет:

«Ах, барин, барин, добрый барин,
Уж скоро год, как я люблю,
А нехристь-староста, татарин,
Меня журит, а я терплю».

Гоньба — село ямщиков, которые «гоняли» грузы, почту и пассажиров по Московскому тракту. И это название села с заброшенным татарско-ямщицким кладбищем прямо сошло с этой песни.

Сергей Тепляков

Родился в 1966 году в Новоалтайске. Учился на историческом факультете Барнаульского государственного педагогического института. Работал в газетах и на телевидении. Автор исторических и биографических книг, в том числе о М. С. Евдокимове, В. С. Золотухине и В. М. Шукшине. Член Союза писателей России. Живет в Барнауле.

РУКОПИСЬ КОНСТАНТИНА СИМОНОВА В БАРНАУЛЕ?

Не так давно, путешествуя по Интернету, я наткнулся на ссылку: «Рукопись. Константин Симонов. Лирические стихи». На фотографии — желтая мятая временем страница с рукописной надписью: «Константин Симонов. Лирические стихи». И подпись внизу: «Местонахождение — КГБУ "Государственный музей истории литературы, искусства и культуры Алтая"»!

Честно говоря, прочитав это первый раз, я потом перечитал еще. Рукопись стихов Симонова — в Барнауле? Все мы понимаем, что такое рукопись — это или черновая или беловая запись, сделанная автором.

Симонов в Барнауле никогда не был. Он много ездил по СССР и по миру, был даже в Латинской Америке, но вот в Барнауле — нет. Но это не значит, что его рукопись никак не могла к нам попасть. Автор дарит рукопись другу. Поклонник выпрашивает рукопись у своего кумира. Автор где-нибудь забыл рукопись, а тот,

кто понимал ей цену, ее подобрал. Словом, подумал я, все может быть. И тут же связался с Еленой Огневой, заместителем директора по научной работе ГМИЛИКА.

И вот эта тетрадка передо мной.

Когда в стене гробницы Тутанхамона пробили небольшую дырку, Говард Картер заглянул в нее — первым за три с лишним тысячи лет. Стоявший за спиной Картера лорд Карнарвон, лет двадцать дававший на раскопки деньги, в нетерпении спросил: «Что вы там видите?!»

«Удивительные вещи!» — ответил потрясенный Картер.

«При чем тут Тутанхамон?!» — спросите вы. При том, что мне тоже хотелось увидеть удивительные вещи.

Для начала я осмотрел тетрадку. С первого взгляда стало ясно, что она самодельная. Страницы скреплены тремя скрепками, но не внутри, а снаружи, так, что ржавые «хвосты» торчали на обложке. Корешок вдобавок прошит, и сделано это небрежно, я бы сказал, по-мужски: на почти двадцать сантиметров четыре крупных стежка. В армии мы так подшивали подворотнички.

Кстати, про скрепки. Есть байка, что в Великую Отечественную шпионы, которых забрасывали немцы, «горели» как раз на скрепках — немцы делали их из нержавеющей стали, а советские скрепки ржавели. В общем, скрепки, соответствовали эпохе.

На обложке — надпись чернилами: «Константин Симонов. Лирические стихи».

Внутри оказались стихи. Отпечатанные на машинке, поправленные рукой, правда, поправленные не везде, где стоило бы поправить.

На первой же странице над стихотворением стояло «К. С. В. С.». Это просто: Константин Симонов — Валентине Серовой.

Стихотворений семь: «Я много жил в гостиницах...», «Я, верно, был упрямей всех...», «Ты говорила мне: «Люблю»...», «Мне хочется назвать тебя женой...», «Я пил за тебя под Одессой в землянке...», «Я очень тоскую...», «Я, перебрав весь год, не вижу...».

Я рассмотрел тетрадку так, эдак, на просвет. Авторских пометок нет. Надписей вроде «Да, это я написал! Константин Симонов» тоже нет.

Если двери закрыты, надо лезть в окно. И я взял в библиотеке том стихов Симонова с примечаниями, в которых указывались даты и издания первых публикаций. Выяснилось, что стихи публиковались в журналах «Красная новь», 1942, № 1-2 («Я много жил в гостиницах...», «Я очень тоскую...», «Я, верно, был упрямей всех...», «Мне хочется назвать тебя женой...»), «Новый мир», 1941, № 11-12 («Я, перебрав весь год, не вижу...», «Ты говорила мне: «Люблю»...») и в сборнике «К. Симонов, Лирика», Молодая гвардия, 1942 («Я пил за тебя под Одессой в землянке...»).

Тут надо знать, что выход журнала «Новый мир» в 1941 году задерживался, и сдвоенный номер за ноябрь-декабрь 1941-го вышел в начале 1942-го.

Получалось, что все эти стихи были опубликованы примерно в одно время, но в разных изданиях.

Мог ли какой-то фанат Симонова из трех разных публикаций составить для себя тетрадку «Избранного»? Вполне. Однако мне не хотелось, чтобы все закончилось так просто. И я стал сверять тексты.

И вот тут стали открываться, как говаривал археолог Картер, удивительные вещи. В стихотворениях из «рукописи» оказались другие строчки, другие мысли и целые дополнительные строфы!

Например, стихотворение «Я много жил в гостиницах...»: в рукописи строка «Согрел тебя, хорошую», в книге — «Согрел тебя хорошЕю».

Стихотворение «Я, верно, был упрямей всех...»: в рукописи — «честней девичьих снов», а в книге — «честней бесстыдных слов».

В рукописи — «И встречу я в твоих глазах// Не с девичьей, пустой», в книге — «не с голубой, пустой». Причем «девичьей» было логичнее, так как следующая строка, оставшаяся и в книге, — «А с женской, в горе и страстях// Рожденной чистотой». То есть, «девичье» противопоставлялось «женскому». Почему Симонов выбрал вариант «с голубой, пустой», понятно — у него уже была и «девичья чистота», и два раза «девочка», пришлось пожертвовать противопоставлением.

В стихотворении «Ты говорила мне: «Люблю»...» в рукописи третья строфа такова:

Они, как мотыльки огня,
Боялись дня и вдруг сгорали,
С рассветом каждый день меня
Холодные глаза встречали.

В официальных публикациях этой строфы нет.

В рукописи строка «Лишь ночью лгать себе могла», а в книге — «Ты только ночью лгать могла», хотя первый вариант сильнее.

Стихотворение «Мне хочется назвать тебя женой...» в рукописи на четыре строфы длиннее, чем в книгах. «Лишние» строки таковы:

Мы называем женщину женой
За то, что так несчастливо случилось,
За то, что мы тому, что под рукой,
Простясь с мечтой, легко сдались на милость.
За нехотя прожитые года,
За общий дом, где вместе мы скучали,
Зовем женой за то, что никогда
Ее себе в любовницы не взяли.
Мне хочется назвать тебя женой
За то, что милых так не называют,
За то, что все наоборот с тобой
У нас, моя беспутная, бывает.
За то, что каждый раз, как первый раз,
Твой шаг слышав, открываю двери,
Что чистоте твоих лукавых глаз
Я и сейчас, как первый раз, не верю.

В рукописи строфа выглядит так:

Мне хочется назвать тебя женой
Не потому, чтоб свет узнал об этом,
Не потому, что ты жила со мной
По всем досужим сплетням и приметам...

В книге:

Мне хочется назвать тебя женой
Не для того, чтоб всем сказать об этом,
Не потому, что ты давно со мной,
По всем досужим сплетням и приметам.

Вместо «ты жила со мной» — «ты давно со мной». От натуралистичности — к поэтичности, это очевидная авторская правка. Как и замена «свет узнал об этом» на «всем сказать об этом»: первый вариант годился бы, будь стихотворение написано на сто лет раньше.

О «неканонческих» строках стихотворения «Мне хочется назвать тебя женой...» в 2012 году была публикация в «Литературной газете» (№ 44, «Неизвестный Симонов»).

«В годы войны, очевидно в 1942-м, появилась странная книжечка. Размером в ладонь, точнее в карман солдатской гимнастерки, она была отпечатана на серой оберточной бумаге с прожилками из деревянных опилок. На обложке стояло: «Константин Симонов. Война». В первый и единственный раз я увидел эту книжку в студенческую пору, когда брат, тоже студент, принес ее из библиотеки педагогического института. Тогда, уже хорошо зная цикл стихов «С тобой и без тебя», я с удивлением обнаружил, что одно стихотворение — «Мне хочется назвать тебя женой» (название по первой строчке) — имеет две «лишних» строфы (восемь строчек), которых нет ни в одном издании К. Симонова. Я не встречал упоминание о них в доступных мне литературоведческих трудах. Я не берусь судить, почему после огненного, трагического 42-го автор чуть смягчил содержание стихотворения...» — пишет автор Иосиф Брумин. Опубликованные в его статье строфы представляют собой смесь строк из рукописи ГМИЛИКА и поздних опубликований стихотворения. То есть к окончательному варианту Симонов шел методом проб и ошибок.

Стихотворение «Я пил за тебя под Одессой в землянке...»: в рукописи странная строчка «Как часто успех его сердца узнать», бессмысленная, как ни крути. В книге это «Как часто, успев его сердце узнать». Ошибка выглядит так, будто кто-то диктовал, и машинистка записала, как услышала. А Симонов как раз

с началом войны пристрастился диктовать. И дикция у него была такая, что «успех его сердце узнать» вполне могло быть услышано как «успех его сердца узнать». Тут возникает вопрос — почему же описка не была поправлена, ведь несколько описок и опечаток в рукописи поправлены. Точного ответа у меня, естественно, нет, но можно предположить — что заметил, то поправил. А что не поправил — то не заметил. Тут есть тонкость: автор знает свой текст, он к нему привык, он его не читает, а вспоминает, корректор из автора никакой.

В этом же стихотворении знаки препинания в рукописи сильно отличаются от знаков препинания в книге. В рукописи

Сегодня я пил — чтоб сегодня скучала, А завтра мы выпьем — чтобы завтра ждала.

В книге в обоих случаях вместо тире запятые.

В рукописи:

Нам легче поверить всегда за другого,
Как часто успех его сердца узнать,
Я верил: другого — пускай, но такого
Не смеет она ни забыть, ни продать.

В книге же последние две строки таковы:

Я верил: такого, как этот, такого
Не смеет она ни забыть, ни продать.

Мысль «другого — пускай» интереснее. Но «другого» уже есть в первой строке, автору пришлось выбирать: либо целая строфа плохая, либо одна строка. Он выбрал.

Стихотворение «Я очень тоскую...» в рукописи также сильно отличается от того, что в книге. Прежде всего, в рукописи стихотворение имеет четырнадцать строф, в книге — одиннадцать.

Тем, кому будет интересно разобраться в этом стихотворении, поясню: первые шесть строф совпадают и в рукописи, и в книге. Затем в рукописи появляются вот такие седьмая и восьмая строфы:

С беспутной и милой
С ней ночь коротать.
Чтоб завтра ни лаской,
Ни силой не взять.
Чтоб завтра, с тоскою
Себя прокляня,
Лишь слышать глухое:
«Не трогай меня».

После них и в рукописи, и в книге идет строфа:

Чтоб, встретясь с ней взглядом
В бессонной тиши,
Любить в ней две рядом
Живущих души.

Тезис про «две рядом живущих души» явно задуман с развитием, и это развитие есть в рукописи:

Веселую душу —
За счастье ее,
А грустную душу —
За горе мое.

А в книге этих строк нет. Думаю, Симонов (а я все же полагаю, что это черновики Симонова) пожертвовал всеми этими строфами потому, что с ними уж больно жалостливые стихи получались. Симонов не хотел, чтобы советский читатель видел его таким.

Последнее в рукописи стихотворение «Я, перебрав весь год, не вижу...». Оно единственное в своем роде: если другие стихи в книге короче, чем в рукописи, то тут обратный случай, книжный вариант больше на одну строфу.

В стихотворении Симонов вспоминает Серову: довоенные картины, то, как он летом приехал с фронта, на рассвете приехал к ней и тогда «может быть, впервые ты показалась мне женой». Но самой близкой, говорит Симонов, она была для него, когда перед выходом в разведку (Симонов ходил в разведку

на полуострове Рыбачий 6 ноября 1941 года) командир приказал оставить документы и прочие бумаги на базе. Симонов все бумаги выложил, а фотокарточку Серовой оставил.

В рукописи стихотворение заканчивается строками:

Казалось, в том же платье белом,
Как в летний день снята была,
Ты по камням оледенелым
Со мной невидимо прошла.

И после этого отпечатано: «Константин Симонов».
А в книге есть еще строфа:

За смелость не прося прощенья,
Клянусь, что, если доживу,
Ту ночь я ночью обрученья
С тобою вместе назову.

Получается, он эту строфу сочинил позже. Публикацию в «Новом мире» мне, к сожалению, найти не удалось, но, думаю, эта строфа там уже была — не в пятидесятые же, когда их семейная жизнь становилась все тяжелее, Симонов это написал.

Теперь надо решить, что же такое хранится в нашем музее истории литературы, искусства и культуры? Что-то вроде альбома, в который кто-то списал стихи любимого автора? Самиздат того времени? Авторская копия, надиктованная Симоновым для кого-то (например, для Серовой — отсюда и крайняя откровенность)? Или — именно рукопись?

Все, содержащиеся в рукописи стихи, сочинены Симоновым до конца 1941 года и почти наверняка собраны в эту тетрадку еще до того, как они были опубликованы в журналах «Красная новь» и «Новый мир». Обращает внимание отсутствие «Жди меня». Симонов сочинил его в июле 1941 года. В рукописи есть стихотворение «Я, перебрав весь год, не вижу...», события которого относятся к ноябрю 1941-го. Почему же нет «Жди меня»? Возможен такой ответ: Симонов долгое время считал «Жди меня» очень личным, публиковать не собирался. А в тетрадку

собрал то, что предлагал какой-либо из редакций для публикации. Поэтому и переплетено так — «на коленке».

Я обратился к Алексею Кирилловичу Симонову, полагая, что если кто-то и знает, что это за тетрадь, то это он.

К версии о том, что это мог быть рукописный сборник, который Симонов сделал для Серовой, Алексей Кириллович отнесся скептически: «Отец достаточно легко печатался в то время, ему не было надобности так свои стихи дарить». Насчет того, что Симонов сделал копию для друзей, Алексей Кириллович сказал: «Тоже вряд ли, среди своих стихи существовали в устном обмене».

У Алексея Кирилловича оказалась своя версия.

— Баба Аля делала такие тетрадки. И там действительно были очень интересные несходства с тем, как эти стихи были опубликованы потом... — сказал он.

Баба Аля — это Александра Леонидовна, мама Константина Симонова. Эта версия интересна тем, что она может объяснить отсутствие «Жди меня» — Александра Леонидовна это стихотворение не жаловала за строчку «Пусть забудут сын и мать», и даже написала сыну свой поэтический ответ.

— Это очень похоже на тетрадки бабки моей... — говорит Алексей Кириллович. — Только баба Аля делала обложки другие — картонные. Вообще, отец, начиная стихи, понятия не имел, чем они кончатся. Писал он с большим запасом. И работа над стихами у отца сводилась в первую очередь к сокращению. Только в одном случае он дописал три строфы — в стихотворении «Биннокль». Он написал его, прочитал, испугался, поняв, что оно звучит политически неприемлемо. И дописал три строфы, размыв политический смысл. А когда стало можно, он эти три строфы вычеркнул...

Откуда же эта удивительная реликвия в Барнауле? Как рассказывает Елена Огнева, тетрадка была передана вместе с небольшим архивом Александра Петровича Виноградова, старого актера, работавшего в барнаульском ТЮЗе с 1960 по 1985 год. Александр Петрович Виноградов родился в 1917 году в Твери. До войны окончил театральное училище и работал в Калининском областном театре драмы. 20 ноября 1941 года ушел в Красную Армию. Воевал и потом до января 1946 года служил.

Александр Петрович умер в 2011 году, его сын, Юрий Виноградов, также актер этого же театра (теперь МТА), умер в феврале 2017 года. Родственников не осталось. Бумаги и документы передали в ГМИЛИКА.

Актриса МТА Любовь Хотиева, знавшая Виноградова-старшего тридцать лет, рассказала мне, что тетрадка со стихами Симонова нашлась случайно: «Она лежала под книгами, завернутая в газету». То есть, Александр Петрович этой тетрадкой явно дорожил. Но никому о ней не рассказывал. Был ли он знаком с Симоновым? Неизвестно.

«Про Симонова — думаю, если бы они встречались, он бы обмолвился, это была бы известная история... Но он и про войну никогда ничего не говорил. Для него это была закрытая тема. Я была удивлена, когда нашла медали...» — говорит Любовь Хотиева.

Калининский областной драматический театр (ныне Тверской драматический театр) в сентябре 1941 года эвакуировался в Советск Кировской области. 17 октября немцы взяли Калинин, 16 декабря наши отбили его. Театр вернулся в город в январе 1942 года, а в феврале сыграл премьеру. Как думаете, что это было? «Парень из нашего города» Константина Симонова! Когда и как он передал театру свою пьесу, встречался ли он с коллективом, мне выяснить не удалось. Но если допустить, что работа над пьесой началась еще осенью 1941 года, то Виноградов вполне мог успеть в этом поучаствовать, познакомиться с молодым автором — отсюда и особое отношение Виноградова к Симонову.

А вот как, где и когда он получил эту тетрадку, мы, видимо, уже никогда не узнаем...

Александр Куляпин

Родился в 1958 году в городе Ленинске-Кузнецком Кемеровской области. Окончил филологический факультет Алтайского государственного университета. Доктор филологических наук, профессор. Автор более 300 научных публикаций, в том числе нескольких монографий. Живет в Барнауле.

ЧЕМ ХУЖЕ ДЛЯ КАФКИ, ТЕМ ЛУЧШЕ ДЛЯ ШУКШИНА:

заметки о книге П. С. Глушакова «Шукиин и другие»
(СПб.: «Росток», 2018, 320 стр.)

Целью работы П. С. Глушакова стала «попытка восстановления контекста размышлений писателя, его индивидуального поиска в зоне иных, других систем мышления». Отсюда повышенное внимание автора книги к «потенциально диалогическим площадкам», ведь для него «*потенциальность* творческого диалога уже в некотором роде является такого рода диалогом» (с. 11. Здесь и далее курсив П. С. Глушакова). Красивые формулировки. Однако если вдуматься, то за ними стоит желание просто-напросто снять с себя всякую ответственность за результаты анализа произведений Шукшина. П. С. Глушаков явно злоупотребляет словом «возможно», вряд ли уместном в научном дискурсе.

Неопределенность теоретических установок исследователя лучше всего характеризует одна странная формулировка: «Заметим, что весь блоковский цикл завершается прямой, хотя и косвенной отсылкой к образу Христа» (с. 255). Не будем оспаривать наличие отсылки к образу Христа (она представляется по меньшей мере сомнительной), обратим внимание на невозможное словосочетание «прямой, хотя и косвенной». «Прямой» (в словаре С. И. Ожегова) означает «непосредственно вытекающий из чего-нибудь, явный, открытый»; «косвенный» — «не непосредственный». То есть, получается, что П. С. Глушаков утверждает: «...цикл завершается непосредственной, хотя и не непосредственной отсылкой...»

В главе «Шукшин, Гоголь и другие: Из комментариев к рассказу «Забуксовал» автор еще раз вернется к проблемам методологии с тем, чтобы вновь постараться оправдать чрезмерную свободу своих измышлений: «Методологическая строгость намеренно принесена тут в жертву «науке самой занимательной», по слову А. С. Пушкина, а именно «следовать за мыслями великого человека»» (с. 53). Жертва слишком велика и неоправданна. Вовсе не за мыслями великого человека, а за своими безудержными фантазиями постоянно следует П. С. Глушаков.

Методологический беспредел порождает, например, такие «шедевры» интерпретации. В разделе «Заметки, комментарии, этюды» цитируется шукшинский набросок: «И пришли к великолепному старику Ермолаеву — просить его быть гардеробщиком. Очень представительный старик. И ему дали форму. И старик был кончен — стал несусветно важничать, стал гордый, вежливый и нехороший. Погиб человек». А далее следует его истолкование: «Это один из вариантов сюжета гоголевской «Шинели»: что было бы с Акакием Акакиевичем, если бы у него не похитили шинель. Такая «генеалогия» сюжета выявляет неожиданные и пугающие возможности в характере «маленького человека», но при этом констатирует по сути тот же финал — гибель человека» (с. 234).

Взяв слово «генеалогия» в кавычки, П. С. Глушаков в зародыше пресек возможную критику. Но дело тут не в спорности генеалогии шукшинского сюжета (никакой гоголевской генеалогии, конечно, нет — хоть в кавычках, хоть без кавычек), а в абсолют-

но непрофессиональном рассуждении о том, «что было бы с Акакием Акакиевичем, если бы у него не похитили шинель». Такого рода домыслы не допустимы даже в ответе на уроке литературы в десятом классе, в книге доктора филологических наук они просто шокируют.

Этот фрагмент работы напоминает сценку из «Калины красной», где ээки, изучая роман «Евгений Онегин», обсуждают единственный вопрос, будут ли у Татьяны дети от старика-мужа или не будут? П. С. Глушаков вполне мог бы присоединиться к этой полемике.

Кавычки, как известно, используются для выделения слов, которые употребляются в необычном или ироническом значении. Для чего их использует П. С. Глушаков, сразу и не догадаешься. Финал «Калины красной» он описывает так: «...И завершается все гибелью <...> Егора Прокудина от руки «наследника» блоковского Петьки — Губошлепа» (с. 236). В каком смысле можно назвать Губошлепа «наследником» Петьки из поэмы Блока «Двенадцать»? Снова «генеалогия»? Вряд ли. Всё «исследование» П. С. Глушкова построено на прихотливых ассоциациях, которые нередко уводят его слишком далеко от главной темы. Характерно обилие в книге постраничных сносок, по объему соперничающих с основным текстом. Возникает полное ощущение, что автор время от времени теряет нить рассуждений.

Самое поразительное, что иногда П. С. Глушаков вообще ограничивается набором цитат, никак их не комментируя. Так, на страницах 259-260 приведены три обширные выписки: из Шукшина («Выдуманные рассказы» — о «записной проститутке», которая «окрестилась»), Пушкина («Египетские ночи» — о Клеопатре, предлжившей «купить» «ценою жизни» ночь ее любви) и Вс. Вишневского («Оптимистическая трагедия» — женщина-комиссар убивает того, «кто лез шутить с целой партией»). Странные сближения, конечно, бывают, но бывают еще и бессмысленные. Обычно такой словоохотливый, здесь автор замолкает. Вероятно, ему самому не просто найти хоть что-нибудь, объединяющее эти три фрагмента.

Есть такая головоломка для проверки наблюдательности: рядом располагают две забавные и очень похожие картинки с заданием обнаружить десять отличий. Наверное, П. С. Глушакову

тоже следовало бы дать читателю задание: «Найдите между процитированными произведениями хотя бы одно сходство». А так как читатель явно окажется в затруднительном положении, неплохо было в конце книги привести ответ. Вот только известен ли этот ответ самому автору?

Очень редкий случай, когда в тексте вместо легковесного «возможно» появляется твердое «конечно», доказывает, что бывают такие исключения, которые лишь подтверждают правило: «Конечно, в основе рассказа Броньки Пупкова о «покушении» лежит известный «Марш артиллеристов» на слова В. Гусева: именно отсюда герой рассказа позаимствовал риторику «Из сотен тысяч батарей/За слезы наших матерей,/За нашу Родину — огонь! Огонь!»» (с. 268).

Реминисценция, в существовании которой П. С. Глушаков наконец-то не сомневается, выглядит еще более сомнительной, чем предыдущие. Обнаружить в монологе Броньки элементы риторики марша может только тот, кто либо страдает эстетической глухотой, либо совсем не вслушался в речь героя — «неровную», с плачем, с остановками «на полуслове», срывающуюся порой «на свистящий шепот» и «душераздирающий крик».

«Энциклопедический музыкальный словарь» дает следующее определение марша: «Музыкальное произведение в энергичном, четком ритме и строго размеренном в соответствии с шагом темпе. <...> Сопровождая движение войск или массовое шествие, марш придает ему торжественность, содействует организованности строя или колонны, облегчает и координирует совместное движение крупных людских масс, размеряя мускульные усилия при шаге».

Нетрудно представить солдат, марширующих под «Левый марш» Маяковского, попробовали бы они промаршировать под аккомпанемент монолога Броньки Пупкова.

Бронька — не часть солдатской массы, он — одиночка, из породы шукшинских «нерасшифрованных тайных бойцов». Не случайно мечта о «тайной борьбе», «таинственная игра в разведчиков» станет устойчивой характеристикой героя-чудика («Чудик», «А поутру они проснулись», «Энергичные люди»). В семидесятые годы шпионские мотивы получат

в творчестве Шукшина культурологическую перспективу, заданную рассказами «Мечты» и «Как Андрей Куринов, ювелир, получил 15 суток». Первый из них представляется особенно важным при выстраивании контекста рассказа «Миль пардон, мадам!». «Помню, смотрел тогда фильм «Молодая гвардия», — вспоминает автобиографический герой-рассказчик, — и мне очень понравился Олег Кошевой, и хотелось тоже с кем-нибудь тайно бороться. До того доходило, что иду, бывало, по улице и так с головой влезу в эту «тайную борьбу», что мне правда казалось, что за мной следят, и я оглядывался на перекрестках. И даже делал это мастерски — никто не замечал». Упомянутая здесь «Молодая гвардия» — один из источников рассказа Броньки Пупкова. Самое патетическое место его монолога спроецировано на клятву молодогвардейцев.

«Миль пардон, мадам!»: «Дак получай за наши страдания!.. За наши раны! За кровь советских людей!.. За разрушенные города и села! За слезы наших жен и матерей!..»

«Молодая гвардия»: «Я клянусь мстить беспощадно за сожженные, разоренные города и села, за кровь наших людей, за мученическую смерть героев-шахтеров».

Судя по всему, книга «Шукшин и другие» готовилась к изданию в спешке, об этом свидетельствует огромное количество разного рода ошибок, неточностей, ненужных повторов. Откровенно формально отнеслись к своей работе и рецензенты (два российских академика и американский профессор!), и редактор. Понятно, однако, что основная доля вины за все упущения лежит на авторе.

Некоторые ошибки можно списать на торопливость и забывчивость. По утверждению П. С. Глушакова в рассказе Шукшина «Сильные идут дальше» «совершается убийство старика» (с. 71). Никаких убийств в этом рассказе нет, старика убивают в другом рассказе — «Охота жить». На подобных мелочах можно было бы не останавливаться, если бы в них не сказывалась вся глубина непонимания личности и творчества Шукшина.

Начинает П. С. Глушаков с того, что приписывает Шукшину «пролетарское происхождение» (с. 31). Как тут не вспомнить еще одну сцену из «Калины красной»:

«Егор все шел. Увязал сапогами в мягкой земле и шел. — У него даже и походка-то какая-то стала!.. — с восхищением сказал Губошлеп. — Трудовая.

— Пролетариат, — промолвил глуповатый Бульдя.

— Крестьянин, какой пролетариат!

— Но крестьяне-то тоже пролетариат!

— Бульдя! Ты имеешь свои четыре класса и две ноздри — читай «Мурзилку» и дыши носом. Здорово, Горе! — громко приветствовал Губошлеп Егора».

В главе «Шукшин и Шолохов: Неслучившийся диалог и вечное возвращение» автор приводит отрывок рассказа «Стенька Разин», в котором, по его мнению, изображена фигурка Степана Разина, «изготовленная умельцем-чудиком»: «Кузнец развернул тряпку... и положил на огромную ладонь человечка, вырезанного из дерева. Человечек сидел на бревне, опершись руками на колени. Голову опустил на руки; лица не видно. На спине человечка, под ситцевой рубахой — синей, с белыми горошинами — торчат острые лопатки. Худой, руки черные, волосы лохматые с подпалинами. Рубаха тоже прожжена в нескольких местах. Шея тонкая и жилистая» (с. 207). Уму непостижимо, как можно принять изможденного «смолокура» за «грозного атамана» (так в рассказе)? И конечно, назвать Разина «человечком» Шукшин не мог ни при каких обстоятельствах.

Характеризуя главного героя рассказа «Внутреннее содержание», П. С. Глушаков допускает еще одну принципиальную ошибку. В его изложении, Сергей Винокуров «никак не может найти контакта с «модными» девушками именно потому, что сам он — предельно естественен и целен, искренен и обладает тем самым «внутренним содержанием»; понимая это, герой пытается восполнить свою якобы имеющуюся «ущербность» (а на самом деле только собственную непохожесть) приемом чисто игровым, ролевым, театральным и, в конечном счете, чисто цирковым — <...> поет нарочно «по-деревенски» скабрезную частушку, но скоро понимает, что нацепил чужую, искусственную маску» (с. 224). Частушку «Ой, милка моя,/Шевелилка моя...» поет в рассказе Шукшина городской парень, а не Сергей. П. С. Глушаков вместо того, чтобы анализировать чужие

168

произведения, сочиняет свои. Вместе с героем Гоголя он с полным правом мог бы сказать: «А вот есть другой рассказ «Внутренне содержание», так тот уж мой».

Похвальное стремление расширить контекст рассмотрения шукшинских произведений приводит автора к сопоставлению новеллы Кафки «Сельский врач» и рассказа Шукшина «Шире шаг, маэстро!» Правда, серьезная аргументация, как всегда, отсутствует, сходство двух текстов сводится к тому, что и безымянный доктор Кафки, и молодой врач Солодовников открывают двери. Тот факт, что у Кафки — это дверца заброшенного свиного хлева, а у Шукшина — дверь сельской больницы, П. С. Глушакова, естественно, не смущает, ведь тема-то у писателей «в некоторой степени единая» — «драма гуманизма во враждебном для человека окружении» (с. 261). Заключительный абзац раздела «Два сельских врача» снимает все вопросы: «Остается добавить, что рассказ Кафки «Сельский врач» был опубликован в СССР в 1965 году и мог быть известен Шукшину, написавшему «Шире шаг, Маэстро» (sic!) в 1970-м. Ну а если Шукшин и не читал новеллу Кафки, тем лучше, для Шукшина лучше...» (с. 262).

Если Шукшин не читал новеллу Кафки, вряд ли это повод для гордости, а вот для П. С. Глушакова действительно «тем лучше», ведь теперь можно фантазировать сколько угодно, ничуть не заботясь о правдоподобии своих гипотез.

Татьяна Богумил

Литературовед, кандидат филологических наук, преподаватель АлтГПУ. Соавтор коллективных монографий «Геопозэтика В. М. Шукшина» (2017), «Литературная мифология Алтая» (2019), словаря «Литературно-туристический Алтай: топосы, мифы, имена» (2018). Живет в Барнауле.

ПОЭТЫ О БАРНАУЛЕ: ОБРАЗ ГОРОДА

Изучение литературных репрезентаций города является одним из актуальных на сегодняшний день подходов в литературоведении. Традиция исследования «городских текстов» начала формироваться в работах о Петербурге Н. П. Анцифорова и представителей тартуско-московской семиотической школы (В. Н. Топорова, Ю. М. Лотмана, Т. В. Цивьян и др.). На сегодняшний день созданы труды не только о столичных Петербурге и Москве, но и о провинциальных русских городах: Архангельске, Петрозаводске, Челябинске, Екатеринбурге, Старой Руссе... Пионерской работой о Барнауле стала написанная в 1990-е гг. статья В. В. Десятова и А. И. Куляпина¹. Существуют публикации об образе Барнаула

---

¹ Десятов В.В., Куляпин А.И. Барнаульский миф в русской литературе // Культура и текст: Литературоведение. – СПб.; Барнаул, 1998. – Ч. 1. – С. 187–199.

в прозе местных авторов². В настоящей статье в качестве материала изучения были избраны стихотворения барнаульских поэтов.

Образ Барнаула в местной поэзии формировался в русле двух главных векторов: исторического и психологического, общественного и частного. Соответственно, центром внимания представителя той или иной парадигмы становились разные городские объекты: краеведчески значимые, вызывающие эмоции в диапазоне «патриотическая гордость — историческая вина», и обыкновенные, ничем не примечательные для «большого времени» элементы города, несущие тем не менее личностно важный смысл. Надо сказать, любой человек моделирует картину мира, в том числе пространства своего обитания, избирательно и антропоцентрично, даже эгоцентрично. Весьма показательны в этом смысле результаты психолингвистического эксперимента по созданию субъективной «карты» Барнаула горожанами. В языковом сознании горожан есть заполненные и незаполненные зоны города. Освоенными, как правило, являются центр города, конкретное место проживания (дом) и жизнедеятельности (место учебы, работы, отдыха) человека³.

Известный на Алтае писатель-краевед М. И. Юдалевич писал о Барнауле разнообразно: и в прозе (художественной и публицистической), и в поэзии. Главный ракурс стихотворений о Барнауле — память города. Знаковые места, например Демидовская площадь, чередуются с обычными для любого городка старыми кварталами и улицами, но все эти локусы одинаково «пропитаны» историей. Ход времени отмечен сменой имен топонимов. Например, «Площадь для обелиска» становится «Конюшенной», а в советский период — «Пионерской». Официальной номинации противостоит народное название — «Демидова», которое и стало окончательным на сегодняшний день названием площади

---

² Богумил Т.А. Голубая Дама: барнаульский текст и миф // Сибирский филологический журнал. 2016. № 4;

Богумил Т.А. Прогулки по Барнаулу мистическому // Геопоэтика писателей Сибири и Алтая. Барнаул, 2016.

³ Позднякова Е.Ю. Проблема восприятия городского пространства и его отражения в языковом сознании горожан // Филология и человек. 2014. № 2.

(«Демидовская площадь»)⁴. Своего рода историко-культурным комментарием к названию улиц и возникновению зданий выглядят лиро-эпические произведения другого представителя «общественной» линии, Г. П. Панова: «Сказ откуда есть пошли Олонские да Тобольские улицы», «Ставление Знаменского храма»⁵.

Благодаря знаниям и фантазии лирического субъекта М. И. Юдалевича старые дома начинают жить в двух временных пластах: настоящем и прошлом. Сквозь современность просвечивает горнозаводское начало города: «...в приземистой избушке той / демидовские рудознатцы / зимой вставали на постой» («Старые кварталы»)⁶. Старые кварталы помнят «уличные бои» и штурм домов «колчаковскими вояками», гражданскую войну: «были белые, были красные» («Старый город! Не надо хмуриться...»)⁷. Память о прошлом зачастую сопровождается ощущением вины. Так, в стихотворении «Собор в Барнауле»⁸ описывается варварское крушение храма, в котором принимал участие авторизованный рассказчик:

И весь устремлѐн в поднебесье,
как будто к полѐту готов,
он символом был мракобесья,
по меркам тридцатых годов.
За это с размахом немалым,
довольные очень собой,
мы рвали собор аммоналом,
ломали, ломали собор.
Мы были не люди, а масса,
и в этот вписались оскал
ребята из нашего класса,
конечно, и я не отстал.

---

⁴ Юдалевич М.И. Золотая давность. Стихи о Барнауле // Барнаул. История культуры. Барнаул, 2000. С. 79.

⁵ Панов Г.П. Высокий полдень. Барнаул, 1980. С. 96-99.

⁶ Юдалевич М.И. Указ. соч. С. 78.

⁷ <https://www.amic.ru/news/308195/>

⁸ Юдалевич М.И. Указ. соч. С.80.

Возможно, именно ощущение своей причастности к гибели «*летающей его красоты*» и стало импульсом к противоположному, созидательному вектору пути М. И. Юдалевича, собирателя и хранителя «*золотой давности*» края.

Город в его стихах описан как живое существо, пространство последовательно антропоморфизируется: «*Старый город! Не надо хмуриться*», «*вспомни*», «*дома рвались в небеса, / и приземистые, плечистые / заводские росли корпуса*». Из текста в текст переходят «*славные сыны*» города, его гордость: Иван Ползунов («*...творил мужик мастеровой / чертёж невиданной машины, / своей машины огневой...*»), «*генерал Фролов*». Обязательно упоминается «*опальный Достоевский*»⁹ («*Старые кварталы*»)¹⁰. Другой метафорический ряд связан с представлением города как текста: «*Эти домики, словно томики / в давнем детстве прочитанных книг. / Эта улица книжною полкою...*» («*Улица Анатолия*»)¹¹. Маленькая, неприметная улица детства вписывается в традиционный для региональной лирики сюжет о возвращении блудного сына:

Я не знаю, что с нами случилось бы,
если б где-то, пусть далеки,
нас не ждали до самой старости
эти тихие уголки.

Если б наши дороги дальние,
и кривить, и прямить устав,
не вели бы в исповедальные,
в изначальные те места¹².

---

⁹ О роли Барнаула в жизни и творчестве Ф. М. Достоевского см.: Сафронова Е.Ю. Ф. М. Достоевский: «Желаю в Барнаул», «именно в Барнаул»: к 160-летию первого визита писателя // Сибирский филологический журнал. 2015. № 4; Сафронова Е.Ю. Комическая повесть «Дядюшкин сон»: барнаульские впечатления Ф.М. Достоевского // Филология и человек. 2018. № 3.

¹⁰ Юдалевич М.И. Указ. соч. С.78.

¹¹ Там же. С.81.

¹² Там же.

Тем самым, родной город по значимости своей приближается к статусу сакральной Книги Книг, что советским поэтом, конечно же, не имелось в виду, но на уровне подтекста прочитывается.

Обе обозначенные модели: город-человек, город-книга — являются инвариантными матрицами для построения текста о любви в городе. Уникальным высказывание о Барнауле делает его исторически и топонимически конкретная «плоть».

В целом стихотворения указанных авторов носят иллюстративно-краеведческий характер. Поэтому они особенно востребованы в экскурсоводческой деятельности. Возможность кратко и эмоционально соотнести городские объекты с историческим прошлым помимо мнемонической, эвристической и развлекательной функции способствует, вне всяких сомнений, формированию в слушателях и читателях локальной самоидентичности.

Совсем иначе представлен город в лирике Натальи Николенковой, пожалуй, самого «барнаулоцентричного» автора. Элементы локуса также насыщены смыслом, но не общественным историческим и прошедшим, а личным и настоящим. Улицы, переулки города являются пространством любовного сюжета: *«Они созвонились почти случайно / И весь вечер гуляли по городу. <...> / Они целовались очень осторожно»* («В день рождения Ирвина Уэлша...»)¹³. *«Давай устроим детский сад: / По подворотням обниматься, / Сюсюкать, гладить всё подряд, / Как будто нам опять двенадцать»* («Рахат-лукум»)¹⁴; *«Мы встречаемся в странных местах, / Под дождём, возле дедушки Ленина. / Все свидания — там, сто из ста, / Все мужчины и все поколения»* («Мы встречаемся в странных местах...»)¹⁵; *«Пойдём гулять по Осипенко, / По Пивоварке, по солярке! / Как незаметно, постепенно / Любовь меняет аватарки!<...> Ты где-то рядом, чую носом, / Тебя по запаху узнаю»* («Пойдём гулять по Осипенко...»)¹⁶.

Прогулка по городу носит отчетливо эротический характер:

---

¹³ Николенкова Н. М. Завтрак на траве. Барнаул: Алт. дом литераторов, 2014. С. 51.

¹⁴ Николенкова Н. М. Малютка жизнь. Барнаул, 2010. С. 87.

¹⁵ Там же. С. 11.

¹⁶ Николенкова Н. М. Завтрак на траве. Барнаул: Алт. дом литераторов, 2014. С. 64.

Как я люблю по городу гулять
Без видимых причин, спонтанным курсом,
Опустошая вафельный рожок
С бесстыдством подростковой Камасутры. («Эротика»)¹⁷

Финал любовного романа также связан с перемещением по городу. В стихотворении с рефреном «Прощай, моя любовь!» упомянуты магазин «Под шпилем», безмянные кофейня, базар и кинотеатр, площадь Октября («Прощай, моя любовь!..»)¹⁸. Город спасает от отчаянья. Возможно, именно потому, что именно он и является подлинным возлюбленным героини:

Блуждая по вечерним городам,
Рассмотришь даже то, чего не видно,
Забудешь, что бедна и голодна,
Что влюблена безжалостно-постыдно<...>
Как этот город ласково горяч!
Как эта темнота сентиментальна!
(«Блуждая по вечерним городам...»)¹⁹

А возможно потому, что город и есть поэт:

Сердце заплети — и расплети,
Будешь совладельцем артефакта.
Нарисуй мне звёзды на груди,
На асфальте Павловского тракта
(«Сердце заплети — и расплети...»)²⁰

Как следствие, тема провинции, неизменно возникающая в связи с маленькими городками, решается у Н. Николенковой

---

¹⁷ Николенкова Н. М. Малютка жизнь. Барнаул, 2010. С. 97.

¹⁸ Николенкова Н. М. Девятое марта. Барнаул: Алтай, 1993. С. 14.

¹⁹ Николенкова Н. М. Карманная психиатрия. Барнаул: Алт. полигр. комбинат, 2001. С. 66.

²⁰ Николенкова Н. М. Малютка жизнь. Барнаул, 2010. С. 66.

весьма своеобразно. Известно, что наиболее важным хронотопом в системе отношений «провинция — столица» является вокзал или аэропорт, предоставляющий возможность вырваться или, наоборот, вернуться. Не случайно предметом особого внимания С. М. Козловой в статье, посвященной провинциальной самоидентичности барнаульских поэтов, становится вокзал. Центробежный вектор имеют строки Тамары Степанской, Елены Вагнер. Возможность вырваться из «этой Богом забытой страны» оказывается иллюзорной для лирического героя Евгения Банникова и оборачивается «внутренней эмиграцией»²¹. У Николенковой же вокзал не выделен из ряда типичных городских локусов, тема отъезда/приезда не затронута вовсе: «И городской пейзаж прекрасен / Возле бессонного вокзала» («Мороз»)²². И вокзал, и другие атрибуты города для лирического субъекта овеяны эмоцией любви, являются предметом любования: «Ещё люблю чахоточные дни, / Ртуть октября, разлитую в природе, / Кафешиантанов мёрзлые огни, / Стук каблуков в подземном переходе, / Слепой пунктир осеннего дождя, / Последнего в сезоне уходящем» («Еще люблю чахоточные дни...»)²³, «Мне нравятся вечерние бульвары, / Тугие толпы маленьких людей» («Мне нравятся вечерние бульвары...»)²⁴, «Вкусно пахнет от хлебозавода»²⁵.

В то же время Николенкова более чем далека от патриотических установок, тиражирующих лозунг «Барнаул — Столица Мира». Это выражение придумал Сергей Лазорин, барнаульский рок-музыкант, лидер группы «Девять» и прототип персонажа повести С.М. Орехова «Барнаул — столица мира»²⁶. Одна из песен группы начиналась так: «Говорит “Радио-Барнаул”. Барнаул — Столица Мира».

---

²¹ Козлова С.М. Провинция в зеркале рефлексии современных поэтов-барнаульцев // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул, 2008. С. 68-78.

²² Николенкова Н.М. Завтрак на траве. Барнаул: Алт. дом литераторов, 2014. С. 31.

²³ Николенкова Н. М. Малютка жизнь. Барнаул, 2010. С. 27.

²⁴ Николенкова Н.М. Завтрак на траве. Барнаул: Алт. дом литераторов, 2014. С. 65.

²⁵ Там же. С. 68.

²⁶ Издавалась в разных редакциях в 1989, 1992, 1998 годах. Последнее, дополненное, издание: Орехов С.М. Барнаул — Столица Мира. Человек последнего круга. Барнаул, 2002.

В повести акцентировано географическое положение города в центре Евразийского материка и мессианские чаянья горожан: быть провинциальному Барнаулу Столицей Мира, столицей духа. Давно став расхожим штампом среди барнаульских обывателей, этот концепт проник и в поэзию. Так, Алексей Власов в стихотворении «Барнаулу» восклицает: «Нет места в мире лучше Барнаула! / Весны столица — город Барнаул!»²⁷. Елена Гешелина в стихотворении «Родному городу» язвит: «Ты очень хочешь быть столицей, / но столицей нужно родиться»²⁸.

А Юлия Нифонтова вопрошает:

Почему называют столицей мира
Не весёлый Париж, не горячий Стамбул,
Не монгольскую степь, не вершины Памира,
Не какой-нибудь сити — тебя, Барнаул?
(«Почему называют столицей мира...»)²⁹

Сознательно или нет, но поэтесса обращается здесь к некоторым опробованным ранее рифмам и контрастам. Так, в ироничном стихотворении В. Нечунаева «Необычайная история, бывшая в городе Барнауле жарким летом 19... года» обыгрывается пара «Барнаул — не Стамбул». Специфика «орденоносного Барнаула» по сравнению с восточным Стамбулом обнаруживается в отсутствии малоподвижных соревновательных форм деятельности: «карт не любят, не играют в домино». Стихийная активность барнаульцев направлена на стадион «Локомотив», грозя снести малопоместительное сооружение. Народные массы обуздал водопровод: включили воду и все побежали не на стадион, а домой, запастись ею. Государственной «орденоносности» и пропаганде спорта противостоит неизбывная провинциальность городка и его бытовые неурядицы³⁰.

²⁷ Власов А.В. Цветы для мамы. Барнаул, 2014. С.29.

²⁸ Гешелина Е. Антисобытие. Барнаул, 2010. С.6.

²⁹ <https://www.amic.ru/news/308195/>

³⁰ Писатели Алтая: в 15 т. Т. 2. Антология алтайской поэзии. Барнаул, 2000. С.144.

Частотность рифмы «Барнаул — Стамбул», по замечанию А. И. Куляпина, может быть прочитана в историософском контексте. Как известно, Стамбул — это в прошлом Константинополь, т. е. второй Рим. В «Папской булле» А. Вознесенский называет Барнаул четвертым Римом³¹. Путь Барнаула прямо противоположен Константинополю, который пал и стал столицей Востока. Барнаул же преодолевает свою «азиатчину» и становится мировой столицей — четвертым Римом.

Барнаул и Париж впервые поместил в пределах одной фразы В. Высоцкий в стихотворении «Я верю в нашу общую звезду...» (1979). Е. А. Худенко комментирует это соседство следующим образом: «...во-первых, заданная система координат работает как символ западного (Париж) и восточного (окончание «-аул» несведущим людям часто позволяет думать, что город азиатский), во-вторых, любовная история отношений Высоцкого с Мариной Влади масштабируется не только вертикальным пространством полета, но и полюсностью типично западного и типично азиатского миров»³². Оппозиция Запада и Востока в связи с Барнаулом прослеживается и в черновике стихотворения «Москва — Одесса» (1967):

Затеяли интригу
летающие на Ригу —
Их самолёт угнали в Барнаул...
Барнаул — это вам не Бейрут, —
Зря рижане поверили — врут,
Террористы гуда не попрут,
Их там живо самих заберут...
[цит. по: Худенко, 2019].

Одномоментное противопоставление Барнаула Риге (европейскому городу) и Бейруту (Ближний Восток), по мнению ис-

---

³¹ Вознесенский А. Аксиома самоиска. М., 1990. С.64.

³² Худенко Е.А. «Алтайский текст» в творчестве В. Высоцкого // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 4. С.380.

следователя, проявляет «маргинально-конфликтную и глубоко провинциальную природу этого городского топоса»³³. Добавим, что в приведенных примерах пространство аэропорта как бы расширяется, подминая под себя весь город, превращая его в транзитный пункт.

Список городов, которыми не является Барнаул, достраивается в стихотворении Н. Николенковой «В кафе»: «*не Петербург, не Прага, не Оттава*»³⁴. Столичность города отрицается, но в то же время и утверждается: «*И целеустремлённая ходьба / По Ленинскому, словно по Гаване, / По Рио-де-Жанейро, по Москве. / По Питеру, по Бресту, по Парижу!*» Двойственный статус города объясняется его бытованием в материальном и фантазийном мире: «*вижу даже то, чего не вижу*» («*Меня уволили. Да здравствует судьба...*»)³⁵. То, что в реальности провинция и неуют, в творческом воображении преобразуется в прекрасное зарубежье: «*Под ногами — дерьмо и Венеция. / В голове — васильки и Флоренция*» («*Весна*»)³⁶. Подобного рода бегство от реальности, согласно наблюдениям С. М. Козловой, характерно для женской лирики Барнаула (на материале лирики Т. М. Степанской, Ф. А. Габдрауповой и Е. Н. Вагнер). Провинциальная саморефлексия реализуется либо в форме «имитации столичных стандартов», либо как «вытеснение из сознания реального места обитания и замещение его иллюзорными проектами райских садов, театром, ездой в страну любви»³⁷. Вот, к примеру, Елена Гешелина пишет: «*я задыхаюсь в четырёх стенах / шестисоттысячного города / заberi меня к себе в стихи*» («*Раньше в Сибирь ссылали...*»)³⁸. Эскапические

---

³³ Там же.

³⁴ Николенкова Н. М. Карманная психиатрия. Барнаул: Алт. полигр. комбинат, 2001. С.63.

³⁵ Николенкова Н. М. Девятое марта. Барнаул: Алтай, 1993. С.32.

³⁶ Николенкова Н. М. Карманная психиатрия. Барнаул: Алт. полигр. комбинат, 2001. С.19.

³⁷ Козлова С. М. Указ. соч. С.74.

³⁸ Гешелина Е. Указ. соч. С.45.

настроения возникают и у Н. Николенковой: «Ну что, душа, заманчиво свернуть / К зелёным побережьям Суринама? / Заходишь в Атлантический по грудь — / И где там Барнаул, и где там мама!..» Но возможность ухода в иные пространства и миры в итоге отклоняется: «Вот штука в чём: ты не свернёшь, мой друг, / Так и замёрзнешь в северных широтах» («Парамаарибо»)³⁹; «Мы не поедem в Занзибар, / Оставим глупые мечтанья»⁴⁰. Лирический субъект принимает свое существование в этом пространстве без надрыва и истерик, как должное и по-своему прекрасное:

По социуму, по Соцу⁴¹,
По маленькой жидкой реке,
Сама себе штурман и лоцман,
Со щёткой зубной в рюкзаке...
Не вырваться? Да и не надо!
Невесело? Это враньё:
В любом закоулке ада
Есть очарованье своё⁴².
(«По социуму, по Соцу...»)⁴³

Пусть «Барнаул не стоит мессы» и представители городской богемы встретятся «в горниле адовых пекарен» («Все встретимся, в конце концов...»)⁴⁴, но именно в этом, неказистом для

---

³⁹ Николенкова Н. М. Малютка жизнь. Барнаул, 2010. С. 36.

⁴⁰ Николенкова Н. М. Завтрак на траве. Барнаул: Алт. дом литераторов, 2014. С. 76.

⁴¹ Т. е. Социалистический проспект.

⁴² Ср. с переживанием невозможности вырваться из замкнутого круга карусели в стихотворении В. Тихонова «Из детства»: «А какой-то мальчик плачет, словно стонет./Как укор или восхищение горсаду?/Он не верит: как же так — неужто пони/Не сумеют, не ускачут/за ограду?». (Писатели Алтая: в 15 т. Т. 2. Антология алтайской поэзии. Барнаул, 2000. С. 266).

⁴³ Николенкова Н. М. Завтрак на траве. Барнаул: Алт. дом литераторов, 2014. С. 70.

⁴⁴ Николенкова Н. М. Малютка жизнь. Барнаул, 2010. С. 80.

стороннего взгляда пространстве возможно рождение чуда поэзии:

И в этих скудных декорациях,
Среди загаженных снегов,
Цветут роскошные акации
И для друзей, и для врагов.
И в этой жалобной провинции,
Где даже дети не смешны,
Идут по улицам провидцы
Благоухающей весны. («И в этих скудных декорациях...»)⁴⁵

Вспоминается ахматовское: «Когда б вы знали, из какого сора / Растут стихи, не ведая стыда». Стихотворения Н. Николенковой — своего рода апология провинциального Барнаула, обнаружение его позитивной, любовной и креативной составляющей.

Необходимость подобного рода оправдательной стратегии становится очевидной на фоне стихотворения В. Н. Токмакова «Вон там начинается частный сектор...»⁴⁶. В противовес овеянным историей старым кварталам Юдалевича и пропитанным любовью улочкам Николенковой «дальний квартал» вмещает в себя маргинальные и уродливые явления провинциального города: «По трущобам, притонам, гадюшникам, / по цыганским развратным домам» бродит «неподкованным Пушкиным» лирический герой Токмакова, «чтобы познать свою родину». Метонимический перенос превращает окраину города в образ провинции как таковой, шире — образ страны. Итог «хождения в народ» в 1990-е гг. неутешителен: «Здесь погиб не один ломоносов, / сколько репиных сгнуло тут». Пространство города у Токмакова, с одной стороны, обращено к типовым объектам маленького провинциального города, достоверным и конкретным:

---

⁴⁵ Николенкова Н. М. Карманная психиатрия. Барнаул: Алт. полигр. комбинат, 2001. С.42.

⁴⁶ Токмаков В. Н. Стихи из захолустья // Токмаков В. Н. Запретная книга Белого бурхана. Барнаул, 2017. С.258–259.

«Трубы, заводы, хрущёвки, мосты, / Еду к родителям в спальный район», «Стройки, общаги, пивбар “Без проблем”...». С другой, как и в вышеупомянутом стихотворении, стремится оказаться большим, чем есть. Весь приведенный перечень вмещается в символичное название «интерната» — «Русь» («Трубы, заводы, хрущевки, мосты...») ⁴⁷.

Другой пример. Поездка на трамвае с реальными названиями остановок оборачивается развернутой метафорой человеческой жизни:

Остановка «Покровский Собор»...
Все религии — просто вздор,
Дальше идёт — остановка «Конечная»...
Жизнь моя — простая и вечная,
Не проехать бы, не промахнуться...
«Кольцевая» — чтоб снова вернуться,
Но уже с другой стороны, —
Где ни Бога, ни этой страны... ⁴⁸

Отнюдь не случайно название одного из ранних сборников стихотворений поэта — «Двойное дно». В поэтическом мире Токмакова действительность многомерна, сквозь реалии просвечивают инвариантные структуры. Так, возлюбленная лирического героя «едина в сотне лиц», увидеть ее можно «одновременно и в кино, и в церкви, и за окном идущего трамвая» («Подъезд») ⁴⁹. Аллюзия на идею В. Соловьева о Мировой душе, Софии, о чем недвусмысленно написано в ироничных примечаниях к стихотворению, позволяет увидеть в подобном мироустройстве не только неоромантическое двоемирие, сочетающее явный и подлинный миры, но и дополнительный цитатный уровень, своего рода семиосферу. Игра с культурными концептами особенно очевидна в постмодернистском опыте В. Токмакова «Стихотворение с эпиграфами» ⁵⁰, где «в эту дыру, Барнаул,

---

⁴⁷ Там же. С. 237-238.

⁴⁸ Там же. С. 261.

⁴⁹ Токмаков В. Н. Двойное дно. Барнаул, 1997. С. 11.

Богом проклятый угол» сослан Н. В. Гоголь, живущий вечно в разных ликах и пространствах, наказанный за свое «гениальное Слово». Сквозь призму культуры воспринимает пространство города и М. Гундарин. Например, в поэме «Рассвет на Балтийской» в связи с улицей упоминается «охранная грамота» Б. Пастернака⁵¹, многократны отсылки к мировой литературе в прозаических фрагментах о Барнауле, но этот материал выходит за рамки настоящей статьи.

Авторские рефлексии о сути любого города рано или поздно обращаются к его астиониму (названию). Так, например, Л. Мерзликин писал, рифмуя западное с восточным:

Отгостил ты месяц в Барнеаполе,
Так зову я город Барнаул,
Мало мы деньжат тебе накапали,
Но пойми: ведь это же аул. («Борода»)⁵²

Наиболее очевидны смысловые потенции имени города для поэтов, оказавшихся в нем проездом, так сказать, со свежим взглядом и слухом. Видимо, ассоциативный процесс более активен в отношении незнакомого слова. Местным же поэтам приходится предварительно «остраниться» от топонима⁵³. В песне В. Высоцкого «Летела жизнь» (1977) возникает рифма «Барнаул — караул», характеризующая локус как место конфликтов, криминала и маргинальности⁵⁴. Позднее эта рифма повторится

---

⁵⁰ Там же. С. 22-23.

⁵¹ Литературный путеводитель по Барнаулу (М. Гундарин, К. Гришин, П. Госсен, Н. Николенкова, Е. Ожич, В. Токмаков) // Ликбез. 2014. № 26. С.6.

⁵² Мерзликин Л.С. Избранное. Барнаул, 1997.

⁵³ Лингвисты полагают, что концептуальное наполнение топонимов особенно интенсивно происходит в языке людей, относительно недавно закрепившихся на территории, где сохранились географические названия предыдущих культур и языков. Непонимание этимологии слова провоцирует рост фонетических и иных ассоциаций. См.: Калинина Е.Л. Проблема концептуального содержания субстратных географических имен // Филология и человек. 2008. № 3.

⁵⁴ Худенко Е.А. Указ. соч.

в стихотворении А. Вознесенского «Барнаульская булла»⁵⁵, которое может считаться своего рода апофеозом параграмматических игр с именем города. Весьма развернутый и показательный реестр ассоциаций подытожен авторами статьи «Барнаульский миф в русской литературе», по мнению которых важнейшими образно-смысловыми аспектами города являются «дикость, агрессивность (“а то б пырнули”), святость (“Афонград?”), аграрность (центр сельскохозяйственного края: “АГРАГРАД”), соотнесенность с фольклорным “тридевятым царством”, на пороге которого сказочный герой встречается с бабой Ягой (“Бабыгад?”), и с рериховскими Гималаями (“В вас проступают Гималаи”, “к вам Рерих / шёл по струящемуся плато”)⁵⁶. Добавим, что звуковой комплекс топонима увязывается поэтом одновременно с синонимом бескультурья — словом «варвар» (= удвоенное «бар») и культурой — авангардистским Дырбулцил и символистским Бальмонтом; телесным низом — «кассет порнобаул» и духовной высью — г. Белухой. Создаваемая на основе паронимической аттракции поэтическая реальность мыслится пространством контрастов, благословимым и благословляющим. Рифма «Барнаул — выборы на ул.» в стихотворении Вознесенского не только затрагивает характерную для эпохи перестройки тему политического голосования, но и ситуацию экзистенциального выбора, приуроченную именно к Барнаулу.

Наталья Николенкова подхватывает эстафету: «*Это только Бар на ул., / Прочерк в сводках ВВС*» («Косяки ночных акул...»)⁵⁷. Малость городка, не позволяющая ему стать предметом международного интереса, превращает его в бар на карте мирового города. Следует отметить, что кафе или бар — едва ли не самый частотный локус в пределах николенковского Барнаула: «*Я — в Pistols'e. Бьёт рок-н-ролл по ушам*» («Мышиный горошек не ведом мышам...»)⁵⁸, «На Ленинском поэмка начинается...»⁵⁹,

---

⁵⁵ Вознесенский А. Указ. соч..

⁵⁶ Десятов В.В., Куляпин А.И. Указ. соч. С.196.

⁵⁷ Николенкова Н.М. Завтрак на траве. Барнаул: Алт. дом литераторов, 2014. С.73.

⁵⁸ Николенкова Н. М. Малютка жизнь. Барнаул, 2010. С.4.

«В кафе»⁶⁰, «Джаз-клуб»⁶¹. Но главным для города являются улицы, «спрятанные» в его имени. «Мы бродим по Барнаулу, не совпадая, — но рядом», — написано в раннем стихотворении «Если друзья не звонят...»⁶². Отстранившись от конкретной лирической ситуации одиночества, укажем на звуковые переключки топонима и глагола (бродим — Барнаул), что делает процесс блуждания, прогулок неотделимым от города. Действительно, лирический субъект Николенковой постоянно перемещается по городу:

Полгорода прошла пешком
Моя разнеженная тушка.
Душа летела мотыльком.
Она должна летать, старушка!
(«Вино не может быть сухим...»)⁶³

Ощущение полета и счастья усиливают транспортные средства, притом не всякие, а лишь автобус: «Мы обогнали 57-й / На нашем скоростном 60-м. / Какое упоенье, Боже мой!» («Мы обогнали 57-й...»)⁶⁴; «...Словно ангел, подлетит / Мой ночной 48-й» («Косяки ночных акул...»)⁶⁵; «А счастья — много<...>/ Когда в автобусе трещишь / С подругой, словно гимназистка» («Дмитрова, 66 — АлтГУ»)⁶⁶. Автомобили, такси и трамваи связаны с агрессией: «Косяки ночных акул — / Плотоядные такси»⁶⁷ концом любви: «Ты будешь яростно ловить такси» («Прощай, моя

⁵⁹ Николенкова Н. М. Девятое марта. Барнаул: Алтай, 1993. С. 9.

⁶⁰ Николенкова Н. М. Карманная психиатрия. Барнаул: Алт. полигр. комбинат, 2001. С. 63.

⁶¹ Там же. С. 93.

⁶² Николенкова Н. М. Девятое марта. Барнаул: Алтай, 1993. С. 25.

⁶³ Николенкова Н. М. Завтрак на траве. Барнаул: Алт. дом литераторов, 2014. С. 46.

⁶⁴ Там же. С. 69.

⁶⁵ Там же. С. 73.

⁶⁶ Литературный путеводитель по Барнаулу (М. Гундарин, К. Гришин, П. Госсен, Н. Николенкова, Е. Ожич, В. Токмаков) // Ликбез. 2014. № 26. С. 9.

⁶⁷ Николенкова Н. М. Завтрак на траве. Барнаул: Алт. дом литераторов, 2014. С. 73.

любовь!...)»⁶⁸; смертью: «Когда кружится голова, / Откатываясь от трамвая» («Сонет»)⁶⁹, «Опять замело Барнаул по самые крыши. / Сто двадцать автомобилей столкнулись, летя. / Я ухом — к снеговика: тихонечко дышит. / А я? Приложите ухо ко мне! Хотя...» («Давно-давно ни с кем не спала в обнимку...»)⁷⁰.

Подытоживая вышеизложенное, следует признать, что проведенное нами исследование далеко от исчерпанности. Несомненно, литературная модель Барнаула может и должна быть дополнена как именами авторов, его создателей, так и мотивами, образами, атрибутами, заполняющими специфически барнаульское семиотическое пространство. Как «знаковая система, состоящая из предметных реалий, сложившихся ценностей, литературных архетипов, мотивов, имен, устойчивых идеологем»,⁷¹ «барнаульский текст» находится на начальной стадии изучения. Тем не менее можно с определенной долей уверенности утверждать, что основные параметры фрагмента этого текста, сформированного лирикой местных — и не только — поэтов, могут быть дифференцированы на типологические и индивидуальные. Универсальными для любого «городского текста» являются системные аналогии «город-человек» (в т. ч. сам поэт), «город-книга, текст» (в т. ч. интертекст), «город-центр мира», «город-ад», «города-двойники (близнецы и антиподы). Типично обращение поэтов к паронимической аттракции при «расшифровке» имени города. Но то, как воплощаются эти общекультурные модели и творческие стратегии в применении к конкретному историко-географическому, психолого-биографическому и топонимическому материалу, является совершенно уникальной поэтической реальностью.

---

⁶⁸ Николенкова Н. М. Девятое марта. Барнаул: Алтай, 1993. С. 14.

⁶⁹ Там же. С. 57.

⁷⁰ Николенкова Н. М. Малютка жизнь. Барнаул, 2010. С. 81.

⁷¹ Голубков, С. А. Семантика и метафизика города: «городской текст» в русской литературе XX века. Самара, 2010.

Михаил Гундарин

Родился в 1968 году в Дзержинске Горьковской области, на Алтае живет с 1975 года. Окончил факультет журналистики МГУ им. Ломоносова. Кандидат философских наук, член Союза российских писателей. Автор нескольких книг стихов и прозы. В «Алтае» печатается с 1989 года.

ГИБЕЛЬ ВСЕРЬЕЗ

*Эдуард Лимонов. Будет ласковый вождь.
М., Пятый Рим, 2019, 160 с.*

Эдуард Лимонов — Алтаю человек не чужой. Он бывал у нас несколько раз, писал о Барнауле и Горном Алтае хотя вскользь, но ярко. Но самое-то главное: одним из самых культурно значимых событий в бурной биографии Эдуарда Лимонова стал его арест (в составе организованной им группы молодежи) на горной алтайской заимке. Недалеко от границы Казахстана, куда арестованные то ли пытались, то ли не пытались проникнуть, то ли намереваясь, то ли не намереваясь вести партизанскую войну. Об этом Лимонов писал во множестве текстов (почему я и говорю о культурной значимости). Писал каждый раз несколько по-разному. Алтайскому эпизоду посвящены несколько страниц во всемирно известной лимоновской биографии Э. Каррера — записанные, надо полагать, со слов самого героя.

Не откажу себе в удовольствии привести цитату из лимоновского шедевра (если что, я без иронии) «Книга Воды» — нежного, меланхоличного, чувственного и бесконечно изобретательного, разнообразного — как все описанные в нем реки, моря, озера — сочинения. «Барнаул — красивый город. Небольшой, и уже не сибирский, хотя расположен он всего лишь в 230 километрах к югу от самого сибирского города Новосибирска. О Барнауле мне всегда хочется сказать: «южный город». У Барнаула (Burned Aul, — сожженное село, так я его себе переводил с придуманного мной каламбура) есть что-то общее с южным городом Краснодаром. Улицы Красная (Красноармейский проспект? — М. Г.) и Ленина похожи мелкими, аккуратными, хорошей архитектуры зданиями, окрашенными в цвета абрикоса и в оттенки розового цвета. Барнаул — уютный город для 400 тысяч населения. В первый мой приезд город сразу мне понравился, а то, что меня поводил по его улицам выдающийся краевед, писатель Родионов, еще больше углубило мою приязнь к городу. Она приязнью и остается, хотя именно в Барнаул привезли меня на рассвете 9 апреля в наручниках чекисты в машинах с мигалками. И оттуда вылетел я в самолете, окруженный чекистами с пистолетами, в Москву. Приязнь остается».

Это, скажем так, документальное описание. Новый роман классика предлагает неожиданную интерпретацию. Книга написана от лица юного сподвижника лидера оппозиции. Лидер имеет кличку Вождь. Специально подчеркивается его отличие от Лимонова — но там, где рассказчик цитирует дневник Вождя, перед нами Лимонов несомненный. Такая игра «я — не я» известна еще со времен «Эдички», хотя здесь перед нами ее новый вариант. То же касается и других героев книги (включая рассказчика), «мерцающих», предстающих то как реальные люди, то как условные персонажи.

Мы-то знаем, кто скрывается под очень прозрачными псевдонимами. Да ведь и сам автор в упомянутой «Книге воды», вышедшей почти 20 лет назад, описал реальных людей: «Женя Берсенев... известен в городе как журналист, известно также было, что он лидер партии... с нами поехал Золотарев, я буквально соблазнил Виктора, вырвал его из рук московской девушки.

Обская вода, отступая назад, превратилась вначале в Катунь, потом в Бию и Катунь, опять в Катунь, и вот мы уже катили близ речки Кокса по дороге в Усть-Коксу. На турбазе Овсиенко тоже подтвердил, что люди из ФСБ интересовались моим приездом». Да и рассказчик, названный в романе Колесо, сразу приводит на ум реального нацбола Колесникова.

Такая демонстративная игра нужна автору для того, чтобы изменить финал той истории. В реальности Лимонов провел некоторое время в тюрьме (что прекрасно описал много где), после чего принимал и принимает активнейшее участие в политической жизни, выпустил десятки книг, среди которых есть, на мой-то вкус, настоящие шедевры. Но в романе все иначе.

В рассказе Борхеса «Юг» умирающий от ерундовой причины герой видит свою смерть в честной ножевой схватке, где-то в диких местах. Так сказать, не при нотариусе и враче. Вождь в романе гибнет — вот именно — в горной щели. И вообще, само название книги отсылает к известной постапокалиптической вещи Рея Брэдбери (там, правда, про ласковый дождь — ну да каламбур сам напрашивается).

Замечу, что главный лимоновский миф — это «неудачник, одерживающий моральную победу». Роман идет с этим мифом вразрез, ведь героическая гибель — это и есть победа. Сегодня реальный Лимонов, можно сказать, неуязвим для критики ни слева, ни справа. Он заслужил эту неуязвимость всей своей жизнью, всеми своими, по большому счету, неудачами. Но хочется-то ему иного...

Гибнут и многие герои книги, но как раз те, чьи прототипы погибли на самом деле — тот же «городской хиппи» Виктор Золотарёв (выпивал с ним некогда и я, а как же). Вождь оказывается в одной шеренге со своими бойцами, и это выглядит и трогательно, и эффектно.

Что касается общего стиля, то по хроникальной в целом вещи разбросаны фирменные лимоновские «этюды». Вот цитата: «Медленно облетают березки и ива (willow) над моей отмелью. Лесное джакузи, яма, где волчком идет ручей (он же — река) я посещаю пару-тройку раз в день. Окунаюсь. Вода — ломотно-ледяная, как вода жизни».

РЕЗЮМЕ: Небольшая книжка написана в обычной лимонской манере, где общая небрежность слога сочетается с внезапной точностью детали и вдруг мелькнувшим блестящим умозаключением. Это грустная книга, такое окончательное, как кажется, прощание с предреволюционными (представлялось тогда) временами. Революции и героической гибели не случилось. Литература от этого, право слово, Эдуард Вениаминович, только в выигрыше.

ТЕЛЕГА СМЕРТИ

Михаил Елизаров. Земля.

М., АСТ (Редакция Елены Шубиной), 2019, 784 с.

Михаил Елизаров начинал с рассказов в традициях Владимира Сорокина. Рассказы строились на одном приеме, как и у Сорокина, — иногда получалось очень остроумно. Буквализация метафор, обманутые ожидания, стилевой коллапс и все такое. Потом был премиальный роман «Библиотекарь» — и он строился, по сути, на одном парадоксе (представители тишайшей профессии оказываются убийцами). Это, в общем, уже смущало. «Земля» — крупнейший, семисотстраничный том, стоит, как на одном ките, на одной теме. Это тема смерти, прежде всего в ее погребальном изводе. Земля тут имеется в виду кладбищенская; впрочем, с намеком на всю нашу планету.

Герой-повествователь с самого детства погружен в кладбищенскую тематику. Он устраивает кладбище насекомых, пытается похоронить ласточку, в стройбате копает могилы, его возлюбленная татуирована кладбищенскими символами, даже ее духи формой флакона напоминают похоронного агента. Ну и работает герой в кладбищенском бизнесе, само собой. Только самый наивный читатель может принять все это за реализм. Описание заикленности на одной проблематике, шизоидного мировосприятия (сплошной анализ без признаков синтеза)...

Короче, тотальная «танатопатия» — так называется завороченность смертью. Этим, впрочем, больна вся современная массовая культура. И Елизаров, приводя бесчисленные смертно-кладбищенские примеры, доводя тему до абсурда, тем самым всеобщую танатопатию настойчиво высмеивает.

Да, герой постоянно рассуждает (по тону — бубнит) на кладбищенскую тематику, автор находчиво и без усталости приводит соответствующие сюжетные повороты, а заодно и пристегивает всякие дополнительные смыслы (тоже по теме!). Тут и про закат цивилизации, и про потусторонний мир, и про социальную несправедливость. И про сатанистов из «Единой России», например. Кладбище становится глобальной метафорой, довольно вязчивой и уж точно не новой.

Во всем этом много иронии. Автор хорошо стилизует суждения действующих лиц, детей, подростков, солдат, бандитов... и само повествование стилизовано то под триллер, то под производственный роман, то под скучную монографию. Получается у Елизарова это ловко. Собственно авторский голос не слышен — автор говорит тысячью голосами одновременно. Но шутка в 700 с лишним страниц все же перестает быть забавной.

Язык намеренно стерт, обезличен, полон клише и жаргонизмов (вполне естественно смотрятся и нецензурные выражения). Вот цитата: «Годы спустя вдумчивые мои наставники разъяснили, что прежде кладбища, помимо основной функции, создавались и создавались как функции памяти. Нынешние же, вынесенные подальше за городскую черту, повторяют только внешний принцип изоляции мертвого, но мотивация их принципиально иная».

РЕЗЮМЕ Огромный том читать и любопытно (что еще автор выдумает, как уколует танатопатию, посмеется над штампами), и скучно — линейный сюжет разворачивается ну уж очень долго и однообразно. Вот как едешь в телеге по бесконечной, однообразной равнине, засыпаешь под мерный голос рассказчика... Но, конечно, для того чтобы удерживать ткань повествования от распада, нужно недюжинное мастерство, не говоря об усидчивости. В общем, как говорили в нашей юности с долей восхищения, «молодец чувак, годную телегу прогнал».

МАЧО (НЕ) ПЛАЧУТ

Андрей Рубанов. Жестко и угрюмо.

М., АСТ (Редакция Елены Шубиной), 2019, 356 с.

Сборник рассказов Андрея Рубанова продолжает его «маскулинную» линию, начатую дебютным романом «Сажайте, и вырастет». После этого он писал, например, и социальную фантастику. «Хлорофилия» в свое время вызвала много восторгов, хотя, по мне, кроме главного «хода» — Москву, в которую съехалось все население страны, поглощают гигантские лианы, — роман оставлял читателя в недоумении и неудовольствии. Создал Рубанов и сценарий скандального «Викинга». И как-то неожиданно — чудесный роман «Финист Ясный сокол», лично мое главное книгопечатление минувшего года. Ну а тут он «взялся за старое».

Большинство вещей, вошедших в сборник, написано от первого лица. Герой мужественен, сдержан, многое повидал в 90-е, и с битой по Подмоскovie, разыскивая должников ездил, и в тюрьме сидел. Посему пластмассовый мир сегодняшнего дня слегка презирает. Он, в соответствии с названием, жесток и угрюм. Однако это только первый пласт.

Потому как мачо оказывается вдруг чувствительным интеллигентом и то и дело норовит, грубо говоря, распустить нюни. На таком контрасте многое построено. Например, в произведении «Четыре слезы в черном марте» герой впадает в истерику, оказавшись в девичьей комнате своей жены (мол, я отнял у тебя молодость), а в «Слинго-папе» трогательно обучается означенной технике ношения младенцев, испытывая неожиданно сильные эмоции на сей счет. Однако в итоге все оказывается ок и герой со всем справляется. В том числе и с самим собой. Показав себя, повторю, и жестким, и нежным. Диалектика души, однако.

Притом места действия, сама среда, в которой происходят душевные движения героя, самые завлекательные — и мир кино, и шоу-бизнес, и тюрьма, и экзотические острова. Герой, что называется, автобиографичен, Рубанов использует отработанную

технологии мерцания герой/автор, «я/не я». Что, в общем, публике нравится, придавая текстам «правдивость», «приоткрывая завесу» над истинной жизнью знаменитостей и т.п. Да и объем невелик, 300 страниц, текстов всего 13, герой и прием сильно приесться не успевают. Можно даже читать подряд с предыдущими авторскими сборниками рассказов, в сравнении с которыми тут, собственно, ничего нового нет. Кстати, едва ли не все рассказы ранее публиковались в периодике и коллективных сборниках. Они все такие — форматные, для «умного» мужского/женского журнала. Написано умело, энергично, короткими штрихами, тень Лимонова маячит и подмигивает.

Вот про одну из героинь (рассказ «Вдовья Бреды»): «Душный, жаркий июнь в Москве. Город не остывает за короткую ночь. Все полуголые. Шаркают сандалетами. На лицах глянecь пота. Она уверенно входит, обмахиваясь огромным бумажным конвертом, зажатым в толстых розовых пальцах. Ей примерно 65. Рыхлая женщина на рубеже превращения в старуху. Белая, нелепая плотняная кепка громоздится на дыбом стоящих коротких седых волосах. На ней легкое, приличное платье. Она слегка сутулится. Она вся нездорово-розовая, и от жары как бы плавает, колыхаясь в собственном теле».

РЕЗЮМЕ. В целом нормально. Но не очень ново и интересно. Написано бодро. Но по шаблону. Писатель Рубанов в своей тарелке — но здесь она все же мелковата. Говорю же, диалектика.

ВЕНЕДИКТ РАСФАСОВАННЫЙ

О. Лекманов, М. Свердлов, И. Симаковский

Венедикт Ерофеев: *Посторонний*. М., 2018, 464 с.

Это сочинение получило «Большую книгу», так сказать, первой степени. Скорее всего, учитывая имеющийся в наличии шорт-лист, это был если не лучший, то самый компромиссный и даже приличный вариант. Ну не Г. Служителю же давать, ему и «серебра» выше крыши.

БК за биографии давали и раньше — в 2017 году аж две: первую степень получил Лев Данилкин за Ленина, а вторую Сергей Шаргунов за Катаева. Однако сочинение О. Лекманова и коллег — это не вполне биография. Биографические главы здесь чередуются с монографическим анализом главного текста Венедикта Ерофеева, поэмы «Москва — Петушки». Глава био, глава фило. А если убрать фило (на био это никак не отразится) — в книжке будет всего-то 200 с небольшим страниц.

Что касается филологического анализа, то, выполненный в традициях постструктурализма, он цветет самой буйной авторской фантазией и настолько далеко идущими выводами, что аж дух захватывает. Читать интересно, а проверить все равно не представляется ровно никакой возможности. Правду сказать, такой подход нынче устарел; выпусти ОТДЕЛЬНО такую книжку — коллеги засмеют, читатели удивятся. А вот замеси ее с биографией — ну и нормально. Кто именно филологически фантазировал насчет «Москвы — Петушков», не указано. Неужели все трое сразу? Представляю такое камлание.

Но вернемся к био-части. Лекманов и Свердлов (филологи из ВШЭ) в соавторстве создали уже несколько биографий, например, Есенина. Биографии эти не имели массового резонанса. Третий соавтор — Симановский — кандидат физматнаук, журналист и краевед-любитель, не имевший до этого серьезных публикаций. Думаю, именно он добавил в биографию некоторые детали и подробности, ценные более для любителей статистики.

Биографическая часть представляет собой бесконечное цитирование источников, среди которых особо популярны два — сборник мемуаров «О Веничке» (2008) и толстый том «Мой очень жизненный путь» (625 страниц, Вагриус, 2003). Плюс несколько авторов написали маленькие мемуары специально. Обозначенные на обложке люди все это расположили в определенном порядке, как и обещали в начале книги: «Мы как можно больше места предоставим мемуарным высказываниям современников о Ерофееве... Себе мы отвели роль отборщиков, тематических классификаторов, а также проверщиков всего этого материала на фактологическую точность». Такой «Пушкин в жизни» на новый лад.

РЕЗЮМЕ: Самый главный и коренной недостаток книги — В НЕЙ НЕТ КОНЦЕПЦИИ ГЕРОЯ. Кто он, Венедикт Ерофеев? Каково его место в отечественной и мировой словесности? Он гений или шарлатан? От авторов мы об этом так ничего не узнали. Кроме вот такого: «О свободном человеке, которому довелось жить в несвободное время в несвободной стране, мы и попытались рассказать в этой книге». Ну, для концепции слабовато. Компиляция источников плюс филологические фантазии (с добавлением малозначимых, но, да, новых фактиков) — плюс, думаю, авторитет авторов (точнее одного — Олега Андершановича Лекманова) — и БК пала. Ну, в первый раз, что ли. Хотя рано или поздно сомнительные решения расшатывают любые премиальные устои. Вспомним тяжелый кризис «Русского Букера», начавшийся после «Цветочного креста», и премии «Поэт» — после награждения Юлия Кима (чем дело кончилось, знаем).

МУСОРНАЯ ИСТОРИЯ

Шамиль Идиатуллин. Бывшая Ленина.

М., АСТ (Редакция Елены Шубиной), 2019, 520 с.

Шамиль Идиатуллин получил за роман о позднесоветском детстве «Город Брежнев» «Большую Книгу» (третье место). Еще он автор нескольких фантастических и приключенческих книг. «Бывшая Ленина» также была замечена, получила несколько развернутых рецензий, мелькает в премиальных списках. Хочется расширить аудиторию автора, и потому на вопрос, читать или нет, говорю четко — читать. Мне, впрочем, этот роман не понравился.

Уездный город Чупов. Муниципальный чиновник Митрофанов, его жена Лена (с ней давние дразги), дочь-студентка учится в соседнем большом городе. Его начальница (и не только) Оксана. Еще — главная городская достопримечательность, огромная свалка регионального масштаба, отравляющая воздух и возмущающая народ. Вокруг свалки начинается общественное движение, появляются активисты, и их противники. О, как это увлекательно.

Меньше всего на свете я хотел бы читать про чиновников, уездные города и свалки. Ну, прочитал все же. И знаете что? Это именно те чиновники, их жены и свалки, которые я представлял, не читая. Притом что автор любит своих героев (что не такая уж частая вещь сегодня). Почти всегда умело управляет развитием сюжета, в уместных количествах использует метафоры, параллели, ассоциации... скользкие политические темы не обходит, но и не нагнетает.

Однако такое ощущение, что написать это его заставили по приговору суда. И иногда он вдруг начинает торопиться, словно увидев свет в конце тоннеля, пишет быстро, динамично — дескать, скоро финал, отдохну! — потом спохватывается, и снова отправляет нас в провинциальные будни (этот с той, та с этим, а эти-то что учудили...), в окрестности свалки. Мне понравились пять первых страниц книги и пять последних, грустные внутренние монологи матери героя и его жены — и очень умело автор именно ее, Лену, вывел в главные героини (на что и название намекает; вообще в него автор упаковывает много немудреных смыслов — бывшими становятся и героиня, и улица, и город, и его жители). Думаю, 500 страниц между пятью с начала и с конца смело можно было бы не писать.

Стиль неровный, автор то пишет «красиво» и даже витиевато, то сбивается на репортажную скороговорку. Он журналист и медиа-менеджер в «Коммерсанте», что хорошо видно. Вот наугад. Говорит один из героев: «Надо успокаивать людей, перетаскивать на конструктивные рельсы. На любые. Чтобы выговаривались и понимали, чего ждать, а не наливались злобой, пока пробку не выбьет. Включать стратегию разговоров с позиции хитрости, если мы не можем и не хотим позиции силы. Тем более что они могут-то. Они при первой возможности тебя на несколько суток закроют, девчонкам придумают что-то повеселее, а Артёма на бутылку посадят». Чума, короче.

РЕЗЮМЕ. Роман «Бывшая Ленина» нас ничем не удивил, не испугал, не обрадовал. Немаленькая книга буксует, несмотря на развитие фабулы, будучи лишена сверхзадачи, какой-то внятной «Большой Содержательной Идеи». Любая книга должна быть о чем-то, По Большому Счету. Бог с ним, со смыслом жизни,

но хотя бы о механизме экологических протестов. Или схемах существования чиновников. Или о семейных проблемах людей после 40. А если нет идеи, даже актуальное содержание — вся эта борьба со свалкой и борьба с борцами со свалкой — делу не помогает.

БОЕВОЙ ГОВОРУН

*Михаил Харитонов. Золотой ключ,
или Похождения Буратины.*

*Книга 2. Золото твоих глаз, небо ее кудрей.
В двух томах. — М., ИД «Городец-Флюид», 2020.*

Михаил Харитонов — личность литературная. Ее создатель многим известен как радикально-правый публицист, политик, блогер Константин Крылов, среди прочего — главный редактор журнала с «ужасным» для кого-то названием «Вопросы национализма». В этом качестве автор множества публицистических книг имеет ого-го сколько последователей и единомышленников. Но Харитонов-то тоже автор множества сочинений, и тоже имеет армию преданных поклонников! Пересекаются ли эти армии? Уж точно, не на 100 процентов. Короче, пусть Харитонов и Крылов, а также их фанаты между собой разбираются сами. Оба творца есть в ФБ, если не забанены в очередной раз.

В литературе писатель Харитонов занимает сугубо маргинальную позицию. Изданий немного, в премиальном процессе не участвует. По всему видно, что локальная, но крайне устойчивая репутация его устраивает. Впрочем, так ли она локальна? Уже давно Харитонов получил широкую известность, сначала в кругу любителей фантастики, а потом и за его пределами. Его тексты с многочисленными восторженными откликами на них легко найти в Сети. «А, — скажет кто-то, — сетевой автор!» Ну да; есть такая позиция — стоять на страже Настоящей Литературы от так называемых сетевых графоманов, видя в этом свое предназначение. Эх! Ведь как оно бывает: глянешь на охраняемое — а там одни развалины...

Что же до творческого метода Харитонов в «Золотом ключе» — думаю, у каждого в школе был такой приятель: как начнет что-то рассказывать, так не остановишь часами. Чем дальше, тем больше горят его глаза, он размахивает руками, брызжет слюной — а в сбивчивой речи перемешано все читанное, услышанное, понятое и непонятое. И Жюль Верн, и бледная копия «Камасутры», подсмотренная у старшего брата. И журнал «Вокруг Света», и толки об инопланетянах. Особо любимый жанр — несуществующие продолжения любимых всеми книг. Особо популярны «Три мушкетера», например, или «Понедельник начинается в субботу». Потом, в старших классах, это у большинства проходит само собой. У немногих остается — и даже пускается в ход.

«Золотой ключ» на сегодняшний день — это *opus magnum* Харитонova. И то сказать — обе части тянут на 2000 страниц, а будет еще и третья, без сомнения, также крайне увесистая. От мира «Золотого ключика», который Харитонов взял за основу, в его эпосе не осталось практически ничего. Если рассматривать «Ключ» лишь как травестию «Ключика», с похабнейшими похождениями героев и матерщиной вместо романтики, то такого материала хватило бы на короткий анекдот. Но нет, нет, перед нами не тонкая струйка постмодернистской иронии, но мощный, поистине эпический поток ужасных, кощунственных, ни в какие рамки не уместяющихся словоизлияний. Франсуа Рабле (к которому Харитонов испытывает явную приязнь) — но никак не Владимир Сорокин.

Если говорить о содержании, то пародийный изначально текст включает множество злых издевок надо всем на свете, в частности, и над официальными идеологемами, и над штампами массовой литературы. Притом в его составе и стихи, и драматургия, и инструкции, еще куча образцов литературных и не вполне литературных жанров. В известном смысле это наша «Бесконечная шутка». Но рифмуется творение Харитонova скорее с еще одним маргинальным, по воле самого автора, конспирологическим эпосом — «Бесконечным тупиком» Дмитрия Галковского. Во многом благодаря конспирологической подкладке «Золотой ключ», в его интернет-варианте, пользуется поистине фанатичной любовью у очень сплоченной аудитории. Далеко выходящей за фантасти-

ческое «гетто» и уж в любом случае превосходящей аудиторию большинства литературных лауреатов.

РЕЗЮМЕ: Текст Харитонов — это терапевтическая фиксация бессознательного научно-технической (в меньшей степени гуманитарной) интеллигенции, социопатичной и склонной к конспирологии. А впрочем — и для непосвященных-невовлеченных это чтение занятное. Но именно поклонники находят в темпераментной книге Харитонova то, чего простым читателям не увидеть. Есть анекдот: одному безумцу казалось, что звезды на небе складываются в оскорбительную для него надпись. Он долго лечился и вот, наконец, увидел, что на небе написано: «Привет, Вася!» Ну, или название харитоновского эпоса — «Золотой ключ» от всего на свете.

ТАБЛЕТКИ ОТ СЧАСТЬЯ

*Мишель Уэльбек. Серотонин. Перевод М. Зониной. М.,
Издательство АСТ. Corpus. 2019. 320 с.*

Мишель Уэльбек видит Европу глазами кремлевского пропагандиста. Окружающее пространство для него отвратительно, наполнено всякого рода извращениями, а главное — от европейской жизни так и тянет тленом, мертвечиной, отсутствием смысла жизни. Среди прочих примет загнивания и разложения, например, дается довольно подробное описание секса неверной подруги героя с животным (не скажу, каким!). Так может быть, там, за бугром, все и правда ужас-ужас? Разумеется. Другое дело, что так, по Уэльбеку, везде. Его тотальная мизантропия границами не корректируется. «Утром первого января, как и во все утра мира, солнце встало над горемычной нашей жизнью».

«Серотонин», написанный, как обычно у Уэльбека, от первого лица, посвящен сугубо частной истории. В этом я вижу проблему. В своих первых книгах Уэльбек сразу заговорил о грандиозных вещах: конце света, антропологической катастрофе и прочем.

Трудно менять такой масштаб. Мне грандиозности обобщений в Серотонине не хватало. Как-то оно, знаете, мелкогато.

Потому что история героя, при всей виртуозности исполнения, крайне банальна. Хорошо обеспеченный неудачник (такова его самооценка) под пятьдесят всю книгу активно страдает то ли от экзистенциальной пустоты, то ли от клинической депрессии. Попутно он думает убить разных людей (включая пятилетнего ребенка), себя; наблюдает вооруженную борьбу французских аграриев за свои права и другие картины загнивающего Запада, повторю, словно почерпнутые из материалов Russia Today. Да читали мы про такое миллион раз. Скажу в рифму: зачем же нам Серотонин, если был уже Селин?

Затем, отвечу, что книга хороша вне зависимости от идейного наполнения. Злая ирония, тонкое издевательство над всеми социальными и просто человеческими институтами бодрят. Особого упоминания заслуживает изничтожение Уэльбеком психиатрической отрасли, его насмешки над искусственным раем чудодейственных препаратов.

Цитата как раз об этом: «Маленькая белая таблетка овальной формы с насечкой посередине. Она ничего не создает, не видоизменяет; она интерпретирует. Все окончательное делает переходящим, неотвратимое — случайным. Она дает жизни новое толкование, обедненное, искусственное, слегка деревянное. Счастья она не приносит ни в какой форме, ни даже настоящего облегчения, ее смысл заключается в другом: превратив жизнь в последовательность механических действий, она им просто помогает обманываться. А стало быть, и выживать или хотя бы не умирать — какое-то время».

РЕЗЮМЕ: Уэльбек на сей раз ничем не поразил, да и не удивил. Его фирменная мизантропия все та же — но все так же хороша. А жизнь в Европе, похоже, и правда дрянь.

Станислав Минаков

Родился в 1959 году в Харькове. Поэт, прозаик, переводчик, эссеист, публицист. Жил и учился в Белгороде. Автор поэтических сборников «Имярек» (1992), «Вервь» (1993), «Листобой» (1997), «Хожение» (2004), «Невма» (2011), «Снить» (2014), а также книг прозы, энциклопедий и альбомов. Лауреат многочисленных литературных премий. Награжден золотой медалью «Василий Шукшин» (2014). Живет в Белгороде.

О ВОССТАНИИ ДЕКАБРИСТОВ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО

На выход кинофильма «Союз спасения»

Кто-то, как всегда, в восхищении от новой кинокартины, кто-то чертыхается, кто-то утверждает, что «Союз спасения» — первый российский фильм за 30 лет, который досмотрел до конца. Консерваторы обвиняют создателей фильма в намеке на призыв к болотному майдану, псевдолиберальное общество клеймит продюсера Эрнста как соглашателя, «запутинца», а то и монархиста, пытливые историки усматривают неточности и неполноту.

Фильм, который активно анонсировался Первым каналом, включая приход Эрнста в программу Урганта, а также несколько часов бесед в передаче у Галкина с приглашением режиссера и актеров фильма, заинтриговал. Встревожил слоган киноленты: «Мы вышли. Нам не вернуться».

«Наши войска заняли Париж. Россия стала первой державой мира. Теперь все кажется возможным. Молодые победители, гвардейские офицеры, уверены, что равенство и свобода наступят — здесь и сейчас. Ради этого они готовы принести в жертву всё — положение, богатство, любовь, жизнь... и саму страну» — так написано в одном анонсе. А в другом — «масштабная историческая драма о взбалмошных декабристах и загнанной в угол власти».

Безусловно, тема очень важная. И по-прежнему актуальная. В ней для нас — много белых пятен. В истории с декабрьским восстанием 14 декабря 1825 г. много такого, о чем мы не знаем вовсе. Мы привыкли воспринимать декабристов как «разбудивших Герцена», руководствуемся школьной программой, поэмой Некрасова «Русские женщины», фильмом Владимира Мотыля «Звезда пленительного счастья». Помним, что «кавалергарда век недолог», а также что «все они красавцы, все они таланты, все они поэты».

Кое-кто читал давний роман Марии Марич «Северное сияние». Мало кто читал архивы под редакцией академика Милицы Нечкиной, где декабристы-дворяне в протоколах допросов вели себя не как герои чести и достоинства, а как обычные люди, т. е. со всеми, в том числе гадкими, человеческими качествами. Не все были такими, как герой романа Марич декабрист Лунин, но большинство вело себя «не очень», и это было для читателей Нечкиной потрясением.

Однако тем, кто копнул глубже, открываются иные пласты понимания тех трагических событий. Создатели фильма постарались посмотреть на ситуацию как бы с обеих сторон. И общий пафос картины, пожалуй, следует понимать как ужас от гражданской войны. И еще фильм о том, как благие намерения, грезы и умозрения молодых героев войны 1812 года — красавцев, талантов, поэтов — ведут в ад.

И еще о том, что есть долг присяги, долг перед Отечеством, который выше личных пристрастий и воззрений. Этот аспект воплощен актером Александром Домогоаровым в роли генерал-губернатора Михаила Милорадовича. Возможно, это самый яркий персонаж картины.

Пожалуй, создатели фильма решили воспользоваться восстанием на Сенатской площади, чтобы поговорить о бессмыслен-

ности любого бунта, снять своего рода фильм-предупреждение. «Одуревшие от победы над Наполеоном и ожиданий демократических вольностей дворяне-фронтовики решают устроить бунт, — пишет кинокритик Ярослав Забалуев. — В процессе подготовки мятежники разделяются на Северное и Южное общества. Кончается все плохо».

По словам режиссера Андрея Кравчука и продюсера Константина Эрнста, «Союз спасения» — последняя часть их исторической трилогии о монархической России. Если «Викинг» рассказывал о зарождении государства, а «Адмираль» — о крахе самодержавия, то новый фильм обращается к этапу правления Александра I и Николая I, в котором вскрываются причины общественного разлада, приведшего к попытке переворота.

Хороша операторская работа Игоря Гринякина (известного также по фильмам «Территория», «Движение вверх», «Викинг», «Высоцкий. Спасибо, что живой», «Адмирал»), уроженца Белгородчины, на которой снимались все эпизоды с «Южным обществом», где восстанием руководили Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин. Прекрасны меловые разломы в кадре, а также заснеженные всхолмия и долины, неотличимые от малороссийских. Кстати, герои фильма уместно и адекватно употребляют именно термин «Малороссия», тогда как в субтитрах фильма зачем-то неоднократно написано: «Украина» (?). «Малороссийские» кадры фильма снимались в Шебекинском и Валуйском районах Белгородской области, где были специально выстроены хаты, крытые соломой.

В фильме снялись молодые одаренные артисты Леонид Бичевин (Сергей Муравьев-Апостол), Максим Матвеев (князь Сергей Трубецкой), Павел Прилучный (Павел Пестель, коего показывают только с правой щеки, поскольку у артиста слева на шее имеется зачем-то татуировка), Иван Янковский (Михаил Бестужев-Рюмин), Антон Шагин (Кондратий Рылеев) и другие. Этим другим многим (их десятки!), тоже талантливым, особо показать себя так и не пришлось из-за малости места в фильме.

Почти никак себя не проявил на экране один из пятерых впоследствии повешенных, Петр Каховский (роль актера Сергея Агафонова).

Короткую роль невесты Муравьева-Апостола сыграла супруга продюсера фильма Софья Эрнст. В ленту вошли лишь фрагменты отснятого с нею материала, оттого персонаж — княжна Анна Бельская — выглядит маловразумительно.

По касательной проходят в фильме даже такие актрисы, как Светлана Малеванная и Ингеборга Дапкунайте. В роли Александра Бенкендорфа хорошо выглядит Александр Лазарев (младший). Особо выделим удачную роль сенатора Николая Мордвинова в исполнении Сергея Колтакова. Это он на слезе произносит у Сенатской площади: «Там русские убивают русских!»

Новизну зрителям привнес хорошо поставленный и сыгранный малоизвестный эпизод с жестоким убийством южными декабристами полковника Густава Гебеля (актер Владислав Ветров).

Фильм, по меткому наблюдению критика, похож на что-то среднее между шоу реконструкторов и «Старыми песнями о главном». «Если второе еще понятно (вспомним имя продюсера — Константина Эрнста), то чисто техническая неликвидность повергает в настоящий ступор. Честное слово, мы не против качественно сделанной пропаганды — настоящее искусство всегда имеет свойство оказываться выше любой идеологии. Однако смотреть на сборную лучших лиц российского кино ... которая два часа тычется в края экрана, попросту утомительно. «Адмирал» и «Викинг», исполненные теми же авторами, все-таки были хотя бы провокативны — говорили о событиях одиозных.

Декабристы в этом ряду — слишком легкая мишень, чересчур очевидный повод для назидания потомкам. При этом авторы фильма будто бы и сами не вполне верят в то, что пытаются сказать, а потому не могут определиться с отношением ни к декабристам, ни к их антагонистам. С одной стороны, бунтари — почти гай-ричевские бретеры (карты, деньги и стволы в ассортименте), с другой — ошалевшая золотая молодежь, с третьей — прогрессисты, с четвертой — опасные сумасброды. То же и с противоположным лагерем: если бунт — это зло, то государь — несомненное добро. Однако объявить спасителем России (от кого?) императора Николая Павловича создателям фильма тоже чего-то не хватает...»

В целом, на результате сказалось бытующее теперь в ходу экшн-мышление. «Современная динамика», так сказать. Возможно,

дело и в сценарии, который по факту предъявления на экране оказался кусочным, трудно связуемым. Авторы сценария — Никита Высоцкий и Олег Маловичко (последний — сценарист фильмов «Притяжение», «Вторжение», «Елки», сериалов «Метод» и «Склифосовский», «Троцкий»).

В кусочной подаче-нарезке есть реверанс в сторону молодого зрителя, который и ходит в кинотеатры. Надо ведь — из коммерческих да и прочих соображений — устанавливать коммуникацию в кинозале именно с ним, нынче не умеющим мыслить цельно, симфонически, привыкшим к видеоклипам, порой жующим попкорн и пьющим кока-колу даже на просмотре трагических фильмов о Великой Отечественной.

Решительно прав критик Владислав Шуравин: «"Союзу спасения" отчаянно не хватает хронометража для настолько масштабной истории. (Фильм длится чуть более двух часов, а снято, по признанию членов съемочной группы, часов на шесть. — С. М.) Потому и возникает одна из важнейших проблем прочтения фильма — совершенно невнятные образы декабристов. Шагин может сколько угодно выпендрено цитировать Рылеева, а Прилучный с красным, как помидор, лицом изображать разгневанного Пестеля — арки их персонажей упираются в недостаток времени; сложные личности, какими они задумывались, превращаются в маски. Один импульсивный, второй не от мира сего, третий циничный, а четвертый — самый дерзкий и целеустремленный — напролом, забыв о возлюбленной, идет со знаменем революции. Впрочем, надолго в сюжете они не задерживаются: история слишком суматошно и вскользь рассказывает о судьбе каждого из них».

Сюжет в фильме фактически отсутствует, авторы фильма, судя по всему, рассчитывают на некоторое априорное зрительское знание темы. Вместо сюжета мы видим, по точному замечанию Ярослава Забалуева, «набор разрозненных, выполненных в разных стилистических регистрах эпизодов. Вот будущие смертники и каторжане выпивают с императором Александром. А вот они же азартно и вновь не за пустым столом обсуждают план будущей революции. Вот скоропостижно назначенный государем Николай I очень боится, что толпа на площади сейчас пойдет его убивать. А вот Павел Пестель рассуждает о том, что царскую

семью вообще хорошо бы истребить — причем затем убить и исполнителя из своих».

К слову, в фильме нашел свое место шокирующий эпизод с «возможным» развитием событий, когда во время южных маневров революционеры, по плану изначально настроенного на резню Пестеля, убивают Императора.

Тридцатилетний композитор Дмитрий Емельянов (автор музыки к фильмам «Про любовь», «Я худею», сериалам «Обычная женщина», «Шторм» и др.) зачем-то, непонятно, с чьей подачи (продюсеров?), вставил в фильм постоянную тему в бедноватой инструментальной обработке (к счастью, без текста) известного хита группы «Наутилус Помпилиус» про апостола Андрея. Неужели так важны были в музыкальном подтексте неудачные строки Ильи Кормильцева «Видишь, там, на горе, возвышается крест./Под ним десяток солдат. Повиси-ка на нем./А когда надоест, возвращайся назад,/гулять по воде, гулять по воде, гулять по воде со мной!». Может, для авторов киноидеи ключевым было слово «повиси-ка»?

Правда, повесили пятерых декабристов почему-то под музыку Басты к его хиту «Сансара» («Таков закон сансары — круговорот людей...»). Совсем непонятный отсыл к индуизму, даже если иметь в виду, что многие декабристы и недекабристы были хоть и вольными масонами, но все же крещенными в Православие по рождению. Может, тема сансары — зашифрованное сообщение о повторяемости революционных ситуаций в нашей стране? Проблема актуальна и тревожна, в самом деле.

И это не единственное включение современного мелоса в декабристскую киноленту: есть еще тема «Heart-Shaped Box» группы «Нирвана», сопровождающая стрельбу на Сенатской площади.

Зачем так сделано? Возможно, это кодовое (как 25-й кадр) послание молодым зрителям, для опознавания «свой-чужой». Однако, в частности, наутилусской песне «Апостол Андрей» уже как минимум лет тридцать, а его изначальным поклонникам — уже более 45-50 лет.

Кто-то полагает, что фильм «Союз спасения» помпезен, поскольку «сцены пестрят аутентичными костюмами и дореволюционными интерьерами, а кадры напоминают размашистые

батальные полотна», поневоле вспомнишь Бондарчука-старшего. Действительно, кино такого безупречного технического исполнения на постсоветском пространстве — большая редкость.

Однако это соседствует с уже «изжившими себя драматургическими костылями из дешевых ТВ-проектов». Как гротескно отмечает критик, «вместо экспозиции — сотни титров под каждым из героев, будто хотя бы треть из них после представления не исчезнет с экрана навсегда, вместо развития действия — текст на черном фоне, небрежно склеивающий временные промежутки».

Втискивать многое в формат киносеанса было трудно, и это сказалось на результате в виде некоторой кинематографической скороговорки.

Вполне удались образы императоров — Александр I (актер Виталий Кищенко) — правитель, великодушно закрывающий глаза на тайные общества, нетривиальное «воплощение мысли о необходимости ежовых рукавиц» и Николай I (актер Иван Колесников) — «жертва положения и суровый политик, который не хочет устраивать резню, но в силу обстоятельств обязан замарать руки». «И даже в критические моменты он пытается предотвратить катастрофу, дает декабристам шанс уйти с Сенатской целыми и невредимыми, несмотря на убийства соратников».

А хорошо бы в самом деле оживить память об истории России созданием серии фильмов, желательно высокого художественного уровня. Ведь в СССР создавались картины и о полководцах, мореплавателях, композиторах, создавших славу России.

Остается лишь вообразить, говорит Ярослав Забалуев, каким мог бы получиться фильм, если бы рассказчиком и стержневой фигурой драматургии стал, скажем, Николай Михайлович Карамзин, чью роль в этой истории сложно переоценить. Автор «Истории государства российского» был другом и наставником многих участников восстания. «Воочию видевший последствия французской революции, он с возрастом стал не столько сторонником самодержавия, сколько приверженцем эволюционного пути развития России. Эту мысль он пытался донести и до будущих бунтовщиков, дабы уберечь их от гибели, а Россию от очередного потрясения. 26 декабря 1825 года взволнованный Карамзин

вышел на Сенатскую площадь, где подхватил простуду, ставшую для него фатальной, — он скончался меньше чем через полгода. Возможно, такой фильм-предупреждение — для всех, а не только для раскачивающей лодку интеллигенции — тоже когда-нибудь снимут».

Государь Император Николай I Павлович, прозванный Николаем Крепким, говаривал: «Спешите делать добро!». Это — очень трудная задача.

К 150-летию художника Григория Гуркина (1870-1937)

Григорий Иванович Гуркин (Чорос-Гуркэ)

Озеро Каракол. 1909

Холст, масло 54x74,5

Собственность ГХМАК